

ISSN 0235—2737

Парус 5-6 / 1991

AMERICAN
BOY,

VEDU

S TOBOY!

*Musy
Spyna*

Андрей ПАТРЕЙ,
группа «Улисс»

Отечество. Добро. Справедливость.

Парус

Всесоюзный журнал для подростков

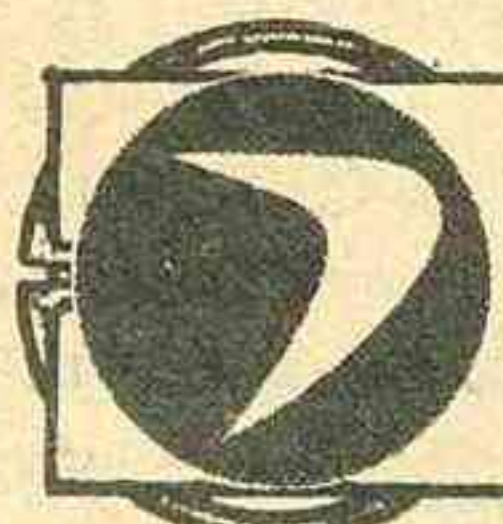
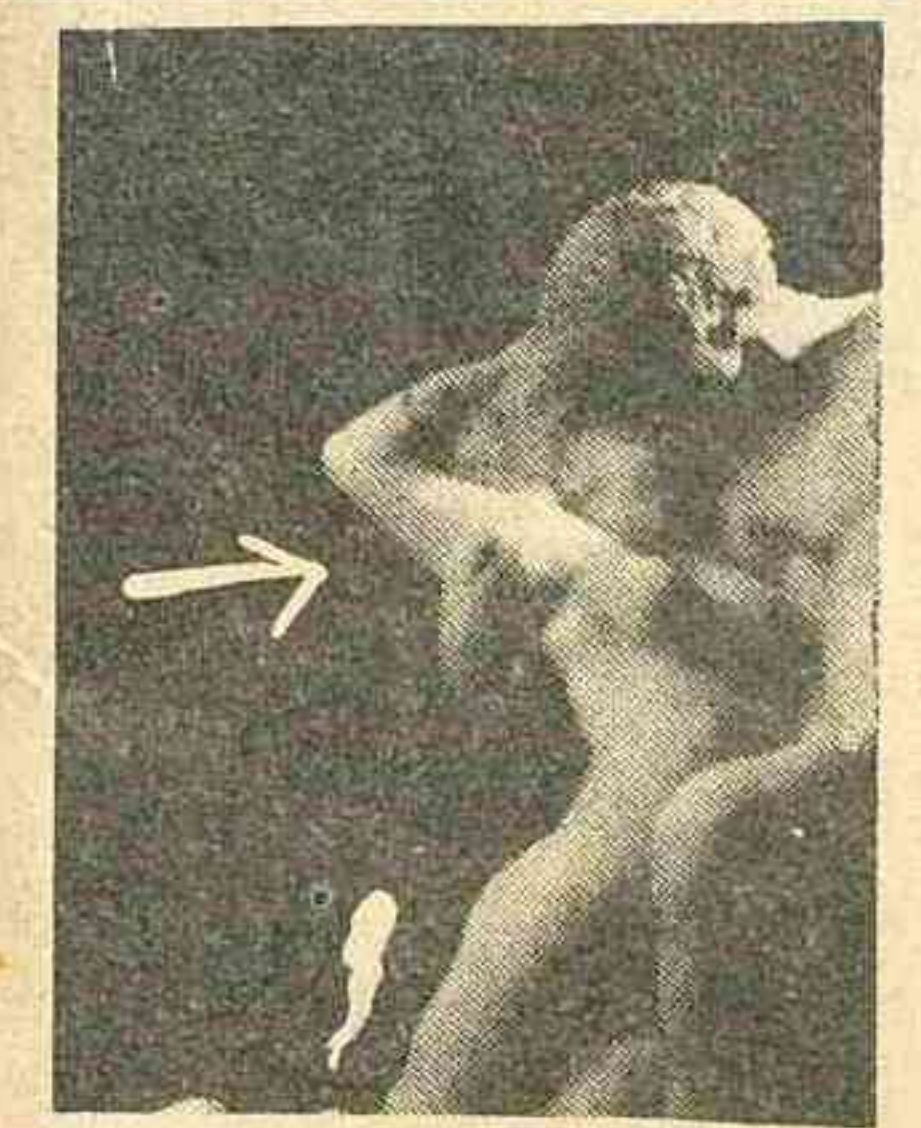
Минск, «Полымя». Издаётся с июля 1972 г.

В номере

<i>Время по Горбачеву</i>		
И что ей в этом Бутусове	2	2
<i>Он-позиция</i>		
Ирина ХАЛИП. С иконой на вытянутой руке	4	4
Свободная территория	8—21	21
<i>Без нотаций</i>		
Владимир ХАЧИРАШВИЛИ. Цветы для «зондерши»	22	22
<i>Предъявите права!</i>		
Виктория ПЕТРОВА. Трудно стать ангелом	24	26
<i>Работа над ошибками</i>		
Марина БИРЮКОВА. «О, как убийственно мы любим!..»	26	26
<i>Капля меда</i>		
Анжелика АБРАМЕНКО. Мой небольшой жизненный опыт...	30	30
<i>Идея!</i>		
Дина МИНА. Одержимый пожиратель мороженого	31	31
<i>Словарь</i>		
Ольга СОКОЛ. Я бы в брокеры пошел...	32	32
<i>Темнота — друг-враг молодежи</i>		
Все мы немножко донжуаны...	34	34
Марина БИРЮКОВА. Постараемся остаться людьми	36	36
<i>Самоздат</i>		
Билет в счастье	38	38
ФИТ		
Ольга СОКОЛ. Актриса по объявлению	40	40
<i>Час приема по вечным вопросам</i>		
Свободы хочу, свободы!	43	43
КТЦ «Парус». Кто ты будешь такой?	44	46
<i>Авторский лист</i>		
Ирина АНДРИАНОВА. Токмаков переулоч. 8 мая. Повесть. Окончание	50	50
<i>Острый угол</i>		
Игорь КОН. Почему Миша хочет быть Машей?	64	64
<i>33 не счастья</i>		
Тамара САХАЩИК. Дымясь, горит костер...	68	68
<i>Маскарад</i>		
Владимир БОЖЕНОВ. Интервью со святым Антуаном	70	70
<i>Супермены: правда и вымысел</i>		
Дмитрий РОЗАНЦЕВ. Маленький дракон по имени Брюс	72	73
<i>Я шагаю по Москве</i>		
Ирина ПАВЛЮЧИК. Суперфиниш перед суперстартом...	76	76
<i>Внимание! Конкурс!</i>		
Сэлфи-92	79	79
10 уроков большого тенниса	94	94

Здесь, на поле, напротив названий публикаций номера, по десятибалльной шкале проставьте свои оценки, отрежьте анкету и вышлите в редакцию

Здесь по десятибалльной шкале — оценки за оформление публикации. Спасибо вам!

5-6 / 1991

время по Горбачеву

А здесь, с этой стороны нашей анкеты, пожалуйста, основные данные о себе:

имя и фамилия (это — если считаете нужным);

возраст;

где учитесь или работаете.

И последнее: если оценка статей и иллюстраций к ним в баллах кажется вам недостаточно красноречивой, можете приложить к анкете письмо со своими комментариями. Такое развернутое мнение о номере будет для редакции особенно интересным.

„Привет

Я не буду писать о личном — не доверяю бумаге и не хочу врать себе же. Но я буду писать о том, что для меня не менее важно и значительно: это музыка.

Я не лабаю сама. Не тусуюсь на рок-н-рольных тусовках. Тем более, я не фанатка. Только без «Аквариума», «Кино», «ГО», «Чай-фа», «Телевизора» и многих, многих других моя жизнь, да и я сама, была бы совершенно другой.

Да и второй после мамы по

влиятельности на меня человек — это, извините, Константин Кинчев. Еще раз повторяю — я не фанатка. Мне наплевать на его внешность и манеры, на ком он женат и сколько у него детей, сколько он пьет и чем закусывает... В конце концов, это его личное дело. Мне многое в нем не нравится — но это уже мои проблемы, и от этого ему ни горячо, ни холодно.

Важно для меня другое: в том, что он делает для себя, я нахожу что-то свое. И за это

«Что ей в этом Бутусове?»

На вопрос мамы из Свердловска отвечает девочка из Пензы (дискуссия открыта: присоединяйтесь к нам, присоединяйтесь!)

Пишет вам мать 14-летней дочери. Ее зовут Катя. Я не знаю, как с ней справиться, и виной всему музыка! Я не скажу, что Катя как-то буянит, нет. Домой возвращается вовремя. Да пусть только попробует не прийти! Но из-за музыки сходит с ума. Я уж и била ее за то, да какой толк? Может, надо телевизор отключать или магнитофон забрать, чтобы вернуть мне девочку?

Да хоть бы увлекалась чем-нибудь путевым, а то накупила фотографий Бутусова и Цоя и смотрит на них. Девчонки хоть «Ласковым маем» увлекаются — ребята красивые, а Катя? И что ей в этом Бутусове?

Вот недавно утром собралась на работу, радио включила, а она как скак с кровати! Оказывается, Бутусов выступает. Встала на стул и смотрит на это радио, как на бога. А тут

еще Цой погиб. Поднимаюсь по лестнице, слышу рев. Думала, что случилось. Катя же ничего не объясняет. Потом из газет узнала, что кумир ее погиб. Да что так реветь, он ей брат, что ли? Потом два месяца ходила, как побитая. Спрашиваю: «Где была?» «По улице шаталась», — говорит. И ревет, как увидит что про него. Мне уже надоело, я ее бить стала за это.

Тут приходит ей письмо от девки какой-то, пишет, чтоб она сбежала из дома. Ну, я ей выговорила все. Катя орать стала: «Да как ты смеешь письма мои читать?» А я — мать, и я смею. А чтоб не языкастила, я ее тапкой по губам! «Что ж, — говорю, — не бежишь?» Думаете, что она ответила? «Живи спокойно!» Это она мне одолжение делает, нахалка! Правда, письма ее

я сейчас не читаю, может, хоть помягче станет... Ведь в последнее время совсем со мной не говорит, может, что задумала? Мне-то что, пусть не разговаривает, главное, чтобы не связалась с такими же фанатами, а то натворит чего, мне позору не оберешься.

Она мне тут высказала: «Ты не мать! Я тебя ненавижу!» Думает, я ее так уж люблю, это нелюд какой-то, а не ребенок. И все эта музыка. Если она от нее отвяжется, мне будет легче.

С уважением — Г. В.,
г. Свердловск

«Всем!»

(еще раз повторю этот каламбур: за то, что он делает для себя) ему большое спасибо.

Каждому человеку для самовыражения нужен слушатель. Мне, например, хватит одного. Кинчеву необходимы тысячи. Каждому свое, как говорится...

Можно было бы еще пораспространяться насчет фанов, но не хочется. Все равно они были, есть и будут. А хочется вот о чем... Когда я узнала о гибели Цоя, я в это время его почти уже не слушала. Но все равно это

был крупный облом. Извините, это глупо, но я плакала под его песню «Следи за собой, будь осторожен...». Потом умные люди, его друзья, стали уверять, что это была хорошая смерть, плели что-то о червивых яблоках... И тут я поняла главное — у наших «кумиров» (не люблю этого слова) нет будущего. Нет его ни у Цоя, ни у Гребенщикова, ни у Кинчева... Я не пророчу смерть. Дай Бог им здоровья и счастья (тоже глупое слово). Только для меня они уже в брат-

ской могиле. Это не значит, что «рок-н-ролл мертв», на их место пришли и придут еще новые: «А я пришел, чтобы найти могилу и откопать наконец рок-н-ролл, я заверну его в листья крапивы, заткните уши — я уже пришел». Но это будет уже не наше. Это будет «своим» для новых.

Что же останется нам, тем, кто никогда не изменит своему, пускай умершему или убитому, облитому дерьмом и забытому?

Не знаю...

Но только завтра утром я опять поставлю свою любимую кассету...

Аксинья, 18 лет

С ИКОНОЙ НА ВЫТЯНУТОЙ РУКЕ

Ему —
восемнадцать.
И я совсем
не таким
представляла
его.

— Ах, как жаль,
что вы
появились
так
неожиданно —
если бы
я был готов
к вашему
визиту,
я подобрал бы
униформу и
встретил вас,
как
настоящий
«памятник».
Объясняю
для
непосвященных:
мой
собеседник
вовсе
не собирался
играть
в монумент.
А «памятник» —
всего-навсего
слово,
производное
от «Памяти» —
той самой,
о которой
столько
говорено-
переговорено.

— Может быть, перейдем на
ты!

— Господь с вами, что вы,
никак нет, я не смогу обращаться
к вам столь фамильярно, ведь
вы — представитель журнала,
который я глубоко уважаю.
И еще «Молодую гвардию».

От неожиданности давлюсь
долькой мандарина, любезно
предложенного соседями Анд-
рея по комнате в общежитии. Впро-
чем, я о многом не подозрева-
ла — например, о том, что «па-
мятник» может так тихо и ровно
говорить и так странно для
«памятника» выглядеть: невысо-
кий, тощий, в очках с толстень-
кими стеклами, с нервными рука-

ми, не знающий, куда их девать.

Он говорил, говорил, как буд-
то хотел успеть все и в то же
время боялся, что все-таки не
успеет.

— Понимаете, в России сейчас
происходит мелкобуржуазный
переворот. Он зарождался во
времена правления Брежнева,
когда вместо диктатуры рабоче-
го класса — а ведь это спра-
ведливо, что власть иметь дол-
жен тот, кто трудится — начала
складываться диктатура парт-
кратии, распределения, торгов-
ли. Именно тогда сложился сред-
ний класс, не имеющий средств
производства, зато имеющий
определенную прибавочную

стоимость. И наша государственная система объединила мелких буржуа, создающих друг для друга прибавочную стоимость, получающих, не трудясь, доходы — как аппаратчики, например. Имея экономическую власть, мелкие буржуа в эпоху перестройки стали рваться к власти политической. Именно в этом смысл митингов на Манежной площади, а не в демократии. Жалко тех ребят, которые кричат о демократии, свободе, культуре, а сами, совершенно не подозревая о том, ведут к власти самое отвратительное, что может быть на свете, — мелкую буржуазию с ее невежеством, хищничеством и полным наплевательством на интересы народа.

В техническом институте, где учится Андрей, его зовут Политиком. На подоконнике в комнате, где он живет, — тома Маркса. Еще в школе он внимательно их изучил и даже законспектировал. Просто так, для себя. И в считанные минуты развернул передо мной всю галерею политических лидеров Советской страны.

— Напрасно говорят сейчас, что при Сталине была абсолютная монархия. Нет, было движение, правда, к чему — неизвестно. Просто Сталин социализм понимал по-своему, как недоучившийся в духовной семинарии. Я не принимаю его точку зрения, но признаю, что он был социалистом, во всяком случае, куда более глубоким, чем Брежнев. Вообще-то, к настоящему социализму мы пришли бы при Хрущеве, но — недотянули. Именно по вине этой системы, которая сделала Сталина, из-за бюрократического аппарата, который уже он сформировал своим кадровым подбором.

— А репрессии?

— А репрессии — это очень сложный вопрос. Вот заговорили о Сталине: смотрите, какой гад, столько миллионов уничтожил! А говорить здесь нужно об очень сложных процессах, о том, что во всем мире тогда такое, черт возьми, происходило — ни одну страну нельзя назвать чистой. Сталин был борец, борец за свои идеи, хотя бы за это я его уважаю. За убийства — ненавижу, правда.

За окном падал снег. Медленно умирала осень. Было первое декабря. На столе катастрофически быстро таяла гора мандаринов, принесенных Андреем из ближайшего овощного...

— Самой идеальной фигурой у нас, конечно, был Андропов. Жаль, умер быстро. Да и горбачевское правление начиналось прекрасно: вновь заговорили

о социалистических идеалах, о возвращении к старым добрым идеям, быть может, даже к власти рабочего класса. Воспрянула духом интеллигенция, и тут все повернулось в совершенно иную сторону. В основном — из-за личности Горбачева, человека умного, интеллигентного, но не политика. Не может называться политиком человек, который ни одно дело не в силах довести до конца.

— Хорошо, Горбачев — не политик, допустим, тогда что бы сделал ты, Андрей-политик, на его месте?

— На месте Горбачева я объявил бы, как в Японии, общенациональную программу действий за выход из кризиса, но не сейчас, а в 87 году. Сейчас уже поздно: средний класс рвется к власти любыми путями. Обратите внимание на расслоение сил: левые, правые, сторонники социализма, капитализма... На самом деле, как говорил Троцкий, в любом политическом споре нужно искать вопрос о бифштексе. Я Троцкого вообще не ценю, но эту фразу взять можно. И какой бифштекс сейчас делится? Кто выступил за переход к рынку? Тот же средний класс. А раньше они кричали о социализме, потому что этими идеологическими догмами прикрывалась их правовая и экономическая нечистоплотность. С социализмом их ничего, кроме фразеологии, не связывало, с Марксом тоже. И вот сейчас они развернулись на Запад и надрывают глотки, приветствуя капитализм, а те, кто не успел, — возглавили правое движение. А честные люди на перепутье.

Первый раз в жизни Андрей получил ложкой по лбу, когда ему было двенадцать. За семейным обедом он заявил, что в Америке все не так уж и плохо. За что и был наказан отцом. В тринадцать поехал в Артек и прослыл антисоветчиком: осмелился высказать на пионерском сборе, что наше правительство устарело и пора его менять. А ему там: помолчи, дурачок несмышленный, и не порочь родную нашу партию. И Андрей замолчал. На некоторое время, в течение которого он мучительно много думал. Потом у него были проекты тотальной власти интеллигенции, установления демократии, перехода к буржуазному строю, политики военного коммунизма. В шестнадцать лет он стал читать философов. Сегодня, в восемнадцать, считает себя национал-социалистом. Я остолбенела от этого слова.

— Я не сторонник политиче-

ских партий. Если бы я имел возможность создать национал-социалистическую партию, я не стал бы этого делать, потому что все обычно начинается с хороших, добрых фраз о культуре, а кончается волосатыми мужиками с накачанными бицепсами и с дубинами. Вспомните историю «Руха». Возрождение украинской культуры — прекрасно, а потом! Потом студенты пригоняют на многолюдную площадь бензовоз и угрожают взрывом. А сам руководитель «Руха» кричит: «Вы не люди, вы звери!» — и не понимает, что сам, интеллигентный человек, подвел их к этому. Не нужна политическая партия сейчас. Нужно спасение, но я не знаю, в чем оно. Страна идет к гражданской войне. Нужно объединение всех сил, прежде всего думающих, ответственных, добрых людей.

— Уж не Васильева ли с Сычевым?

— Васильев — честный человек, но неправый. И он не понимает, к чему могут привести все его идеи. Он принадлежит к людям, которые не разбираются в диалектике, не понимают политических процессов и поэтому не могут быть политическими деятелями. «Память» Васильева — секта, сектой она и останется. А вот сычевская «Память» — более серьезный вопрос. Сычев — фразеолог. Кричать умеет восхитительно, организовывать тоже умеет. Но его движение лет через пять загнется, потому что не получает поддержки молодежи. А ставку нужно делать на нее. Вот если бы сейчас взяли остановившееся общество, то его можно было бы привести к счастью. Но общество двигается вперед, и я с ужасом вижу, что на смену нам идет морально ущербное поколение, и мы рискуем получить генерацию людей, которым все до фени. Нужно, просто необходимо деполитизированное объединение педагогов, которое смогло бы построить новую детскую организацию с тремя основополагающими принципами: дружба, честь и патриотизм. Это три столпа, вобравшие в себя все добрые качества человека...

Он любит Достоевского. Может читать его запоем с шести вечера до четырех утра. Но не любит Толстого. Говорит, что Толстой очень тяжеловесный и нереальный, и нет у него выстраданных идей. На его книжной полке рядом с «Преступлением и наказанием», «Идиотом» и «Братьями Карамазовыми» стоят «Мастер и Маргарита», «Планета людей».

— Мы испытываем чудовищный дефицит личностей. В левом лагере, кроме болтунов и пусто-звонков, нет никого, потому что это люди, переметнувшиеся из крайности в крайность, ищущие новых благ и новых постов в новых условиях и при новом правительстве. Калугин, на мой взгляд, просто надеется на пост председателя КГБ России. Никакой честности тут нет. Коротич — для вытирания ног тех, у кого сегодня власть. А власть всегда меняется. Сахаров был честным, но не был гуманистом. А гуманистом надо быть во всем: нельзя быть гуманистом по отношению к Армении и человеконенавистником по отношению к Азербайджану. Солженицын куда более интеллигентная и сильная фигура. Вся его натура, вся его сила внушают уважение и преклонение. Его выперли из страны, причем по-хамски. И он сказал: тому, кто покинул Россию, когда его жизни не угрожала смертельная опасность, я не подам руки. И этим все сказано. Предавшим Родину можно считать Маяковского. Его предательство в его стихах, в его жизни, в его творчестве. Ведь предательство — не форма действия, это внутренняя перемена. Он знал, что делает, он имел выбор. Есенин свой выбор сделал. Что поделаешь: как бы ни были сильны русские писатели, но такое сочетание гражданской ответственности, чести и литературного дарования, как в XIX веке, сегодня вообще трудно найти...

Он в тревоге смотрел то на часы, то на диктофон, как будто боясь не сказать что-то важное и волнующее, и после краткой — секундной — паузы заговорил вновь:

— В России очень остро стоит еврейский вопрос. Еврейская нация и русская нация несовместимы, потому что несовместимы иудаизм и христианство. Иудеи не восприняли Христа, они ждут своего царя. А христианская церковь видит в иудейском Мессии нового Антихриста. Но не только в религии дело. Русский человек никогда не смотрел в свой кошелек, он смотрел в небо. Поэтому, может быть, мы такие бедные, но зато мы дали самую великую культуру в мире. Иудейский же характер — это характер накопителя, торговца, очень, кстати, похожий на английский национальный характер. Еще Черчилль на вопрос: почему в Англии не преследуют евреев, ответил: «Мы не считаем евреев умнее себя». В Германии ненавидели евреев за что? За то, что

они были умнее, предприимчивее, а немцы сами хотели быть самыми умными и предприимчивыми. В России такой конкуренции, конечно, не существует, а есть какое-то духовное несопоставление, и я не знаю даже, как от этого избавиться. Бердяев говорил, что XIX век делал ставку на духовную ассимиляцию евреев, и это делало честь столетию. Левитан — еврей, но настоящий русский по духу. Вот это для меня идеальный пример духовной ассимиляции. А в XX веке стали уже силой давить. Правда, кто кого передавил — неизвестно.

В будущем надо рассчитывать на все силы вместе. Ты анархист, национал-патриот, демократ! Но ты веришь в добро, в справедливость! Работайте рука об руку. Ведь тем и плохи идеи, что на определенном этапе они двигают историю, но не меняются, несмотря на то, что время идет. Тогда они начинают тормозить историю, причем с человеческими жертвами. Поэтому нужно провести кампанию деполитизации, но не так, как Попов и Ельцин — у них это сводится к уничтожению КПСС, — а в глобальном смысле, то есть заменить идеи целями. И здесь можно объединить всех. Идеальное государство ведь должно быть таким: ты коммунист — иди, убеждай, люди сами пойдут за тобой. Ни в коем случае не следить за всеми партиями, чтобы по трое не собирались, а просто не раздавать плакаты на митингах, не собирать взносы. Иначе любая идея воплотится в гигантскую толпу с дубинками, которая кричит: бей евреев, русских, капиталистов, социалистов, коммунистов — кого угодно, а впереди толпы будет бежать человек, который эту партию создал, и кричать: «Ребята, куда же вы бежите!» Но его уже никто слушать не будет. Конечно, переход к деполитизации будет очень трудным, он займет лет двадцать-двадцать пять, но если он осуществится, то это будет самое нужное из того, что создаст человечество. Мне вообще кажется, что XXI век войдет в историю как век педагогики.

В мире Андрей ненавидит только одно — Америку. Нет, не континент, не колумбово открытие. Соединенные Штаты Америки. Ненавидит искренне. Потому что считает, что Штаты — это огромное сборище людей, которые когда-либо предали свою Родину. И это — единственное, что он в силах ненавидеть в своей жизни.

На прощание Андрей почему-

то заговорил о свободе.

— Сейчас все, особенно молодежь, помешаны на свободе. Но свобода бывает разная. Когда пьяные юнцы бегают по улице и выкрикивают что-то непристойное, это свобода. Некрасивая. Когда ребята в штормовках сидят у костра и поют песни, это тоже свобода. Красивая. А вообще критерий свободы в том, что все люди различны. И нации различны. Их всех под одну гребенку не подогнать. Поэтому я и считаю себя национал-социалистом.

Андрей просил меня не называть его фамилии и названия института, в котором учится: «Понимаете, если меня узнают, это может мне повредить. А я готовлюсь к очень серьезной политической борьбе годам к тридцати». Ну, конечно, Андрей, я тебя не выдам.

Уже в дверях вдруг задаю вопрос:

— Андрей, а если погромы?..

— А если погромы, то я первый выйду на улицу и буду закрывать собой евреев, как русские интеллигенты, что заслоняли их иконами во время погромов...

Почему-то вспомнила, что за всю беседу Андрей всего один раз улыбнулся — когда заговорил о родителях-романтиках, окончивших вместе инженерно-строительный, махнувших на целину, вернувшихся в Подмоскowie... «Они у меня хорошие», — вдруг неожиданно сказал Андрей, и лицо его как-то изменилось — стало мягче, светлее, что ли?

В автобусе пахло цветами. Даже не совсем цветами, а, скорее, смесью цветов и хрустящего морозного целлофана, в который их заворачивают. Все вместе это сотворяло запах свежести, какая бывает только ранней весной. Очень хотелось жить.

Ирина ХАЛИП

ОТ РЕДАКЦИИ. Интересный, однако, этот парень, Андрей, подумали мы в редакции, и, несмотря на «косые» взгляды, решили опубликовать материал Ирины Халип. В самом деле, смотрите, создал свою философию мира, выстроил модель происходящего вокруг, иначе говоря, имеет собственное миропонимание.

А ведь от нашего миропонимания сегодня зависит жизнь завтра. Так, может, поспорим и с Андреем, и сами с собой? О чем? О том, как жить, как сделать жизнь лучше, в общем, о вечных и всегда новых проблемах бытия.

Ждем писем.

Фото Елены АДАМЧИК

You in the Hermitage *now!*

СВЮБОДНА ТЕРРИТОРИЯ

ИНТИМ-КЛАСС

Есть Тема. Она заявлена, как всегда, вами. Правда, не так настойчиво, как, например, темы неразделенной любви, одиночества, мордобития, дворовых, подъездных, беседочных тусовок, но все же... Ручеек писем про ЭТО не иссякает, но и не уменьшается. МР долго собиралась и собралась, чтобы поговорить о... Господи! О чем же! Сформулировать трудно.

Начнем с писем. «Наши мальчишки в этом году просто спятили. Не знаю, что на них нашло. Специально роняют ручки, тетрадки и лезут под парты, якобы поднимать, а сами нам под юбки глазами заглядывают, и так все время. Как урок, так все — под партами. Ладно — к нам. Даже к Наталье Евгеньевне, физичке нашей, однажды полезли. Она, конечно, не заметила. Нам было стыдно, но мы, девчонки, долго терпели. А недавно один мальчик (фамилии не буду называть) схватил мою подругу. Извините, даже писать не могу, за что. Посоветуйте, как нам жить с ними дальше. Ведь неизвестно, чем это все кончится. (Ирина М., 5 класс, г. Благовещенск)».

Или:

«Я такая дура, прямо не знаю, что с собой сделать. У меня был парень. Мы с ним долгое время встречались. Он красивый, очень умный и веселый. Я знала точно, что люблю его и больше никогда никого не полюблю. И вот случилось непоправимое. До этого момента мы только целовались и ничего больше. Но однажды у меня дома, когда не было родителей, он вдруг начал говорить мне, какая я красивая. Дело не в словах, хотя он неожиданно сказал, что у меня очень красивые ноги и грудь (раньше ничего подобного не говорил), он про-

износил их так, с такой интонацией, что мне стало просто страшно. И когда он сказал, что хочет... ну, в общем, чтобы мы были с ним совсем вместе, я его выгнала. Дверь хлопнула. А я разрыдалась. Потому что сама этого хотела, может, даже больше, чем он. Но почему-то не смогла. А на следующий день он не поздоровался и не подошел...

Не подписываюсь, чтобы никто не узнал, как зовут дуру набитую. (Л. С., 16 лет, г. Новосибирск).

А вот:

«...короче, вы — нормальные ребята, но были бы еще нормальнее, если бы напечатали всю Камасурту (Камасутру — прим. ред.). В этой книге, говорят, есть все позы, как ... . Поймите, нам это необходимо. Вот-вот получу паспорт, девчонок у меня — куча, а не знаю, что с ними делать. Пацаны рассказывают всякое такое, как у них там

с «телками» получается, но я почему-то им не верю. Мне кажется, кроме трепа они сами ничего не умеют. Сделайте доброе дело, а я приеду в редакцию — отблагодарю. Жду. (Горохов, или просто Горох, 16 лет, г. Псков).

И, наконец:

«Почему «Парус» ничего не пишет о сексе? Чем больше мы будем знать, тем меньше ошибок допустим в будущей семейной жизни. Гласность у нас или нет?! Опубликуйте материалы на эту тему. Ведь в кино можно показывать эротические фильмы, так почему в журнале нельзя написать! (Сестры Луганские, Маша и Оля, г. Кричев).

В общем, требования читателя ясны. После долгих дебатов в МР, во время которых мелькали доводы типа: «Много будут знать, скоро состарятся» или «Указ Президента гласит...», а также «Даешь на СТ всю Камасутру с картинками», мы пришли к выводу, что вряд ли имеем

право претендовать (в силу своего возраста и жизненного опыта) на роль учителей в столь сложной теме. Да, кстати, а какой? Что надо объяснить? Почему мальчики под юбки девчоночьи заглядывают? Или почему не публикуем книгу о любви «Камасутра» (то, что она не вместится в 12 номеров «Паруса», — вопрос другой)? МР пришла к мнению, что в ее силах лишь попытаться доступными ей средствами рассказать не о причинах появления таких писем (половое влечение, физиология, природа человеческая — что тут поделаешь), а скорее — о формах проявления эротического начала в человеке.

Быть может, прогулка по Эрмитажу, срочно организованная членом МР Наташей Каштановой, поможет приоткрыть таинственный занавес над природой наших чувств.

Итак, все на прогулку.

ЭРОТИКА — МАМА

...Просто в бесконечно обледенелый и заснеженный февраль ударилось несколько теплых дней. Все растаяло, потекло, и хмурый молодой дворник Сева промочил насквозь свои башмаки.

«Я больше не могу подметать воду, — подумал Сева. — Воду подметать нельзя». И запер метлу.

Сева ел булочку, когда прямо на него, сквозь него и дальше прошла амазонка с плечами, полными рыжих волос. Стрелки на ее дымчатых колготках почти упирались в... Никогда раньше Севе не захотелось бы бить стекла телефонных будок и останавливать за ось грузовики, но сегодня... Четыре месяца дамочки носили свои ножки под длинными дубленками, прятали их в брюки, толстые гетры и шерстя-

ное белье. Всем было хорошо, спокойно... До этого теплого предмартовского дня.

Амазонка скрылась за дверьми Эрмитажа. Сева, как зашоренная лошадь, тяжело дыша, двинулся за ней. Оказался Сева в крупнейшем музее нашей страны впервые, хотя жил в Ленинграде и подметал улицу Халтурина не первый год. Рыжеволосую красавицу он увидел сразу же, в греческом зале. Она была, естественно, не одна и рассматривала какую-то бледную античную статую, которая не произвела на Севу никакого впечатления: низковата, и фейс — не фонтан... Однако пожилой спутник рыжеволосой воспринимал античную скульптуру не так:

— Уникальный период в развитии человечества — античность. Хоть и не принято сейчас

цитировать классиков коммунизма, но Маркс сказал хорошо: «нормальные дети», — кандидат искусствоведческих наук Николай Николаевич Громов обсуждал со своей дипломницей ее будущую работу.

— Тело Венеры Таврической миниатюрно и одновременно хорошо развито. Древнегреческие девушки занимались спортом, и эта девушка только готовится вкусить плод интимной близости. Поэтому у нее напряженные формы. Лица античных статуй абстрактны, то есть не индивидуализированы, потому что человечество только приступило к осознанию эротического в себе.

— Чего-чего? — вслух спросил Сева, ведь надо же было как-то познакомиться с амазонкой.

— Молодой человек, мы обсуждаем один искусствоведче-

ский вопрос, связанный с изображением эротики древними мастерами, — сказал Громов и отвернулся.

Хотя гречанки Сева не понравились, он не стерпел и украдкой потрогал мраморную ногу.

— А!!! — подскочил к Сева Громов. — Вот о чем я и говорил! Наглядный пример: юноша ее потрогал. Он, как и древние люди палеолита, ощутил притягательную силу женского облика. Те вырезали небольшие женские фигурки, около 12-ти сантиметров, чтобы их было легко держать в руке и ощущать тепло маленького тела. Скажу больше, пластика линий и мягкость формы рождает не просто желание, а напряжение лучших человеческих чувств и стремлений. Вот и этот молодой человек, наверное, не зря пришел в музей. Если вы можете проанализировать порывы, которые привели вас сюда, откройте их нам: научный интерес.

— Что тут анализировать?... Рыженькую вот эту... хочу... Познакомиться, в смысле, — пробормотал Сева.

— Мы говорим об эротике в искусстве, — холодно сказал профессор. — Наверное, рыжие волосы — это очень эротично, не зря же великий Тициан писал рыжеволосых венецианок. Но, молодой человек, эротика — это не только способность красивых мужчин и женщин возбуждать любовь. Это — генератор жизненной и творческой энергии, источник и стимул творческой фантазии человека. Мама и прародительница эстетического. Идите за нами, картины вам все объяснят.

Вообще-то, обо всем таком Сева знал маловато и сначала от приглашения отказался, но потом все-таки согласился.

Сева не предполагал, что эротика занимает такое огромное место в жизни великих мастеров. Например, Рубенс в своих картинах по библейским сюжетам собственноручно писал только женские фигуры. Остальное — ученики. Рубенс боготворил молодую жену Елену Фаурман, которая родила ему пятерых детей, когда художнику было уже за пятьдесят лет. А Пауль Клее заглянул в детскую фантазию и обнаружил, что она вождь и эротична. Он сделался основателем целого направления в искусстве «детского сюрреализма». Его картины — это сумма простых эротических образов, рожденных сознанием ребенка.

Громов и рыжеволосая продолжали разговаривать:

— Вы знаете, невесты некото-

рых племен имели к моменту вступления в брак трех-четырёх детей. Самая плодовитая считалась самой ценной. Потому что от нее пойдет сильный род. Физически мощная женщина — эталон эротического в тех племенах.

— Знаете, Николай Николаевич, и толстых у нас много, и одиночек тоже хватает, но никакими эталонами они не являются.

— Я же не говорю об уставших, отупевших от работы и домашних хлопот «гражданках» и о распущенности нравов. Я говорю о былых канонах эротического. Кстати, природа влечения мужчины к женщине двойственна: даже не красота, а одухотворенность линий тела, сулящего божественное наслаждение, подсознательно ассоциируется с высшими нравственными качествами. Это нечто более вечное, чем страсть. Это чувство направлено к женщине, продолжательнице жизни, матери.

— Значит, эротика и материнство — это довольно близкие понятия, — резюмировала дипломница.

— Ровно настолько, насколько эротика сродни доброте. Правда, восприятие красивого женского тела может быть и совершенно иным: жестоким и циничным. В 17 веке папа римский устраивал для себя оргии с блудницами, которые плясали перед ним с подвешенными на бедра свечами. Гиперсекс притягателен, потому что создает эффект перцовки натошак. Но порнография и эротика — полярные категории.

— Кстати, вот эротическое изображение богини, — Громов подтолкнул свою парочку к статуе Афины Паллады греческого скульптора Мирона.

— Это я понимаю: хоть и в платье, а все видно, — обрадовался Сева.

— Если бы вы больше разобрались в женщинах и в искусстве, то оценили бы и шаг от бедра, и открытую шею, и грацию, с которой она себя преподносит. Да! Только греки могли позволить себе наделять богиню мудрости трепетным молодым телом, приравнять высшую справедливость к женственности.

Пока дипломница записывала что-то в блокнот, Сева решил и спросил:

— А идеал женской красоты был у всех великих мастеров?

— Художник — законодатель. Он рисует, лепит такую женщину, какую хотел бы видеть в жизни.

Громов перешел к статуе в неполный человеческий рост, напоминающей идола. Только вблизи Сева понял, что это — тоже жен-

щина. Но с детской грудью и бедрами и очень грубыми чертами лица.

— Инфантильность — идеал женственности периода упадка культуры древнего мира, — продолжал профессор. — Дух творца утратил какую-то мужскую силу, в фигуре женщины — явная провокация: «сорви незрелое яблоко!» Средневековье сделало из эротики скромницу. И хотя «Венера» Лукаса Кранаха-старшего — зрелая женщина, она настолько неправдоподобно непорочна, что в любой момент готова вознестись на небеса. На желание со стороны женщины, на ее живую притягательную красоту был наложен запрет, так как мужи упомянутой эпохи, видимо, опасались за свою нравственную чистоту.

...Женщина на картине была совершенно раздетая, но Сева хорошо запомнил только пятку. Таких пяток не бывает вовсе, такими бывают рюмки. «Но даже если и бывают, то не у такого тюленя, как эта», — прикинул Сева. Громов, наверное, услышал его:

— Это — отстраненная, идеализированная женщина, хотя все в ней достаточно реалистично.

— Вы знаете, профессор, я не могу так сразу въехать в ваши рассуждения. Покажите мне лучше просто эротическую женщину, если она все-таки существует у ваших великих мастеров...

— Вы про Тициана слышали?

— Слышал, час назад, в начале нашего знакомства.

— Так вот, считается, что он сделал в искусстве величайшее открытие: он разрешил женщине желать! И от этого они стали намного прекраснее. — Громов шикарным жестом представил дипломнице и Сева «Даная».

— ?!

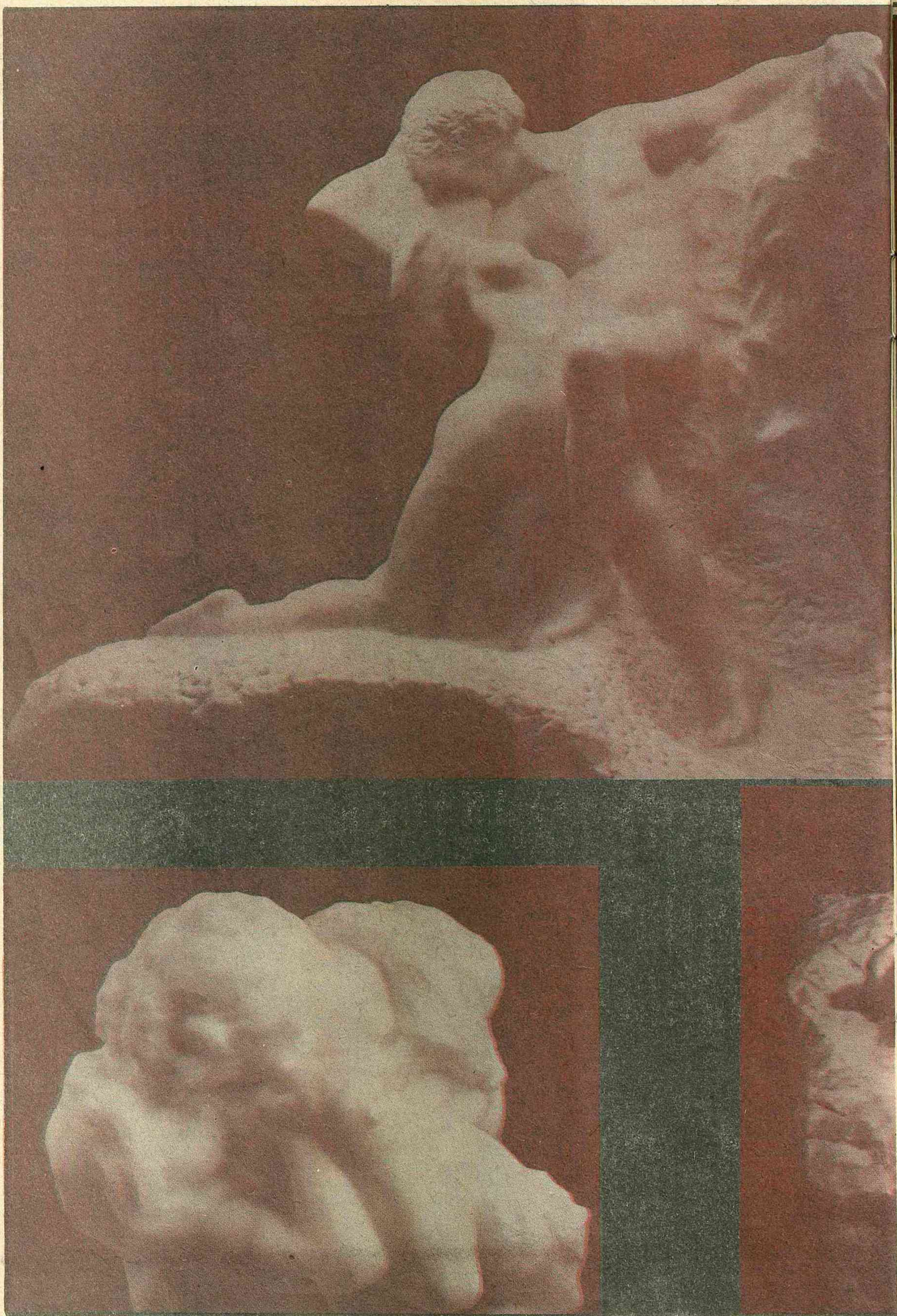
Дипломница отошла от Севы и скопировала восхищенный и понимающий взгляд Громова. Сева же не постеснялся нарастающего разочарования:

— Уши красные, губы блестят, ляжку отвалила...

— Хорошо, пусть для начала «Кающаяся Магдалина». Что вы видите, юноша? — Профессор Громов, наверное, был хорошим педагогом.

— Ну плачет, одежду порвала...

— А я думал, вы хоть из любви к рыжеволосым прозреете. Тициановская Магдалина — не блудница. Сдержанность и достоинство, с которым она отдается раскаянию, говорят о том, что все предыдущие чувства были не суетны, а естественны и полно-

The Rodin Room in the Hermitage

весны. Тициан раскрепощал психику и поведение женщины в своих картинах и убеждал: желание с ее стороны не позорно. Тициановская Магдалина — не грешница, потому что она любила, а любить нравственно. Безнравственно не любить.

Сева недоверчиво посмотрел на Громова.

— Тот, кто зажимает лучшие человеческие чувства, например, любовь, — убийца! Потому что он убивает вкус к жизни. Смотрите, молодой человек, у Рубенса на пиру все можно, потому что всего много: пищи, вина, музыки, женщин.

— Я не люблю таких «слоных».

— Не в этом дело. Это всего-навсего эротические вкусы эпохи Возрождения. А главное в том, что в раю у Рубенса смеется от счастья даже самый тщеславный и осторожный мужчина, ведь сбываются его мечты и фантазии.

— Ну, не все мечтают о рубенсовской вакханалии, Николай Николаевич, — перебила дипломница. — Слава Богу, женщина не всегда — огромный подарочный торт со сливками.

— Это верно, и это хорошо. Под воздействием различных эстетических воззрений меняется образ женщины, форма прекрасного. То это пышнотелая вакханка Рубенса, или натренированная балерина Дега, или утонченная леди из Марокко, однажды встретившаяся Пикассо. Этот преображающий образ открывает глубины человеческой природы. Вот почему с изображением женщины связано рождение стольких шедевров.

— Шедевров эротического содержания? — уточнила дипломница.

— Значение имеет только движение души, постоянно стремящейся к любви. Это и будет эротика самой высшей пробы. Поэтому я и привел вас в Эрмитаж писать дипломную, а не в видеосалон. Но, пожалуй, самый смелый певец эротики это Огюст Роден. Новая степень откровения вызывает даже легкий шок.

Заинтригованный Сева протолкнулся сквозь группу экскурсантов, столпившихся у первой статуэтки — «Амура и Психеи».

— Здорово! — выдохнул молодой дворник.

— Редко кто из последующих художников так деликатно обошелся с ролью женщины в дуэте любви, — подошел Громов. Все посетители сразу же развернули уши в их сторону.

— Маэстро знал, что у женщины любовные переживания сильнее и выразительнее, чем у мужчины. Они концентрируются в лице. Поэтому он спрятал лицо Психеи. В композиции «Ромео и Джульетта» не Он, а Она тянется за последним поцелуем, когда ее возлюбленный уходит. Джульетта более чувствена, медленнее «остывает», она, пожалуй, больше страдает, что свидание надо торопить... По скульптурам Родена можно преподавать целый курс искусства интимной любви. А об их эмоциональном воздействии на зрителя и говорить нечего.

Сева очень бы хотел услышать

этот курс, это ему было надо позарез, но он стеснялся. Поэтому ничего не спросил у профессора.

...Громов попрощался с дипломницей, а Севе подарил репродукции Пауля Клее.

Сева неловко протянул рыжеволосой пальто:

— Меня зовут Сева, а ты где учишься?

— В Институте театра, музыки и кинематографии, — почему-то радостно сообщила дипломница. — А моя дипломная работа, между прочим, будет начинаться со слов Громова: «Мы слишком часто говорим о любви и создаем стереотип этого чувства, а любить стесняемся, и стесняемся восхищаться красотой человека»...

Сева промолчал.

Выходя из Эрмитажа, молодые люди договорились встретиться здесь же ровно через неделю.

Наталья КАШТАНОВА

Вопрос читателя «со сколько лет можно!», честно говоря, всех в редакции достал. Если брать в расчет только физическое развитие, то... все равно не знаем. Но вот есть у нас подозрения, что одной физической зрелости для нормальной половой жизни недостаточно. А посеял эти сомнения в нас эротический (как нам кажется) рассказ, который мы хотим вам предложить.

телефон доверия

Понедельник — день тяжелый?

Если ближайший понедельник окажется для тебя, дорогой читатель, трудным, проблемным днем, созвонись с 17 до 20 часов вечера по редакционному телефону 20-41-30 с психологом-консультантом «Паруса». Он поможет обсудить сложную ситуацию, вместе с тобой поищет приемлемый выход из непростого положения, выслушает, если это необходимо.

Редакция устраняется от какого бы то ни было вмешательства в такие беседы по телефону доверия. Звоните!

Они мерзнут

— Я тебя не люблю. Ты — животное. У тебя шершавая кожа, сухая, как белье. Как наволочка. Ты — кровать, подстилка. Что за день такой...

— Ночь...

— Ты придираешься к словам, как репей. Не все ли тебе равно? Противные огромные шершавые лопухи...

— Не смей меня обижать. Я не вешалась на твою шею. Ты не хуже меня знаешь, как мы оказались вместе...

— Боже, какая пакость! Надо было сразу умереть и не жить вообще больше никогда в этом вонючем грохочущем мраке. Ле-

жать не вмоготу. И ты лежишь параллельно...

— Ты говоришь всякие гадости. Я не знаю, что я тебе сделала?

— Ох, как хрустят суставы. Я, кажется, сойду с ума. У меня кисло во рту — это от твоего рта, шумит в ушах — это от твоего рта, все тело хочется оторвать и выбросить, но противно братья, не люблю тебя, не люблю... Господи!..

— Ты жестокий. Господи! Зачем ты говоришь: не люблю. Мне все равно — любишь ты меня или нет. Но это же нечестно, говорить «не люблю». Это все равно что дать вместо губной гармошки

опасную бритву — ничего лучше не давай, клещами ведь не тяну из тебя...

— Нет, ты лежишь не параллельно, ты пересекаешься со мной. Я не понимаю, почему мы все время пересекаемся? Почему у нас столько точек пересечения? Наверное, точки пересечения должны считаться общими точками, но как они мешают, черт, как они мешают — можешь ли ты... Да ты не слушаешь меня! Не молчи... ну не молчи... Почему ты замолчала?.. Когда ты молчишь, ничего нет... Можно, я возьму твою руку? Где твоя рука? Скажи что-нибудь...

— Не сердись на меня... Я не хотела... Не хотела сделать тебе... чтобы ты чувствовал отвращение... Ты должен понимать, почему все... так... Когда я была совсем... совсем маленькая — у меня была такая лохматая зверушка... и я часто спала с ней... а ты не такой...

— Говори, я слушаю! Твой лепет... лучше, чем когда играет музыка... Я тоже был маленький! Я любил есть и говорить по телефону! Я... не знаю... я дышу сейчас чем-то, только не ртом, не носом... А я знаю, чем ты пахнешь... Не скажу тебе...

— Но это хороший запах?

— Мм...

— Ничего, что я спрашиваю, а сама зажимаю тебе рот рукой? Я все-таки еще немного боюсь... Боюсь, что ты будешь говорить такие слова... Слова со свинцовым привкусом... Как ртуть, ядовитые... Как смешно у тебя живот бурчит!

— Есть хочу. Ты добрая, а я — свинья. Можно, я поцелую тебя?

— Ну... Ой, что ты делаешь? Мне будет холодно... Куда ты потащил одеяло? Что ты задумал? Где ты? Ты что? Зачем ты целуешь... мне ноги?

— Ты хорошая... Все, что я тебе накричал, — все неправда... Я плохо себя вел, да?

— Не надо, не целуй мне ноги... Я думала, ты поцелуешь меня в губы.. Мои губы ждали тебя... Тебе так надоели мои губы? Тебе противны они?

— Нет, что ты! Что ты!.. Что ты!.. Что ты!.. Что ты!..

— Ой, ой, я задохнусь! Нет, ну что ты, я же просто так. Это называется «кокетничать»... Ну поцелуй меня еще один раз — долго...

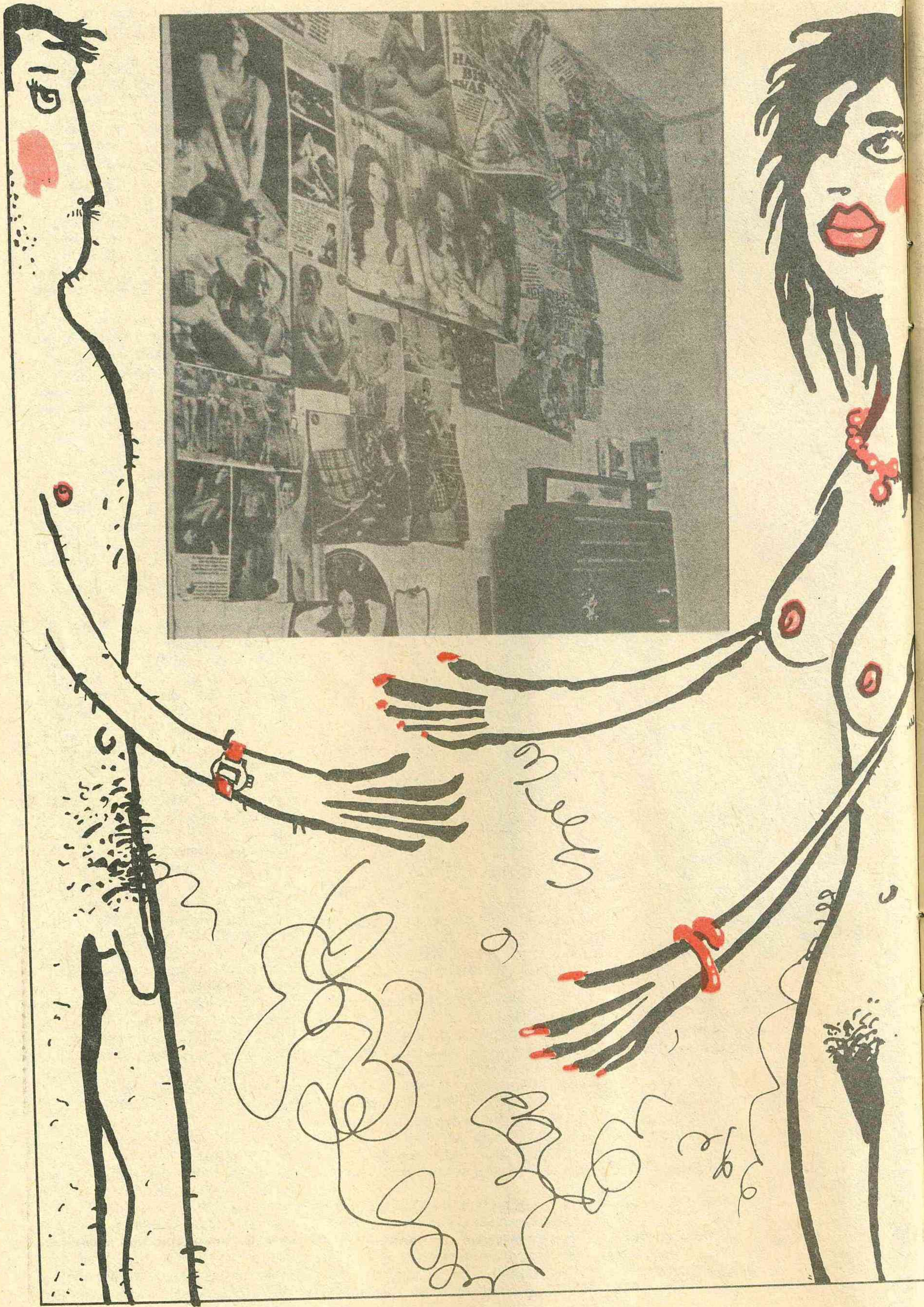
* * *

— Люблю...

— Наверное, это хорошо, что мы встретились, да? Да?

— Плачешь?

— Это чудо, это невероятно — как начало жизни... Как музыка... В оглушительном мире, где все улицы полны ног, ступеней и бордюров, там даже они все находят

друг друга раз на тысячу слов-
маных судеб...

— Не плачь... Ну что ты рас-
плакалась?

— Да... не плачь... Мы же не
всегда будем лежать так... Ты
уйдешь и я уйду... А как мы потом
встретимся? Как?

— Встретимся... Я по телефону
позвоню...

— Да? А куда?

— Я же тоже хочу снова тебя
встретить... Я так же был одинок
все время... Я даже думал —
помнишь? — что хорошо бы сей-
час умереть... Правда... Ну что мне
делать всю жизнь?.. Мне кажется,
что я уже прожил целую жизнь.
И со мной уже случилось все, что
может случиться со мной — ты
понимаешь? Не с кем-то, а со
мной...

— Я понимаю... Я все еще
плачу...

— Со мной уже все случилось...
И даже был уже с женщиной...
с тобой... сегодня...

— Я не женщина... Нет, ну
теперь уже... но сначала...

— Сегодня мне семнадцать
лет...

— Что? Правда?

— А что?

— Нет, правда?

— А что? Да... А что?

— А мне шестнадцать сегод-
ня... День рождения...

— У нас с тобой день рожде-
ния!

— Нам не хватает пирога...

— И подарков... А давай сдела-
ем друг другу подарки!

— Чур, я первый сделаю тебе
подарочек! Я выполню твоё жела-
ние! Чего ты хочешь? Скажи, чего
ты хочешь? Ну, не молчи же,
я хочу сделать тебе подарок!
Только скажи что-нибудь такое,
что тебе хочется и что я смогу
сделать! Говори! Вот, я волшеб-
ник! Говори!

— Знаешь...

— Говори! А потом я скажу!

— Я боюсь, ты рассердишься...
Нет... Я не знаю... боюсь...

— Господи, если я смогу!

— Я, знаешь, что подумала?..
Мне, знаешь, чего бы хотелось...
наверное... Наверное, ты рассер-
дишься... Я вдруг... может быть...
тебе бы, может, хотелось... Хоте-
лось... побыть... еще один раз
побыть... уже с женщиной —
с настоящей женщиной?.. ой...

— Ой... А как... Но уже почти
день...

— А ты ведь сам сказал...
Нам... все равно...

— Что ты говоришь, я не
слышу? Почему ты так тихо
шепчешь?..

— Тише... Не говори громко...
Дай мне руку... положи вот сюда...
Милый... Скажи: «Хочу тебя»...

— Хочу тебя...

— Ух ты какая... А знаешь, что
я скажу... Я ведь... тоже хотел от
тебя такой же подарок, как ты
меня попросила... Так что мы
вместе сделали друг другу пода-
рок... Слушай-ка, по радио уже
второй раз зарядка...

— Какие смешные эти заряд-
ки!

— Как бы нам никогда не
расставаться?

— А... зачем?..

— Что? Что ты говоришь?

— Ой, ты давишь мне на шею!..

— Я убью тебя! Я убью тебя!
Что ты говоришь! Как ты посме-
ла? Что, тебе хорошо одной?
А может, ты не одна — и без
меня? Может, ты такая же, как
они?!

— Нет, нет! Не дави мне на
шею!

— Ты! Ты лежишь со мной —
и я знаю, какая у тебя гладкая
кожа, и как она пахнет чем-то
живым и прекрасным. А они не
знают — и никогда не узнают!
Думаешь, кто-то из них захочет
это узнать? Думаешь, кто-то к те-
бе подойдет? Кто к тебе подойдет?
Кому стукнет в его башку подойти
к тебе? Ну?

— И подойдет... если...

— «Если» — что?

— Если... я... красивая...

— Я... хочу умереть. Я болтал
злые вещи два часа — и ты крича-
ла, плакала, зажимала мне рот...
А теперь ты сказала одно слово...
и я не могу говорить... Я уйду...

— Постой...

— Где мои ботинки?

— Постой... Подожди... Но ты
же сказал, что у меня хорошая
кожа... А я работаю натурщицей
в студии... они говорят, что у меня
красивое тело...

— Я сказал, что у тебя восхи-
тельная гладкая и прохладная
кожа... Где мои ботинки? Я ска-
зал, что ты пахнешь... Это все
так... Но я еще говорил, что ты
добрая, я знал, что ты меня
понимаешь, я сказал тебе, что
ТЫ МНЕ НУЖНА... А ты готова
все это променять на то, что кто-
то будет считать красивой... Кто-
то из них... Но ведь и ты никогда
не сможешь узнать, правду ли
тебе говорят?! Тебе придется
поверить тому, кто это скажет...
И ты даже не узнаешь, кто тебе
это сказал...

— Прости! Не уходи! Где ты?

— Может, это какая-нибудь
сволочь, может, алкоголик какой-
нибудь... А может, просто какой-
то опустившийся тип, который
готов позариться даже на сле-
пую...

— Постой! Не уходи! Где ты?

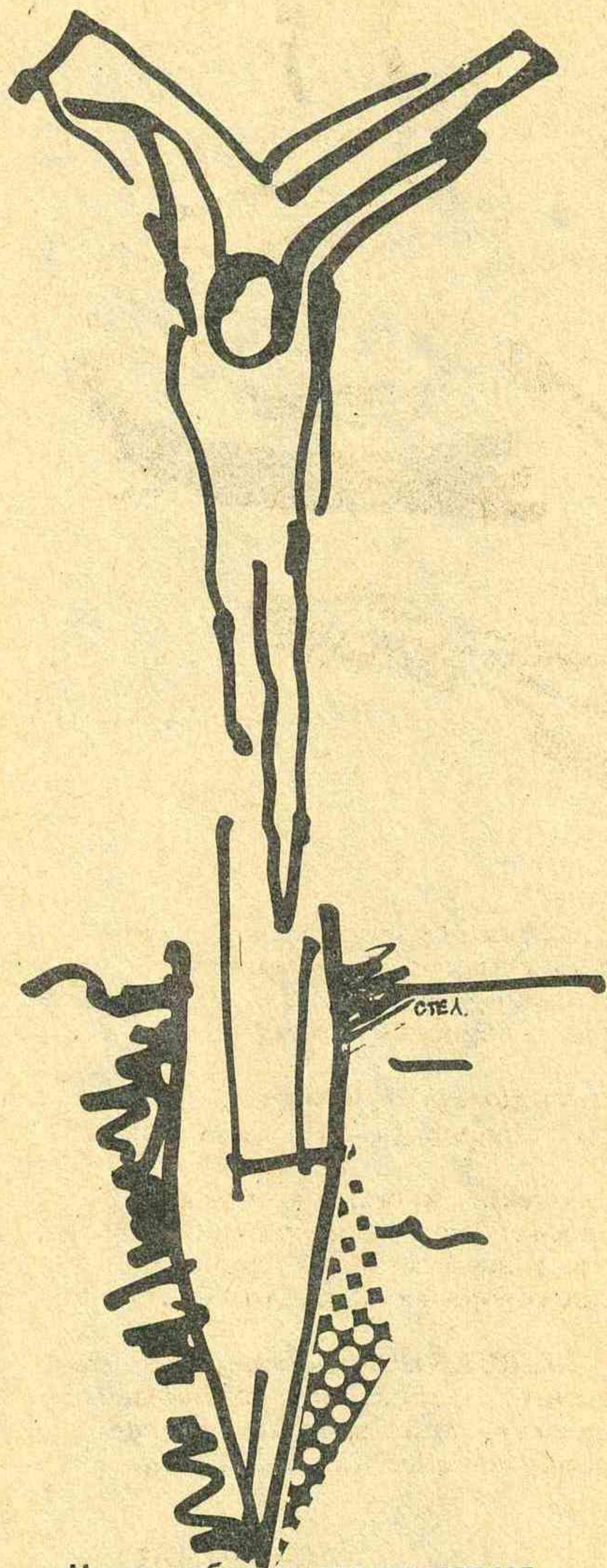
— Что это? Куда мы попали?
Где мы?

— Где ты?

— ГДЕ МЫ?

С. ЧУЛКОВ

Наша рубрика предоставляет (с радостью!) право тусоваться в ней всем тем, кто предложит свои крутые стихи, пусть не отшлифованные, лишь бы — искренние! В необозримом ближайшем будущем собираемся налаживать контакты со всеми начинающими рок-поэтами, лириками. Сможем печатать и прозу.

Ждем писем. Но если ваши творения не будут опубликованы — не расстраивайтесь. В жизни появляется столько интересных вещей, столько возможностей для самовыражения, что можно быть спокойным: ваше место всегда за вами. Нужно только хотя бы догадываться, где оно.

Ирина Ноздрина

ШЕРШАВЫЕ СТИХИ

Я ГОВОРЮ СО ЗВЕЗДАМИ НА "Я"

Я — корреспондент Заринской городской газеты (Алтай) РИММА КАЗАНЦЕВА. 17 лет. Стихи пишу с семи лет. Почитайте, может быть, понравятся?

* * *

Твой голос охраняет телефон.
Твои шаги гуляют где-то в прошлом.
И новый день, как мой кошмарный сон,
Кишит маразматическим и пошлым.
Железный хаос. Стекла и бетон.
И все слилось в одном звенящем стоне.
Я ненавижу желтый телефон.
Я ненавижу память — в ней твой номер.

АЛЕКСАНДРА КОРЕЛОВА. Мне 18 лет, учусь в пединституте. Как это ни банально звучит, все время пытаюсь разобраться в себе: кто я? для кого и для чего живу я и мои близкие? В этом помогают стихи.

* * *

Я говорю со звездами на «я».
Смотрю в глаза и чувствую дыхание.
Я слышу музыку Оттуда, где Земля
Нам кажется неведомой и странной.

Я говорю со звездами на «ты».
Теперь от ваших глаз надежно я укрыта.
Колени согнуты у мраморной плиты,
И строчка эпитафии размыта...

Вам не понять ни имени, ни даты,
Быть может, это сделала я зря.
Вы представляете, мне было восемнадцать,
Когда я стала шумом от дождя.

* * *

День и ночь сменяют друг друга,
Но я не пойму, кто из них — день,
А кто — ночь.
Я хочу сжать свою жизнь в кулаке
И зашвырнуть ее далеко за полночь.
Кто включит свет в моей комнате?
Кто разделит Вечность
На отдельные
голоса и лица?

ВЯЧЕСЛАВ ВОЛЬЧИК. Студент. 21 год. Живу в Ростове-на-Дону. Очень хочется, чтобы ровесники прочитали мои стихи и оценили. А потом написали бы мне.

* * *

Товарищ Блок, Вы глубоко ошиблись:
Иисус Христос здесь был не ко двору.
Шесть из двенадцати сработались и спились,
Другие шесть узнали Колыму.

Пыль революций, пустота стакана...
Да, что еще? Лишь очередь и сны.
Нам надо много, потому что мало
Тех лепестков из черной пустоты.

Бежать, бежать, чтоб лишь остановиться,
Грань пустоты мечтая обогнуть.
Что ж, истины нам снова не добиться.
Но правы Вы, наш бесконечен путь.
Товарищ Блок, Вы глубоко ошиблись.
Но правы Вы: наш бесконечен путь.

Давайте знакомиться. НАТАША ПУЧКОВА, 18 лет. Второй год работаю пионервожатой в школе. Хотела учиться в Питере, но вместо этого все лето протусовалась в Крыму, чем внесла свой посильный вклад в движение хиппи в нашей стране...

* * *

Посмотри, как горят корабли,
Как пылают высокие мачты.
Их никто не увидит с земли,
Не поможет им, плачьте —
не плачьте...
Расскажи, что кричат они нам,
Ведь сюда не доносятся звуки...
Помоги!

Я помог бы им сам,
Да к кресту приколочены руки...

ГЕРА БАРТОШ. Пою свои песни под фоно
и пишу «странную» прозу.

* * *

Где ты, Родина?

Детским пальцем я водил по жилкам
глобуса,
Я метался по стране, искал по запаху,
Я заглядывал в глаза, терзал вопросами.

Нету Родины.

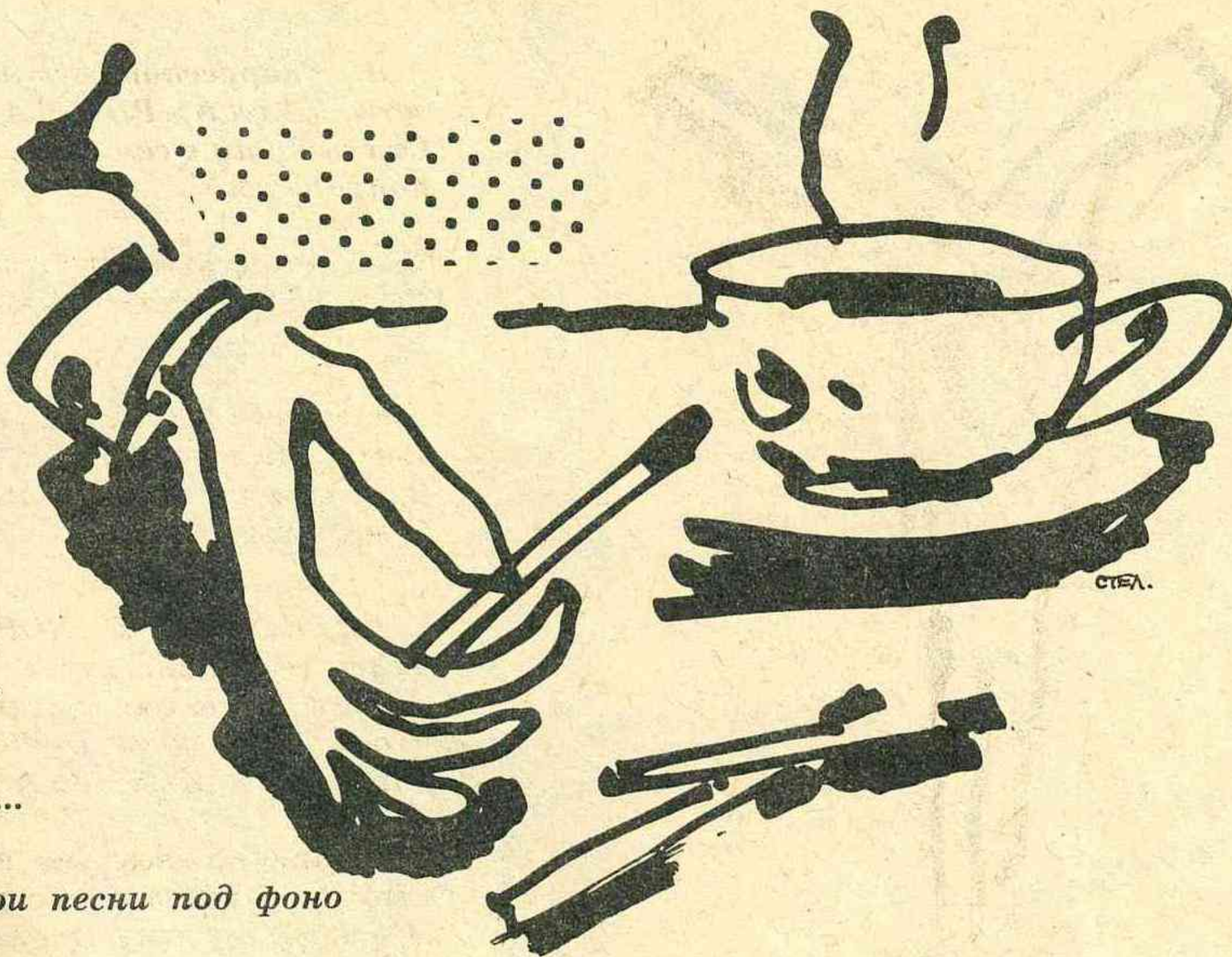
Есть столицы, есть народы, храмы, паперти,
Позаросшие травой.
И в пятнах скатерти,
Угощение, пиво, водка,
Посыл к матери...
Печь, перины, тараканы, даже бублики.

Нету Родины.

Лишь осколки, лишь руины человеческого...
Разоренный целый мир, в сердцах пожарища...
Разошлись на все четыре три товарища,
Ну, а двое все никак не могут встретиться.
И за что, за что же мы наказаны?

А на Родине

Все пшеница золотая,
Все рубинами
Да рябины да на взгорке пообвешаны.
Там прощение и надежда нам обещаны
Каждой елкой, каждым шорохом полуночным.

Но до Родины

Триста лет глухих дорог да бездорожья,
А в попутчиках кругом такие рожищи,
А билет туда не купишь даже вскладчину.
Я хотел идти — оброс мертвячиной.

Я хотел лететь, да крыльев нетути.
Что же биться головой, да что же сетовать?

Я зароюсь в одеяло, кнопкой — музыку,
На колени посажу кого — хорошую,
По-английски говори со мною, душечка...
По-английски говори со мною, милая...

МАРИК ШЕВЧЕНКО. Заканчиваю Одесский университет, факультет «романо-германская филология». Еще работаю в студии с малышами: учу их английскому языку.

ЛОКОМОТИВ

Мы уйдем, не оставив следа.
Эти — в стаде, а те — в одиночку.
Нас кривая уводит туда,
Где она превращается в точку.

Значит, если согласишься назад,
Не заметишь — Китай ли, Россия...
Все приметы стирает подряд
Благодетельная амнезия.

Словно дома сидишь на мели,
Но, немного хлебнув из флакона,
Забываешь тревоги земли,
Прораставшей зубами дракона.

После — ночь. И туман. И кремнист
Путь, блестящий поэту когда-то.
На плечо опускается лист
Из божественного самиздата.

* * *

Оттого ли, что смерть далека,
По иной ли серьезной причине
Слава Богу, не слышно пока,
Что напишется в ангельском чине.

Переводишь листы, наконец,
Обретая умение глухого...
Не расслышав, что молвил Творец,
По губам восстанавливать слово.

ИЩУ ДРУГА

Привет! Меня зовут Ольга Томашевская. Я захожу в Малую редколлегию и сегодня читаю почту самой популярной рубрики. Хочется отобрать для печати что-то наиболее интересное. Дать слово тем, кто точнее всего передает сегодняшние проблемы и заботы. Но вдруг мне показалось, что вот так подходить к вашим письмам слишком несправедливо. Ведь в каждом свои тревоги, своя боль, свои трудности: большие и маленькие, средние, общие для всех и не очень общие, но все — наши с тобой, читатель. А что, если попробовать один раз ничего не отбирать специально? Читаю письма подряд...

1085 Мне 17, но жить уже неинтересно.

Все вокруг такое серое и холодное. Хочется выйти на улицу и крикнуть: «Люди! Не будьте такими злыми и равнодушными!» Кругом все какие-то колющие. Большинство не понимает шуток или глупо реагирует на них. А кто поднимает глаза к голубому небу? Единицы, кто еще не совсем очерствел.

У меня две подруги, но какой от них толк? Они смотрят не выше тротуара. Может, откликнется кто-нибудь, кто еще не потерял надежды на счастье и радость?

Елена,
Смоленская область

1086 О, господи, как мне надоела вся эта

каждодневная суета и спешка... Прожив 16 лет, ничего не видела, кроме бесконечной гонки, жестокости и унижений. Впервые за прожитые годы мне не хватает мужества и силы продолжать свое существование, плыть по течению. Мне противно это общество, мораль которого двулична и лжива. Какой тошнотворный мир окружает нас! Люди — ходячие трупы. Никаких идеалов! И частицы любви не осталось, а может быть, и не было у них. Они всасывают в свое болото ненависти и тех, кто хотел бы жить по-другому!..

Лариса,
Пермская область

Похоже, не правда ли! И это не совпадение и не случайность. Это — нынешнее настроение очень многих из нас. Но давайте

попытаемся найти ответ на простой вопрос: из-за чего страдают Лариса с Леной! Мне кажется, из-за того, что окружающие их люди какие-то не такие, каких им хотелось бы видеть. Но не слишком ли строго мы судим других, не оглядываясь на себя!

Вот вспомните, как у Булгакова: «А теперь скажи мне, что это ты все время употребляешь слова «добрые люди»? Ты всех, что ли, так называешь!

— Всех, — ответил арестант, — злых людей нет на свете».

ЗЛЫХ ЛЮДЕЙ НЕТ НА СВЕТЕ! Попробуем посмотреть на окружающих более понимающим и сочувствующим взглядом. Их раздражение, вспыльчивость чаще всего могут быть объяснены. Как только вы задумаетесь об этом и о том, что сами в минуты гнева бываете не самыми лучшими, станет легче жить рядом с другими. Попробуйте так подумать, когда вновь столкнетесь с бытовым злом. Что из этого вышло? Напишите мне.

Очередное письмо — в чем-то ответ на первые два: «не судите, да не судимы будете». Впрочем, читайте сами!

1087 Я считаю, что ни при каких обстоятельствах нельзя терять духовные ценности. Душа человека стала бы чище, если бы он хоть раз в жизни прочитал Евангелие и вник бы в его смысл. Зло всегда порождает зло — и чем больше мы делаем зла другим, тем больше его возвращается к нам. Те люди, которые осуждают других, пусть сначала подумают, а чиста ли их душа? Многие не понимают меня, говорят, что в этом мире сейчас главное — выжить. Но жизнь для того дана, чтобы жить, а не выживать. Иные говорят: если ты живешь среди зверей, ты тоже должен быть зверем. Но я хочу быть самим собой. Оглянитесь вокруг — мир прекрасен, так нужно ли его уродовать?

Майк,
г. Донецк

Вскрываю очередной конверт:

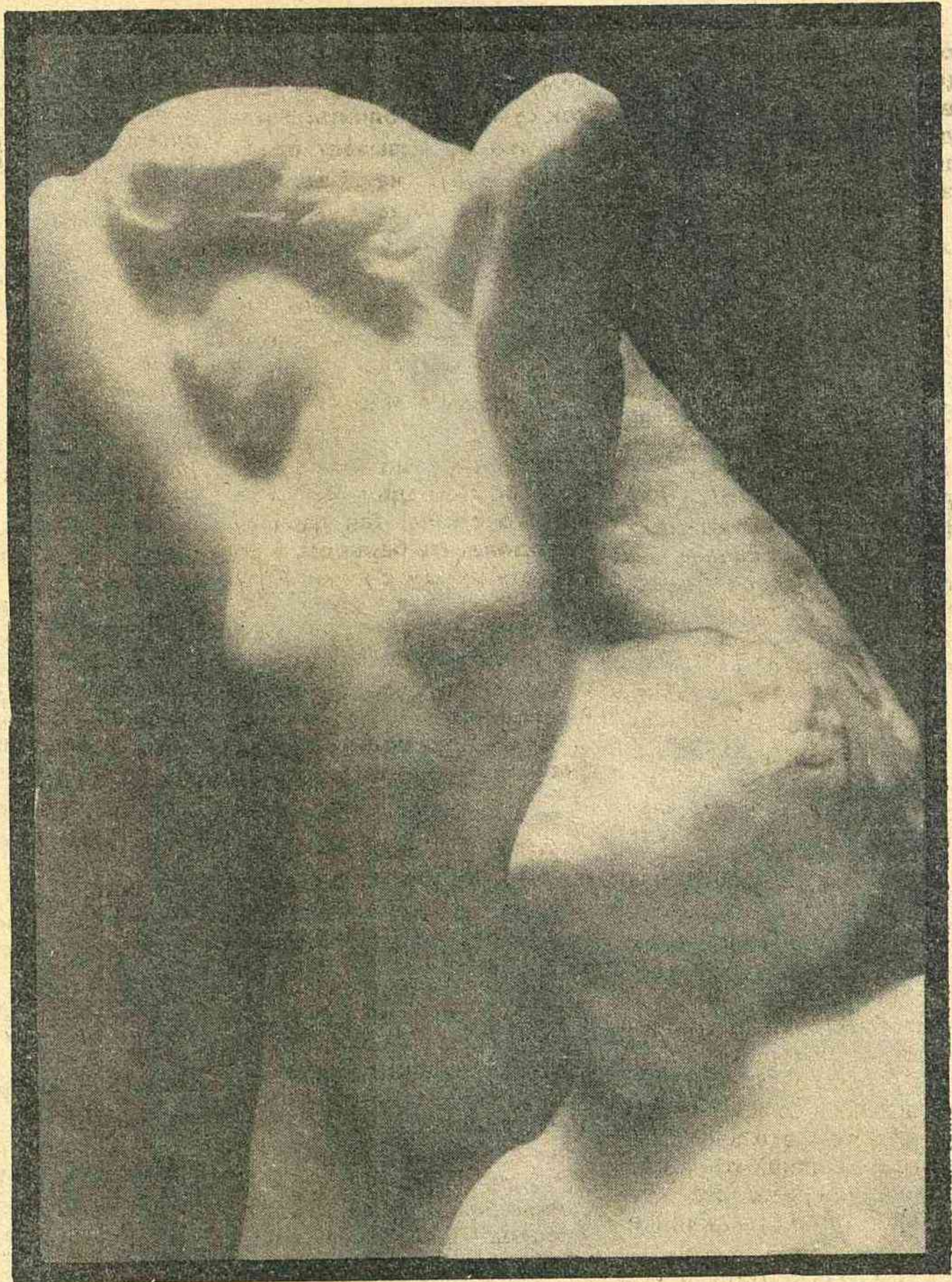
1087а Полюбила впервые, с первого взгляда и, кажется, навсегда. Моя любовь безответна. Мне иногда бывает так плохо, что хочется вонзить в грудь нож. Когда Его вижу или думаю о Нем,

сердце разрывается от боли. Он для меня дороже жизни. Не знаю, достоин ли он моих слез, но не могу с собой ничего сделать. Реву и, кажется, скоро утону в слезах.

Марина П.,
г. Белгород

«Нож в грудь»!! Мариночка! Да забрось ты его в металлолом. Сама же пишешь, что Он, может быть, и слез твоих недостойн. Так достоин ли он ножа, вонзенного в твое сердце! Возможно, ты и сама не очень-то веришь в реальность своей мелодраматической фантазии. Конечно, сейчас тебе больно, и помощь нужна: утешить, выслушать, отвлечь от слез. Переписка должна бы помочь. Одна беда: пока письмо опубликуют, пока напечатают этот номер журнала, пока он дойдет до читатель, пока они напишут письма и пришлют их нам, а мы — перешлем все тебе, пройдет достаточно много месяцев.

Очень верю, что ты не сломаешься за это время. Наоборот, успокоишься, убедишься, что без ножа в сердце ты выглядишь как-то более привлекательно. Возможно, на тебя уже

обратил внимание кто-то еще и еще. И любовь у тебя давно уже ответная. Все ведь так быстро меняется... В любом случае не оставляй без ответа письма, которые ты получишь. Возможно, кто-то сейчас страдает точно так, как ты в тот момент, когда писала нам письмо. Ответь, поделись опытом своей, уже закаленной, души. Договорились!

Дальше опять друг за дружку цепляется серия однотипных писем.

1088 *Надоело так жить. С каждым днем скучнее и скучнее, хоть вроде бы все есть: родители, друзья, куча знакомых. Может, все-таки мне напишет кто?*

Наталья,
г. Актюбинск

1089 *Сидя дома и слушая что-нибудь «крутое», хочется хоть немного расслабиться и забыться, что не всегда получается. Скучно! Скука преследует повсюду! Изодня в день! Только небольшие проблемки в этой сплошной мгле украшают нашу серую жизнь. Тут невольно станешь философом. Кому-то покажется, что в 16 скучать невозможно, что у нас все еще впереди. Но что это — все? Может, такая же скукота?*

Оля и Лариса И.,
г. Ташкент

1090 *Обеим нам по семнадцать, но жить стало совсем неинтересно, хочется чего-то нового. Мы совсем не «пай-девочки» и не скрываем этого. Курим, иногда и выпиваем, но это оттого, что совершенно не знаем, чем заняться в свободное время. Просто убиваем его и все... Может, чем-нибудь нам можете?*

Лена и Оля, подруги,
г. Вологда

Ой, девочки! А я всегда так и считала, что от безделья чаще всего и спиваются. Представьте, что вам может грозить! Уж лучше податься в философы (как грозятся авторши предыдущего письма). Философия, по-моему, — прекрасное средство, чтобы больше уже не скучать. Никогда!

Впрочем, скука стара, как мир, как школьная программа (вспомните Е. Онегина). Какие б ни были ее причины, она живуча! Попробуем порассуждать.

Жизнь как промежуток между рождением и смертью, наверное, сама по себе не особенно увлека-

тельна. Весь фокус в том, чем человек этот промежуток сумеет заполнить. У одних это не вызывает проблем, а другие должны приложить максимум силы воли, чтоб наполнить свою жизнь смыслом, сделать ее интересной. Нарботать такую силу воли очень сложно, но подумайте: для себя же стараемся. Или не стараемся!

Никто не усыпал наш путь розами. Но ведь и мы сами чего-то стоим! Так давайте преодолевать барьеры, а не плакать рядом с ними. Жду писем от тех, кому это удалось, и от тех, кто хотел бы протянуть руку увязшим в трясины скуки, безволия и безделия.

Кстати, несколько таких писем я уже нашла.

1091 *В наше «революционное» время очень трудно человеку не затеряться в водовороте событий. Я как профессиональный психолог не могу смотреть на беды людей сквозь пальцы. Ведь человек, подавленный морально, неспособен к сопротивлению, более того — неспособен к жизни. Всем, кто напишет мне, я в меру возможности помогу конкретными рекомендациями. Нужно только излагать ситуацию не типизируя, откровенно.*

Мой адрес: 666110, Иркутская область, р-н Усть-Орда, ул. Советская, 36 2. Юрию Колесникову.

1092 *Уполномоченный группы «Отбой воздушной тревоги» приглашает всех желающих вступить в нашу команду. Мы выпустили уже несколько собственных магнитоальбомов, правда, плохого качества, но ведь это только пока! Я (Андрей) рисую рисовачки и пишу рассказики-стишочки, Аркадий — лепит пластилиновые скульптурки. Нас легко различать: я — волосатый, он — нет. Мы считаем себя самым северным творческим самостоятельным объединением. Не скучаем, не умеем унывать. Стоит только написать нам письмо с приложением адреса и копии своего произведения, мы («ОВТ») поддержим вас, ободрим, можем рассказать что-нибудь веселенькое из жизни самой северной тусовки в мире. Впрочем, можно писать и без произведения, и без копии, а просто так. Привет всем хиппи, будьте здоровы.*

Андрей, 16 лет;
Аркадий, 16 лет;
Алина, 16 лет;
Макс, 17 лет и т. д.
Якутия

1093 *Сейчас я пишу книгу, составленную из отзывов и писем тех, кому дорог был Виктор Цой. Пока что это только отклики моих друзей. В книгу войдут также некоторые интервью, в основном те, которые слышал, видел или читал далеко не каждый. Я три года собираю статьи и фотографии о «Кино», сейчас у меня много интересного материала. Кто хочет — подключайтесь к моей работе. Буду рада помощникам.*

Ольга, 16 лет,
г. Ленинград

Такой вот бодрый аккорд прозвучал вдруг после «страдательных» мелодий. Мне очень хочется найти его отголоски в ваших будущих посланиях в нашу рубрику. Очень жду, пишите!

ОБЪЯВЛЕНИЕ

1094 *Пишу стихи, сочиняю музыку, но плохо. Хорошо играю на клавишных. Готова создать свою музыкальную группу. Деньги на студию будут — есть возможность заработать их в кооперативе. Остановка за малым: нужны девчонки-сверстницы, умеющие играть на гитарах, клавишных и ударных, солистки, ну и... композиторши. Спешимся!*

Таня Мельник, 15 лет,
г. Кишинев

ФАН-КОНТАКТ

1095 *Очень нравится группа «Любэ». Думаю, что переписка поможет собрать подробную информацию о ней и найти новых друзей.*

Лена, г. Рига

1096 *Хочу как можно больше узнать о творчестве Джорджа Майкла, Мартики. Вообще люблю зарубежную музыку. Думаю, у меня есть единомышленники, пишите!*

Евгения,
Камчатская область

1097 *«Маршал» покорила Лену Коробейникову. Она ищет пленников (поклонников) этой группы.*

Читинская область

1098 *Наш кумир — Юра Шатунов. Хотелось бы переписываться с ребятами из разных регионов страны, которым нравятся песни в его исполнении.*

Лена, г. Петропавловск-Камчатский

1099 *Поклонник «Гражданской обороны». Жду писем*

от почитателей творчества этой группы.

Сергей, г. Севастополь

1100 *Обожаю песни группы «Наутилус Помпилиус». Я покупаю записи с их песнями, собираю различные фото, значки с их изображением. Но не с кем поделиться, послушать и обсудить песни. Напишите мне те, кто любит «Нау».*

Света, г. Курган

1101 *Хотела бы переписываться с поклонниками группы «Наутилус Помпилиус». Думаю, нам будет о чем поговорить. Сегодня прочитала статью «Гуд бай, Америка!» Поняла, что у меня есть соперница.*

Алла, 13 лет,
г. Первоуральск

1102 *Буду ждать писем от тех, кто любит слушать «ДДТ», «Наутилус Помпилиус».*

Вика, 15 лет,
г. Ленинград

1103 *Вити Цоя больше нет! Был и не стало... Отзовитесь все, кому небезразлична судьба так рано угасшей звезды, все, кто его любил.*

Ольга, Тюменская область

1104 *Больше всего люблю группу «Бригадный подряд». Но нигде об этой группе никакой информации. У меня большая просьба к тем, у кого есть сведения о «Бригадном подряде», напишите!*

Игорь, г. Ленинград

1105 *Хотела бы как можно больше узнать о группе «Форум». Буду благодарна всем, кто откликнется на мое письмо.*

Наташа, г. Новодвинск

1106 *Я безумно люблю «Битлз». Но так мала возможность получить достоверную информацию и найти друзей, которые преклоняются перед «Битлз». Я предлагаю свой адрес для переписки, отвечу любому человеку. Привет всем поклонникам!*

Битломанка,
г. Конаково

1107 *Поклонник группы «Санкт-Петербург» ищет*

Светлана,
г. Красноярск

ЦВЕТЫ ДЛЯ «ЗОНДЕРШИ»,

ИЛИ ДВЕ ИСТОРИИ С КОНЦОМ И БЕЗ КОНЦА

Не скрою, после того, как письмо, о котором речь пойдет ниже, было прочитано, рука автоматически потянулась за редакционным бланком, на каких мы обычно даем ответы своим читателям. И уже готовы были сорваться с пера и лечь на бумагу строки: «Здравствуйте, уважаемая Катя...», и дальше — совет-отписка в ненавязчиво-укорительных, сочувственно-назидательных тонах и полутонах.

Но... Вспомнилась одна неожиданная встреча, происшедшая более полугода назад в небольшом белорусском городе. Я умышленно не называю его, чтобы не навредить невзначай человеку, который сейчас имеет право на высокий рейтинг в игре, называемой жизнь.

Короче, Катя из Ижевска оказалась в ситуации, которую в юности пережил и встреченный мной человек — Надя. И подумалось: а не лучше ли вместо сюсюканья о достоинстве, рассуждизмов о нравственном и безнравственном просто рассказать о ней? Может,

в данном случае пример будет получше любой проповеди?

Но сначала история Кати. А она такова.

В одной семье жили-были девочка и ее старший брат. Родители крепко дружили с «зеленым змием» и на этой почве зачастую дрались и скандалили. Однажды

папаше захотелось много денег. Он забрал жену, дочь и укатил в северные широты за «длинным рублем». Сына оставил престарелой теще, заявив при этом, что с него вполне хватит и девчонки.

Прошло несколько лет, брат повзрослел и приехал навестить сестру и родителей. Но отец сына на порог не пустил, а жену и дочь запер. Катя не могла ему этого простить. Много раз девочка в слезах упрашивала мать развестись с ним. Но та была настолько запугана домашним деспотом, что предпочитала топить семейно-бытовые проблемы в бутылке. И тогда Катя сама нашла выход. Удрала из дома. Поймали в Свердловске и отправили в детприемник. Вскоре приехал отец и избил ее до полусмерти. В больнице соседкой по палате оказалась двадцатилетняя наркоманка. Несмотря на разницу в возрасте, они сдружились и сбежали из больницы.

Дальше уличная — делай, что хочешь, — жизнь. Сначала Катя пристрастилась к сигаретам, потом попробовала и гашиш. Прогрессировала лихо: с «зелья» перешла на «колеса» (таблетки), дальше — села на иглу. А там и покруче делишки пошли...

Но однажды (был момент) она взглянула на свою жизнь трезво, без дешевого кайфа, и содрогнулась. Вспомнила, что где-то есть родительский дом. Пусть неприветливый, неуютный, но все же кров. Приехала. Папаша прямо на пороге назвал проституткой и стал бить ногами. Забил бы до смерти, да соседи не дали, заступились.

Пошла Катя на «второй круг» — наркотики, притоны и все тому сопутствующее. «Подружки» зарабатывают на жизнь панелью. Зовут и Катерину, но она, выражаясь ее же словами, «еще держится в одном миллиметре от ада...» Заканчивается письмо мольбой:

«Помогите мне. Очень прошу, подскажите, как подняться? Хотя я ведь сама виновата во всем, и, видно, мне и дальше тащить по жизни это бремя. А если так, то извините за длинное письмо и считайте, что девке-дурехе просто захотелось выговориться».

Не обессудь, Катерина, но, как я уже сказал, совет не будет. Живем в Стране Советов — надоело зряшные советы раздавать. Послушай лучше другую историю, может, чужой пример в чем-то и сгодится.

...В приснопамятные застойные времена, когда наркомания считалась явлением типично западным (ибо у нас по сводкам не проходила), а слово проститутка применя-

лось как безотносительное ругательство (по той же причине), наркоманки и проститутки, зачастую единые в двух лицах, тем не менее существовали и в некотором роде процветали. По отдельности в простонародье их звали зондершами, а огульно — зондеркомандой. В минской интуристовской гостинице «Юбилейная» зондеркоманду хорошо знали швейцары, работники угрозыска и журналисты. Первые — по долгу службы, последние — в силу профессионального любопытства. Наш брат бывал там из чисто деловых соображений: интервью, пресс-конференции, приемы... Зондерши тоже стремились к контакту с иностранцами, но, выражаясь языком полевых командиров, били по иным целям. Проникнуть за дверь с намертво вросшей в нее табличкой «мест нет» им было раз плюнуть. И только одна особа никогда не совала швейцарам у гостиничного или ресторанныго входа червонцы. Это — Надя. Дверь распаивалась сама собой, стоило ей появиться перед швейцаром в вечерней боевой раскраске, потому что связываться с ней было себе дороже.

До сих пор не могу понять — почему зондерши меж собой звали ее Задрыгой: и ноги у нее были что надо, и фигура в порядке, и личико миловидное. Правда, эту внешность портили лихорадочно блестящие от наркотика глаза, а иногда на нее накладывал руку алкоголик-папаша. Случались с Надей и иные казусы: ночевки в вытрезвителе или «аквариуме» райотдела милиции. А все из-за характера. Задрыга могла мгновенно «взбеситься», и горе было тому, кто пытался сунуть нос в ее дела. Однако милиционеры с ней особо не церемонились. Один оперативник как-то сказал: «Эта девочка упорно на срок катит». Он явно намекал на наркотики, потому что если какая вещь и доставляла Задрыге радость в жизни, так это фуфуска кокаина да косяк анаши. Зона или психушка были для нее делом времени. Я спросил, помнится: «Что ж она такая неприкаянная?» И получил в ответ: «А куда ей идти? Предки — потенциальные алкаши, а папашу, как разбушует, самого силой успокаивать приходится. Вот и болтается девчонка где ни попадя. От такой жизни красота быстро полиняет, а без нее на панели делать нечего. Какой выход? Воровать! Ну, а там, сам знаешь...»

И вдруг Задрыга исчезла, растворилась, растаяла. Месяц, один, другой... Так и не объявилась. Только слух прошел — Задрыге подфартило. То ли испанца, то ли шведа окрутила, вышла замуж

и мотанула навсегда за кордон. Потолковали, посудачили /событие для тех времен все же не рядовое/ и, невелика фигура, чтобы помнить вечно, — забыли.

Прошло семь лет. Журналистские дороги занесли меня на запад Белоруссии, в городок, славный своим добротным пивом. У гастронома как раз стояла бочка, а день выдался жаркий. Стою в тени каштана, потягиваю из кружечки и не могу избавиться от ощущения, что где-то видел эту молодую миловидную женщину, стоящую у входа в гастроном. Она покачивала коляску с малышом и увещевала вертлявую девчушку, которой никак не стоялось на месте. Вдруг осенило — да это же Надя-Задрыга. Вот те на! Сразу вспомнилась история с «испанским шведом». Подумалось — может, в гости приехала? Но ничего импортного в ее облике не было, хотя одежда и отличалась изысканностью. Как был, с кружкой, иду к ней: «Здравствуй, Надя!», и натываюсь на испуганный, затравленный взгляд. Она узнала меня сразу: «Послушай, уйди, я тебя прошу... — В голосе просто стыло отчаянье. — Ну зачем ты здесь? Боже, откуда?..» Надя говорила и все время оглядывалась на дверь гастронома.

«Извините, я, кажется, обознался», — первые слова, что пришли мне в той ситуации на ум и, как оказалось, самые верные. Она вымученно улыбнулась в ответ. Под этой улыбкой я ретировался за пивную бочку и смешался с очередью.

Почти тотчас из гастронома вышел высокий жилистый парень с авоськой. Аккуратная стрижка и подтянутость выдавали в нем человека военного. Он устроил авоську под коляской, осторожно развернул ее, свободной рукой подхватил Надю под руку и уже на ходу стал рассказывать что-то смешное. Девчушка, пританцовывая, шла следом. В конце улицы Надя быстро оглянулась, и все семейство скрылось за поворотом.

Меня не отнесешь к любителям пасторалей и прочих умильно-сентиментальных сцен, но тогда я мысленно подарил ей самые красивые цветы.

Меня могут спросить: а не считаете ли вы, уважаемый, что вашей Наде просто повезло? Возможно. Хотя... Везенье, оно ведь не слепое, оно тоже любит, когда ему идут навстречу. И можно лишь догадываться, чего стоили Наде эти шаги, особенно первые. Но не это суть важно. Главное, что она нашла в себе силы их сделать. Мир ее дому.

Владимир ХАЧИРАШВИЛИ

предъявите права!

«Сегодня впервые услышал, как пахнет сено,— на «зоне» скосили газон»,— писал Сашка в самом первом, минорно-лирическом письме, на которое я просто не могла не ответить.

Только через год он признается, что многое мне приврал в тех первых письмах, точно спрогнозировав, чем можно вызвать к себе интерес. И я «клюнула» на блесну, на псевдооткровенность, на выбивающие слезу истории из его биографии...

Лицо у Сашки странное, это он сам признал, уже вполне честно. Я закрывала одну половинку физиономии, которую владелец выдрал из «дела»,— и смотрела в смеющийся глаз и на широкую улыбку... передвигала лист бумаги— с другой половинки на меня угрюмо смотрел глаз нахальный, а уголок рта капризно опускался книзу...

Какая из Сашкиных половинок лгала, какая говорила правду!..

Мы так и не встретились, когда он вышел по амнистии— кажется, я была в отпуске, и он не заехал в Минск, отправившись по родне... Но последнее письмо «со свободы» встревожило меня больше «несвободных».

... Он возвращался в пыльном общем вагоне от брата— не прижился. Вернее, не возвращался, возвращаться ему было, в общем-то, некуда— мать умерла, к отцу-алкоголику— мало радости. Сашка повздорил с братом и бежал куда глаза глядят с семью рублями в кармане. И тут ему «повезло»— в это он искренне верил, или пытался уверить меня. Двое мужиков, оттянувших свой срок, возвращались домой. Сашку они приметили, щедро подкормили, «подогрели» и позвали с собой, обещая прописать, приютить и к делу пристроить. Сашка тоже «клюнул» на блесну.

Новые друзья, как оказалось, «отсидели» свое за наркотики. Но бросать прибыльный бизнес не собирались— кругом необъятные казахские степи, куда в сезон стекаются искатели конопли со всей страны. Сашка им был нужен.

... То письмо было туманным: «Почитай «Плаху» Айтматова, и ты поймешь, чем мы занимаемся». И так как «Плаху» я прочла раньше Саши, то сразу поняла, что он пошел не «проповедовать» и не охотится на сайгаков. «Это вовсе не такое страшное дело, как у нас представляют. Я лично знаком с некоторыми, которые уже давно. И ничего. Все пустые страхи»,— оптимистично врала мне его веселая половинка. Угрюмая половинка сообщала, что адрес он вышлет попозже, ибо добрые и щедрые благодетели, конечно, проконтролируют его связи... Писем больше не было. Да и у меня сменился адрес.

Я не знаю, что стало с Сашкой, так «классически» рекрутированным в наркобизнес. Но той весной ему стукнуло 21, и он вполне мог взвесить, на что идет... Конечно, как каждый, побывавший на зоне, Сашка знал, что промышляющим наркотиками дают сроки немалые— от 7 до 15 лет с конфискацией имущества. Причем, уголовная ответственность, как за самые тяжкие преступления— с 14 лет. Строго! За «невинное занятие»? К счастью, это все-таки не как в Иране, где только за год казнено больше тысячи дельцов «черного бизнеса». Или наоборот— к несчастью, не как в Иране!

О нестрашной Сашкиной профессии я вспомнила в больнице.

— Ну, как ваша— родила!— поинтересовалась

ТРУДНО
СТАТЬ

АНГЕЛОМ

одна акушерка у другой.

— Да, девочку,— и отвечающая выразительно скрестила руки на груди.

— Не откачали!

— И не пытались... Бесполезно. Все поражено...

Татьяна, девица довольно устрашающего вида, испортить которую уже не могли даже синие наколки на обеих руках, рыдала в палате. Она хотела дитя, может быть, связывая с ним надежды на иную жизнь. Может быть, полагая, что детская ручонка выведет из круга, из которого нет сил выбраться самой! Может быть...

Но маленькая девочка родилась уже приговоренной своей мамой к смерти и умерла без имени, не научившись улыбаться.

Татьяну никто не жалел. Хотя шансов выбраться у нее не осталось. Лишь один из десяти наркоманов способен излечиться. Такая вот статистика...

«Я знаю многих ребят, которые хотели бы лечиться, пока не поздно. Но мы боимся, что засудят,— позвонил паренек из Светлогорска, одного из наркотических «центров» страны.— Когда обращаешься к медикам — тут же на хвост садятся сыщики: где брал, с кем делился... А за колючку не очень-то хочется».

Даже при преступлениях, связанных с кражей, добычей, продажей наркотиков добровольная явка с повинной освобождает от криминальной ответственности. Не говоря уже о тех случаях, когда ты был не продавцом, а только покупателем. Да, у следствия будут вопросы, но отвечать ли на них — дело совести, и только. Отказ от дачи показаний — не преступление, даже если тебя и припугивают люди с погонами.

А боязнь ответа перед законом не беспочвенна. Та же печальная статистика утверждает, что один наркоман или токсикоман за год приобщает к медленному самоубийству еще пятерых... Уголовный кодекс гласит — склонение к потреблению наркотических средств наказывается лишением свободы на срок до 5 лет. В случае склонения двух и более человек или несовершеннолетнего — срок наказания удваивается. Но я повторю, что те, кто по своей воле решили обратиться к наркологам, не несут уголовной ответственности... Нужно только решиться.

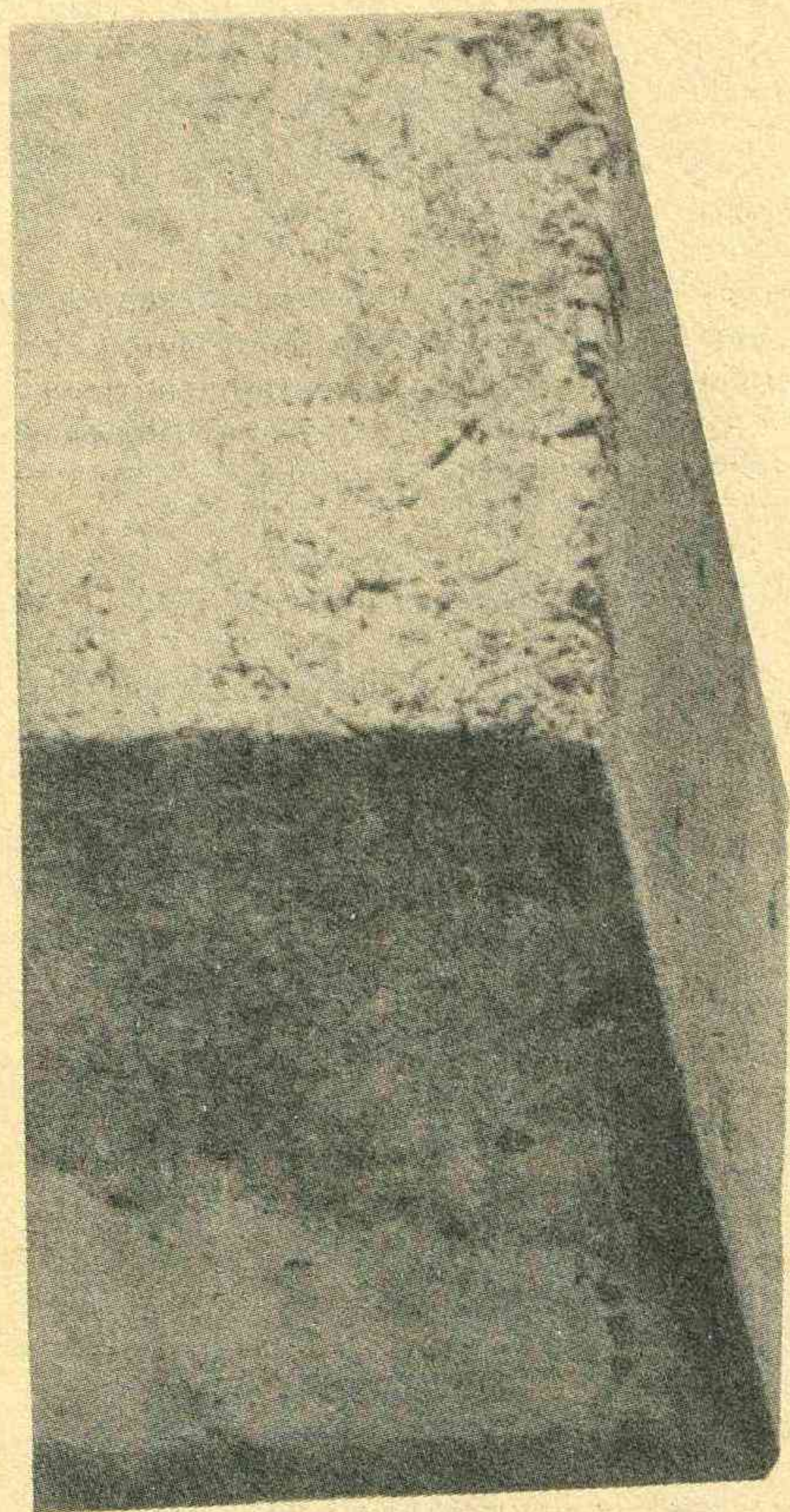
В отнюдь не самых респектабельных кварталах в Соединенных Штатах вечерами собираются парни в белых рубашках и красных кепках. Они называют себя «ангелами-спасителями», потому что считают своим долгом бороться с наркобизнесом. «Ангелы» контролируют злачные места, бары, дискотеки. Говорят, они даже бдительней и настойчивей полицейских. Наверное, потому, что многие из «ангелов» сами были прочно «пришиты» к анаше, кокаину, героину, морфию. Кто-то помог им. Теперь кому-то помогут они... Эти ребята смогли вырваться из цепкой хватки болезни. И у них выросли пусть невидимые, но очень надежные крылья...

Виктория ПЕТРОВА,
частный детектив

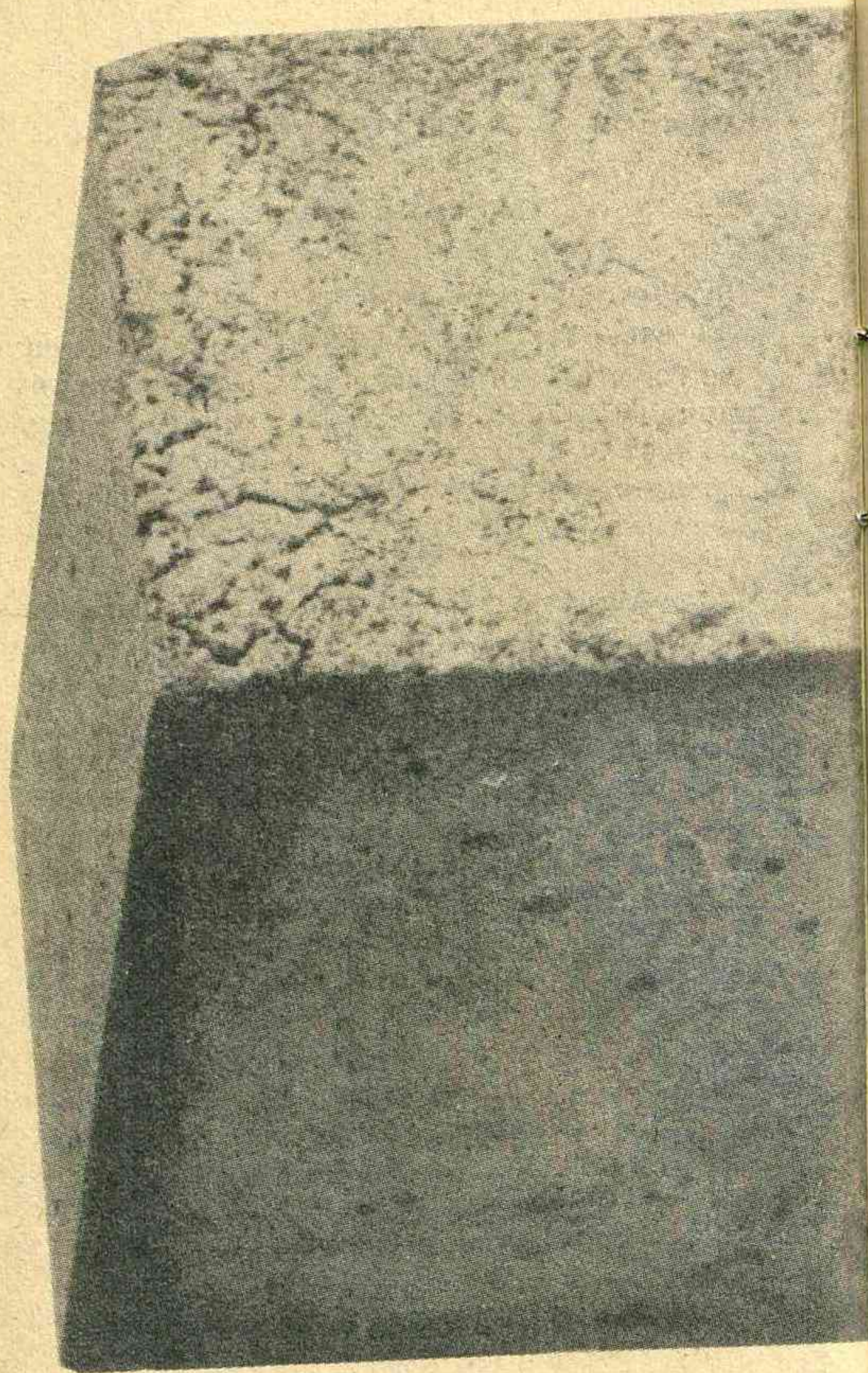
Напоминаем, что по четвергам, с 15 до 18 по московскому времени, по телефону 26-44-31 на ваши трудные вопросы отвечают работники Прокуратуры БССР.

работа

над ошибками

«О, КАК УБИЙСТВЕННО МЫ ЛЮБИМ!..»

Мы едва-едва не поссорились со Светланой Ивановной. Раньше с нами такого не бывало. Спорить — спорили, но за флажки не заходили. А сегодня...

Моя вина, конечно, напоминала я себе, шагая от нее темным, почти ночным уже (всегда засиживаюсь!) городом. Моя вина: я была бестактна, забыла, во-первых, что она — дома, а я — в гостях. А во-вторых, я забыла, что по возрасту она мне как раз в матери годится. Я была не просто бестактна — бесцеремонна.

Но темная волна раздражения и горечи сметала старательно воздвигнутый барьер самокритики. Что ж с нами будет, боже правый, если даже самые светлые из нас только так рассуждать и способны! «Моей мечтой было и остается равенство... Матери-

альное равенство я имею в виду... Я не приму, не соглашусь, чтобы среди нас были богачи! И что бы там ни говорили — я не могу замахнуться на Октябрь. И на Ленина... Я на стороне обездоленных! На стороне голодных!».

Сталина-то она ненавидит. Причем — давно. И никаких «положительных сторон», «заслуг» за ним никогда не признавала — в отличие, между прочим, от многих-многих... И не скрывала этого, так как не умеет — не хочет? не способна? — что-либо из своих убеждений скрывать. Не из-за этого ли впала в немилость? В немилости, в тихой, но постоянно бьющей короткими разрядами тока опале, в нервнующей коллег-педагогов оппозиции она — хронически, по-моему, все тридцать три своих учительских года.

— Вы — не советский человек, Светлана Ивановна! И уж тем более не коммунист!

Я уж не стала спрашивать, какое из многочисленных памятных ей общих собраний вынесло такой вердикт. Она поменяла несколько школ, переезжала из города в город с полуголодной дочкой, одна, без мужа, жила в каких-то ледяных временках, сама пилила дрова, возила воду, считала копейки...

— В доме должно быть три продукта — хлеб, сахар и чай. Главное — чай.

Она может, конечно, остаться и без этого. Я пыталась научить ее жить в условиях дефицита, но она так и осталась безнадежной «размазней», как сама себя называет. Не умеет моментально, по первому сигналу быть в гастрономе, защитить свое место в очереди... «Светлана Ивановна! Да что ж вы одну только пачку чая взяли!! Ведь давали — по три!!!».

— Да... у меня есть. Мне Тамара вчера пачку принесла.

Знакомые знают ее «нерасторопность». Впрочем, слово «знакомые» здесь вряд ли подходит. Множество известных и неизвестных мне нитей связывает Светлану Ивановну с людьми бесконечно разнообразными и (самое странное!) далеко не всегда и не во всем ее, Светлану Ивановну, понимающими и принимающими. Однако же — родными... Да, пожалуй, это слово подходит. Ведь родной человек не обязан тебя понимать — этого мы ждем от неродного.

В чем же секрет этого родства? «Вчера был Леня... Завтра Лариса должна прийти». Я уж по тону чувствую — не просто на чашку чая заходил (зайдет). Не знает Леня или Саша, Лариса или Татьяна (любого возраста — от школьника до пенсионерки-соседки), как ему (ей) жить дальше, чем дышать, как излечиться от собственной слабости, от стыда и боли.

— Родителей — не выбирают! Вот из этого давай будем с тобой исходить.

— Ты влюблен — поэтому ты ревнуешь, пойми, это вполне естественно.

— Нельзя, нельзя вешать нос! Тебе стоит только захотеть — и у тебя будет куча женихов.

— ... а ты не бойся плакать! Плачется — плачь. Ничего стыдного в слезах нет.

— Он перед тобой унижается? Нет, ты не права! Пойми, вы в неравных условиях. Он тебя любит. Ты его — нет... пока. Ему гораздо трудней сейчас, чем тебе.

— В жизни бывает все. Бывает и такое — женщина остается совсем одна. Это тяжело. Но и с этим можно жить. Да, можно! Не внушай себе, что нельзя.

Милосердие? Да, милосердие — но в настоящем, неразбазаренном смысле этого слова. Не всепрощение. Никогда не любили Светлану Ивановну вот так — как на благостном снимке «Любимая учительница», — массой, толпой...

Как-то раз она пошла в поход со своим классом — кажется, это любимый класс был. Сидели ночью у костра, пели, говорили, хорошо-то как было... Но ближе к рассвету Светлана Ивановна все-таки ушла вздремнуть в палатку — не шестнадцать ведь уже, как им. А они не сообразили, что палатка — не квартира, любой звук — насквозь. Стоило учительнице уйти от костра — пошел «с понтом» мат, грязные анекдоты под хохот и визг девчонок... Долежала с открытыми глазами до утра, а утром — обошла все палатки, вырывая колышки:

— Собирайтесь домой. Идти с вами дальше я не могу. А одних вас в лесу оставить — не имею права.

Ну где ж вас будут любить, Светлана Ивановна? Я, кстати, тоже считаю, что зря вы тогда...

Любят ее. Хотя и не все.

Перебирая фотографии, задерживает одну: «Ой, вот это — моя боль постоянная, моя тревога». Что — бездельник, бродяга, хулиган? Куда там — отличник! Ну просто совершенно примерный мальчик.

— Такая в нем, понимаешь, практичность, осторожность... Неприятностей, врагов себе наживать — не любит... А в то же время — такая духовность, такое сопереживание. Что победит?

— Светлана Ивановна! А может, практичность и осторожность в молодом человеке — это совсем не так плохо?

Я подарила ей чикагское издание Нового Завета. Подарила, собственно, не из-за ее глубинно-христианского милосердия, которого к тому моменту оценить еще не сумела, а из-за любимой моей тамошней коллизии — с отречением апостола Петра.

Меня поражало то, что Петр — не осужден и остался апостолом, несмотря на свое трехкратное самоспасительное отречение от Иисуса. Это указывало мне на естественность и неизбежность повседневного бытового предательства. «Такова жизнь» — и кто в этой жизни без греха, тот пусть первый бросает камень — не только в ту блудницу, но и в апостола тоже.

Так вот, органически неспособная бросать камни в людей учительница Светлана Ивановна — без греха. Ее повседневная жизнь бытовое предательство отрицает.

Но... именно из-за этой темно-зеленой контрабандной книжечки, из-за открывшегося мне вдруг и перевернувшего меня христианства — вспыхнуло между нами очередное трение. И опять все началось с моей бестактности. Я стала чуть не ежедневно ревниво и настойчиво спрашивать ее: читает ли она эту Книгу? Потрясена ли, как была потрясена я?

— Нет, не читаю, — не скрывает она, — зачем ее читать? И так тошно.

— Но... — я аж растерялась.

— Ты что — веришь в бога?

— Нет!

— Ну вот.

— Но ведь дело не в этом!.. (Я просто знала, что поверить неспособна). Это же в любом случае надо знать! Это должен знать каждый! — вспомнила я название учебного фильма про гражданскую оборону.

— Каждый?

— Это в вас все атеистический кружок ваш говорит! — я совсем потеряла самоконтроль, — пора бы уж!..

— Может, у меня бог — и так есть. Но не обязательно...

— Что — не обязательно?

— Давить не обязательно.

О, как убийственно мы любим! И так же убийственно ненавидим. От объекта ненависти требуем неперестанно кормить нашу ненависть. А от избранного нами человека — чтобы он думал и чувствовал то же, что мы. Чтобы шел непременно нашей дорогой. Загорался теми же идеями, которыми мы недавно вспыхнули... Подумайте — в наше-то смутное время! — как все же естественно для нас, вот таких — насиловать действительность!

Один ученик сказал ей на выпускном вечере: «Светлана Ивановна, наконец-то я вас понял! Вам — неважно, кто прав. Лишь бы — прав».

Я знаю, что никуда от Светланы Ивановны не денусь — несмотря на эти сполохи между нами. В моей неуютной, беспокойной жизни она — самый надежный причал. Светлана Ивановна все поймет — даже то, чего не понимает.

Агентура нашего тогдашнего Первого секретаря (впоследствии легендарно свергнутого) вовремя доложила ему о нашей с ней дружбе.

— Я слышал, вы с ней подружались?

Когда нашего Первого безотказно избрали делегатом достопамятной девятнадцатой партконференции — он блеснул демократизмом; сказал: жду у себя в кабинете каждого коммуниста, который захочет сказать мне, что передать конференции.

— Я бы хотела... — обронила Светлана Ивановна в учительской, и сразу — как ток по цепи побежал: Светлану Ивановну доставили к Первому под предельно благожелательным конвоєм.

— Пойдемте, непременно пойдемте, Светлана Ивановна... Ему рассказывали о вас, он очень заинтересовался, он вас ждет.

И вот Светлана Ивановна сидит перед нашим историческим Первым и пытается втолковать ему, как неправильно, как не по-ленински мы живем.

— Вот ведь вы — пользуетесь привилегиями...

— Не знаю я никаких привилегий.

— Ну, а вот — газета наша местная... Разве в ней правда? Редактор — он же вас боится!

— Почему он меня боится? Ничего он меня не боится.

— Разве вас на конференцию демократически избрали?

— Народ избрал. Я на нее не рвался.

— Вчера был пленум горкома комсомола. На нем выступали, говорили о недемократичности этих выборов...

— Это журналистка, что ли?

«По просьбе редактора Первому о твоём выступлении не доложили!» — шепнули мне в редакционном коридоре... Наивные люди!

— Да, журналистка. Вам об этом сообщали?

— Мне все сообщают. Я слышал, вы с ней подружались?

С какой луны вы свалились, Светлана Ивановна?

На следующий день после похорон Андрея Дмитриевича она позвонила мне на работу:

— Как ты это перенесла?

— Боже мой, Светлана Ивановна!.. Я ведь давно знала, что он умрет именно так — посреди съезда, внезапно... И утром на съезде объявят...

Тут голос мой оборвался — и она догадалась, конечно:

— Тебя на работе не поняли, да?

— Я вхожу с остекленелыми глазами: «Сахаров умер!». А мне: «Что? А, да, мы уже слышали». «Перенервничал старик». «Нечего было на трибуну лезть по всякому поводу и без повода».

— У меня там тоже... — она на миг замолчала, — историк наш, знаешь, что заявил? Одни сионисты, говорит, были на этих похоронах.

— Историк?!

— Да. У нас в школе, знаешь, всех осуждают. Всех, кто уехал. И Солженицына... А я говорю — вот мы не уехали! Мы остались! И что с нас толку?

Легко представить себе, насколько неудобна такая вот Светлана Ивановна для наробраза. Ведь немилость немилостью, а все знают ее как одну из лучших ломовых лошадей нашей школы.

Но что с ней делать прикажете?! Ее избирают делегатом областной учительской конференции — а она публично отказывается. Выборы, мол, не были демократичными. Она не чувствует, что ее действительно избрали...

С ней по-хорошему — а она!.. А еще потом говорят — травля инакомыслящих, и тому подобное.

— Ты представляешь, учительница литературы — литературы, представляешь! — говорит: «Ну прочтала я этого хваленного Булгакова. Ну и что? Чему может советская женщина научиться у этой его Маргариты?».

— Ничего себе! А вы ей что? — я, как всегда, нетерпелива и требовательна.

— А я ей — не быть такой, как мы, вот чему.

Она красива — и сейчас, в пенсионном возрасте. А в молодости была прекрасна. Из школ ее выгоняли — не только за «антисоветчину», не только за опасную привычку заступаться за вчерашних лагерников, но еще и за то, что из-за нее дрались мужчины. С первых дней знакомства я почувствовала — она знает толк в любви.

А с «Маленькой Веры» пришла расстроенная:

— Не знаю, может, это и хороший фильм... Но неужели они не могли без этой сцены обойтись? Ну что она им дала — кассовые сборы?

— Светлана Ивановна! А вы смогли бы преподавать в школе какую-нибудь азбуку интимной жизни?

— Знаешь... Боюсь, мои теперешние ученики недостойны того, чтобы я говорила с ними о святом.

О дочери:

— Когда мы с ней, семилетней, сюда приехали, я себе поклялась: ради Наташки стану тише воды и ниже травы!.. У нее было тяжелое детство — мы недоедали, мерзли, нас с квартиры сгоняли посреди зимы... Но зато духовно я ее не обделила!

Наташа, моя ровесница, светла и прозрачна — сквозь нее все время видно ее маму.

И все сорвалось опять — мучительным затяжным спором.

Да как же это может быть, воспаленно думала я, чтобы через нее, через Светлану Ивановну, пошло на меня в атаку то, что мне сегодня... ненавистно? Да, ненавистно.

— Значит — назад, к капитализму? За пятьсот дней?

— Да Светлана Ивановна!.. Да вы что! Какой капитализм!

— ... а я знаю, что это — дорога назад.

— Да нет же! Это единственно возможная дорога вперед!

— К частной собственности?

— Светлана Ивановна, милая! Посмотрите туда, за границу — Дания, Швеция, Люксембург... и мы!

— А я, знаешь, что по радио слышала? Один американец сказал — я все же завидую вам, русским, у вас еще есть «мы». Тамошняя жизнь... Мне кажется, она их разобщает.

— Зато у нас — единство, да? Особенно в очередях!

Боже, думала я, уже про себя, — как неразумен, как жесток этот самосожженный фанатизм двадцатых годов!.. Ничего-ничего. Не будем спорить. Надо понять — человеку уже немало лет, не так-то легко расстаться с установками... Но — защищать коллективизацию!..

О, как убийственно мы любим!..

Но ветры перемен не миновали

и нашу глубинку. Первого свергли. В недалеком от нашего уездного губернском городе появилась «палатка свободы». В ней, увешанной не слишком вежливыми лозунгами и карикатурами, по очереди сидели представители различных партий: ДС, ХДС, НТС, СКД... Я была рада палатке — потому что разномыслия не хватало, и все мои попытки бороться с партократией, с монополией КПСС кончались обидой, задыханьем и тоской.

Но я не могла не вспомнить о Светлане Ивановне — когда возле палатки появилось очередное изобретение. Агитационный мусорный ящик «Для использованных партбилетов». Партбилеты туда бросали — немного, но бросали все-таки.

Наверное, главный недостаток Светланы Ивановны — чрезмерная серьезность. Она чрезвычайно серьезно относится к тому, к чему так относиться — просто глупо. Швырнул партбилет в ящик — и дальше пошел, усмехаясь. А она!..

Я застала ее над листом бумаги:

— Знаешь, я решила — напишу, почему не могу оставаться в партии, и повешу в учительской. Пусть все прочитают.

— Слушайте, Светлана Ивановна! — загорелась я. — У нас в газетке рубрику придумали: «Партклуб — свободная трибуна». Да какая она свободная — вся игра в одни ворота, инакомыслящих не слышно. Так, может, вы туда и напишете? Так и называться будет — «Почему я не могу оставаться в партии».

— Нет. Это лишнее. Это будет — агитация за выход. А я не хочу агитировать за выход. Пусть каждый решает для себя сам.

Я сразу вспомнила митинговый лозунг — «Вышел из партии сам — помоги товарища».

Но я продолжала ее «убийственно любить», и меня на сей раз не устраивала формулировка ее выхода из партии.

— Наши лидеры называют себя коммунистами — и живут в роскоши на наши пролетарские рубли. Какие они нам товарищи?

Они бары, господа! А мы не протестуем, не отторгаем их — значит, поддерживаем!

— Светлана Ивановна, вот опять вы про свое равенство! Поймите, привилегии большого начальства — следствие, а не причина! Пока будет дефицит — будут привилегии! Вот почему в Штатах никто не кипятится по поводу привилегий сенаторов?

Нет мне угомону! С ней и без меня было кому спорить — там, на последнем в ее жизни партсобрании. «О чем вы думали, когда вступали?» — «Тридцать два года назад? О любимой мечте всего человечества, о коммунизме». — «Почему выходите именно сейчас — когда это модно, безопасно, выгодно?» — «Простите! Подай я такое заявление в брежневские годы — меня немедленно уволили бы с работы, и мне нечем было бы кормить дочь». — «А позже?» — «Позже началась перестройка, и я было воспрянула духом...»

— А еще я им сказала: я бы хотела остаться коммунисткой. Я смогла бы это, если бы из партии договорились — и разом вышли все чистые, честные люди. Вышли — и партию коммунистов вынесли бы с собой. Наивно, да?

— Вообще-то да...

— Пусть. Я бы хотела идти к коммунизму — даже если он невозможен.

О, сколько у меня было возражений! Решительных! Принципиальных!

«Невозможное — невеста человечества, и к невозможному летят наши души... Невозможное — граница нашего мира с другим».

Андрей ПЛАТОНОВ
(Из письма жене, осень 1922 года)

... Я ее обидела. Надо позвонить и извиниться. Обязательно. Но я не успела позвонить ей — она позвонила первой:

— Марина, ты прости меня за вчерашнее...

Марина БИРЮКОВА

МОЙ НЕБОЛЬШОЙ ЖИЗНЕННЫЙ

ОПЫТ...

Ты идешь по скользкой лестнице и хватаешься за перила. А ноги скользят, разъезжаются. И вот уже почти упала, ударились затылком, круги пошли перед глазами... Но нет, опять ухватилась, поднялась. Шаг. Еще один... И снова теряю опору. Ну, где вы, руки?! Где те самые спасительные крепкие руки, которые помогут встать? Одни тащат вниз по этой противной лестнице, хватая грубо, бесцеремонно. Другие рвут тебя на части. Третьи, холеные, держат сигарету и кокетливо сбрасывают пепел тебе на лицо. О, сколько же рук вокруг! Но где те, которые просто подхватят тебя и поставят на ноги, поддержат на этой лестнице?

Немного о себе: учусь на втором курсе ТФ МГИК.

Вот весна... И чудится мне —
В чем-то царстве бреду я
несмело.

Вот весна... Я целую тебя
Осторожно и неумело.

Вот весна. Многолетний покой
Если я где-нибудь обнаружу —
В это царство иду за тобой,
В этот сад, что еще

не разбужен.
В этот сад, где звучит

рок-н-ролл
И гармония хрипнет небрежно,
Обнимая березовый ствол

В необманутом царстве
надежды.

По-моему, разочарование в жизни приходит от однообразия обстоятельств, в которых находишься.

Чем заняться? Можно было бы почитать, но голова еще не остыла от вчерашней вечеринки. Надо бы пойти, но куда? В кино. Одной? На дискотеку. Но с кем? Кидаешься лицом

в подушку и ждешь, когда пройдет этот день. А больше всего нужен звонок по телефону и далекий, знакомый, милый голос в трубке: «Пойдем погуляем!» Но не сказка ли это?

А если все так плохо, что делать? Не надо киснуть! Не надо надеяться на чьи-то руки... Надо выбираться!

Попробуем установить контакт с мамой, подойдем к ней, дадим понять, что она — единственный человек, который... свой. Она поймет, она простит, она должна поверить. В очередной раз.

Мы пойдем в магазин покупать новую юбку; мы будем вместе за полуночным чаем обсуждать перспективы и просто разговаривать, а со временем, может, удастся вытащить ее в кино? А там, глядишь, и отец начнет тебя замечать. Запомни: нет ничего в мире дороже семьи. А все эти компании — это мишура, ты уже сама убедилась в ее фальшивом блеске.

И еще — читай! Читай запомним! Не пробовала? Заставь себя. Книга поможет тебе забыться, она, как и время, — великий целитель. Найди себе новое маленькое дельце: попробуй шить или вязать, запишись на курсы. Когда увлечешься, почувствуешь, что стало легче. Сидя за каким-нибудь шарфиком перед телевизором, можно получить кучу информации, не заметить пролетевшего времени и получить массу морального

удовольствия, глядя на свое рукоделие.

Еще? Поройся в старых (и новых тоже) журналах, там масса интересного, в том числе и письма, где люди жалуются на свою судьбу (не ты одна такая)... А еще советую просто побродить по улицам днем, по магазинам. Порадуй себя какой-нибудь мелочью-побрякушкой... На улицах и в магазинах полно народу, и все чем-то заняты, и никто не будет лезть тебе в душу.

Брось сигареты. Вдохни пьянящий свежий воздух, пахнущий дождем, зажмурься от удовольствия, что ты живешь в этом мире. Пусть сложном и трудном. Вот так-то. Рано бросаться под поезд и травиться таблетками.

Разговор наш, наверное, уже окончился... И все мы разошлись. И каждый, кто шел, шел сам по себе, занятый собой, ведя со своим «я» увлекательнейшие беседы. И каждый был одинок, не более...

Весь мой небольшой жизненный опыт вылился в эти несколько строчек. Если кому-то поможет, буду очень рада.

Анжелика Абраменко,
г. Тамбов

Не хотите ли оглянуться вокруг! Ну, и кто там? Мы с вами, вот кто.

Мы любим мороженое. И это прекрасно. Мы можем позволить себе не много радостей жизни,— это да, но мороженое — тот максимальный минимум, который можем. Мы позволяем себе обожать и «лакомку», и за 15 копеек, и (на худой конец) за 13 (хотя это, на мой взгляд, уже не мороженое. Или еще...).

«Кан заказал двойную порцию.

— Pistazien and lime*, — крикнул он вдогонку официантке.— В Америке семьдесят два сорта мороженого,— сообщил он с мечтательным выражением лица.— Конечно, не в этой закускойной, а в больших кафе Джонсона и в аптеках. Приблизительно сорок сортов я уже попробовал».

Ничего особенного. Это Э. М. Ремарк. Его «Тени в раю».

«— Фисташкового мороженого у нас нет,— сказала официантка.— Я принесла вам мятное и лимонное. О'кей!»

Вот... тут... если начать рассуждать... Нет, можно, конечно, и не начинать, но мороженое-то мы любим. В крупных городах с ним еще более или менее порядок, а вот в маленьких — совсем беспорядок. Полное наличие отсутствия количества, о качестве вообще молчу. А как же традиции! Еще каких-то пару десятков лет назад советское мороженое можно было причислять к чудесам света. Вы спросите любую заграничную бабушку, в молодости посетившую Союз по турпутевке: «Что запомнилось-то, милая!» Думаете, будет достопримечательности вспоминать! Не-а. «Мороженое», — улыбнется. И будет права.

Так что же происходит сейчас с нашим чудесным мороженым?

* Фисташковое и лимонное (англ.).

Почему в песенке про день рождения, голубой вертолет и волшебника дети должны с удивлением выискивать незнакомое слово «эскимо»? Почему, в отличие от всех детей остального мира, наши не могут выбирать между банановым, лимонным и клубничным мороженым, а рады, когда есть за 13 копеек, и не знают, что такое торт из мороженого? Непонятно все это.

Тем не менее обидно, что любой ребенок в наше время уже знает про фризеры — славные сундучки, которые делают «мороженое из машины». Это, конечно, не лучший вариант, но, пожалуй, с брусничным вареньем или абрикосовым сиропом пойдет.

Где-то я это уже видела... Видела, видела! И в Таллинне, в июле 1989 г., и в Риге, в августе 1990 г. На каждом углу — фризер, к которому «бой» с улыбкой приставляет вафельный стаканчик и наполняет его чудесной сладкой холодной молочной смесью.

Простое решение проблемы привиделось мне во сне: надо купить несколько аппаратов, поставить их в магазинах (а летом можно и «на углу»), найти двух-трех женщин, готовых усесться за выпечку стаканчиков. И все. Трудностей с молоком, сахаром и сухой смесью, которую надо засыпать в машину, не наблюдается пока, заверили меня в райпищеторге, куда я прибежала наутро со своим гениальным предложением.

И 2.100 рублей (столько стоит фризер), по-моему, для предприятия не слишком большие деньги, да и для местных Советов вместе с их исполкомами. Остается проблема, где купить фризеры.

Не знаю. Можно послать представителей в Таллинн, пусть они (выучив несколько слов на эстонском) спросят у начальника уличных торговцев мороженым, где доставали фризеры, а если нет начальника, пусть спросят у самих торговцев.

Надо как-то спасти положение. Лето, можно сказать, уже «на носу». Вас это не пугает? Меня — да. Может, не столько пыльный зной, сколько отсутствие гениального утешителя всех возрастов и народов — мороженого!

Может быть, бросить клич пионерам! Пускай они собирают металлолом целевым назначением: на фризеры. Или на трактор, который можно продать за границу, купив взамен вагон и маленькую тележку фризеров. Думаю, пионеры согласятся.

Или можно организовать совместное предприятие, чтобы из нашего молока и сахара поляки, чехи, югославы, французы, малагасийцы, кто угодно, делали настоящее вкусное (хотя бы дюжину сортов) мороженое, они это умеют. И фризеры для них наверняка не проблема. Короче, энергичные люди, мне кажется, в состоянии решить эту архисложную проблему.

«Кан подозвал официантку:

— Последнюю порцию! Ванильного.

— У нас есть еще миндальное.

— Тогда и миндального.

И один шарик малинового! — Кан посмотрел на меня.— Я тоже осуществляю голубую мечту своей юности. Только еще более примитивную: заказываю столько мороженого, сколько душе угодно. Здесь я впервые в жизни имею эту возможность. Для меня это символ свободы и беззаботности».

Тому, кто осуществит идею о мороживании советских детей, я разрешаю назвать один из сортов мороженого моим именем в его озорном варианте: «Динка». Лучше малиновое... Или нет, то, которое из плодов фейхоа... Короче, какое захочет. Только вкусное.

Дина МИНА

За заголовок — сразу простите. Ну что поделаешь, классик есть классик, и лучше этой его фразы к нашему разговору не придумаешь.

Еще полгода назад никто бы не смог вразумительно ответить на вопрос: кто такой брокер? А сейчас в программе «Время» демонстрируются профессиональные брокерские жесты, а знатоки из «Что? Где? Когда?» шестым чувством определяют, что три поставленных вверх пальца плюс взмах теми же тремя в сторону плюс кулак означают на брокерском языке число триста восемьдесят.

Короче, брокер — это такой человек, который работает на бирже и при помощи определенных жестов, знания рынка и хорошего здоровья продает и покупает все, что угодно клиенту. Живет за счет «чаевых», простите, за счет процента со сделки, так профессиональнее и красивее...

А что до классика Маяковского, то он был прав в главном. Он дал нам схему, фразу, точку отсчета, на

которые накручиваются жизненные варианты. Во времена Владимира Владимировича со всех сторон привлекательной была профессия летчика, например. Профессия романтическая, а главное — редкая. Теперь то же самое происходит с брокерским делом.

Условия работы, как в цирке, только зрителей нет, то есть все зрители являются непосредственными действующими лицами. Работают в огромном зале, заполненном компьютерами и людьми. Под табло высокие здоровые молодые люди в галстуках (пиджаки сняты ввиду весьма накаленной атмосферы) с горящими глазами красиво и сознательно машут руками то к себе (покупаю), то от себя (продаю). В воздухе пахнет деньгами. Ибо на биржах заключаются, бывает, ошеломляющие по суммам сделки.

Вот отнюдь не небрежный жест одного молодого блондина — и люди в зале так сильно засуетились,

Я БЫ В БРОКЕРЫ ПОШЕЛ...

что, кажется, уже и «экстренная эвакуация при пожаре» недалеко... Он, этот блондин, оказывается, бросил на торг большую партию дешевого леса, тем самым сбив цены на лес, которые тут же стремительно начинают падать и падать, отчего другие молодые люди в галстуках, продающие лес своих клиентов, в душе разводят руками: похоже, сделки не будет.

Отчего же не будет? Ведь, возможно, через тридцать две минуты ситуация в корне изменится. Время на бирже измеряется не днями и неделями, а часами, точнее, минутами, а если совсем откровенно, то секундами.

Дождавшись мизерной цены на тот же (к примеру) лес, брокер-брюнет скупает партию за партией товар в нужном его клиенту количестве, а клиенту надо много леса. И цены устремляются в «безбрежную высь», и снова на бирже переполох...

Все это правда. Все это действительно страшно интересно и полезно, только здоровья много отнимает у людей, работающих на бирже и называющихся брокерами, оттого и «пенсионный» возраст у них чуть за тридцать. Но все это больше правда для других стран, с очень развитой экономикой. Для нашей страны — это правда только начинающаяся. Но так будет очень скоро, а пока Первая Московская товарно-сырьевая биржа накапливает банк данных и организует по Союзу свои маленькие представительства в разных городах — брокерские конторы.

Минская брокерская контора — действительно очень новое предприятие, пахнущее свежей масляной краской и обояным клеем. И директор конторы — тоже «новый» начальник. Молодой, вежливый, дружелюбный. Собственно, еще недавно он работал бухгалтером в одном небольшом строительном тресте, но работать брокером — гораздо «интереснее» (неубедительно), «современнее» (малоубедительно), «выгоднее» (понятно!).

У него несколько помощников, партнеров. Вместо огромного зала — тесная комнатка, вместо компьютеров и информационного табло — те-ле-фон, папки с бумагами и почтовый адрес в газете, чтобы клиенты сами заходили со своими предложениями, вместо жестов — слова, коллективные размышления и, бывает, недельные переговоры по сделке. И еще маленький процент себе, и еще процент в «общий котел» — в Москву.

Сугубо академическое толкование слова «брокер»

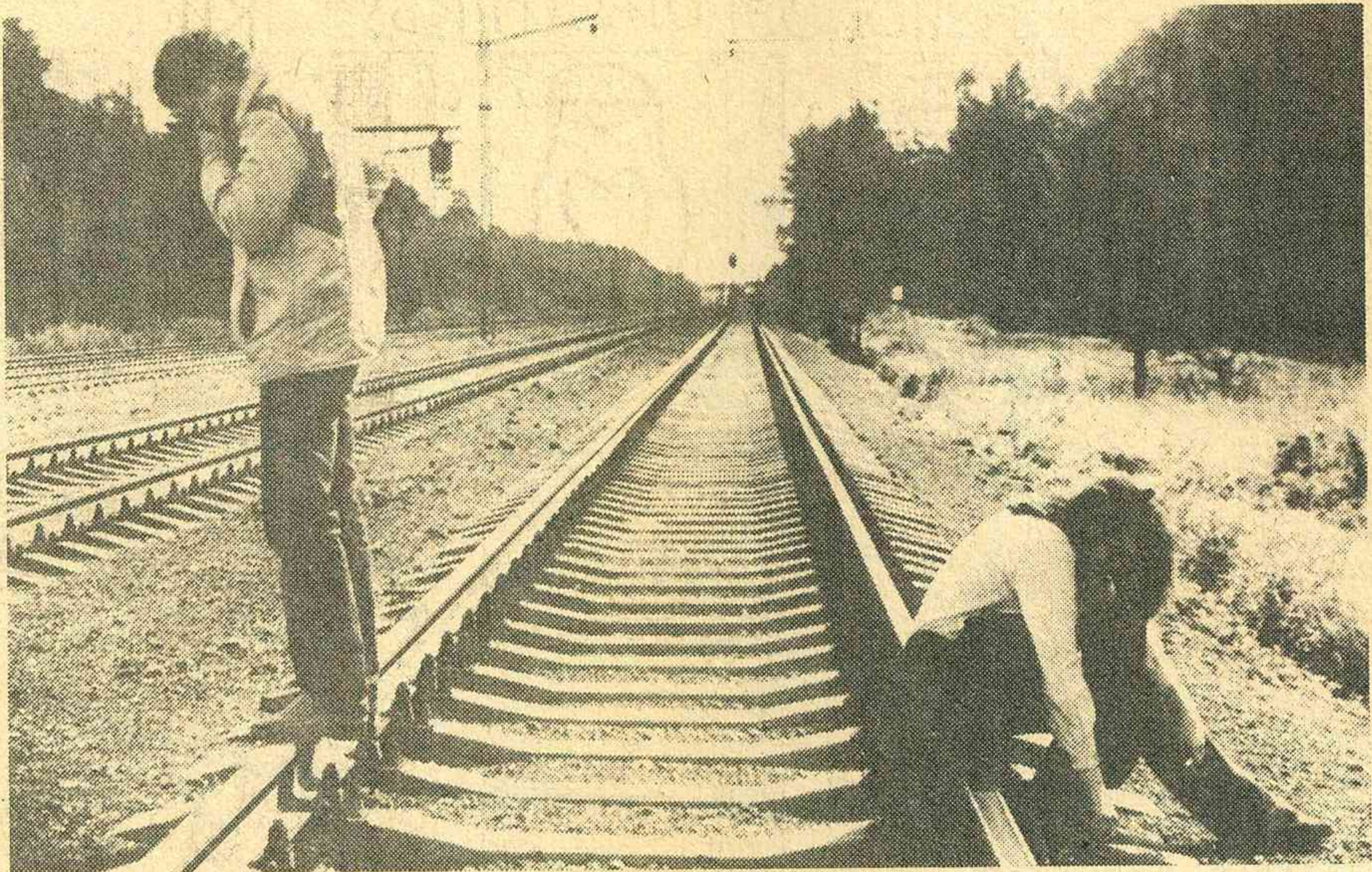
мы вместе отыскивали в словаре. Сами ребята это понимали так: они ищут человека, который что-то продает за определенную цену, они должны найти, кому нужно это «что-то», они должны договориться с покупателем, чтобы всем троим было выгодно, и совершить сделку, оформив непосредственно всякие документы. Тот же процесс происходит и с покупателем чего-либо. Необходимость своей работы они осознают на практике. Потому что они, например, знают, что в Сибири много леса, знают, где именно, у какой конкретно организации. Они знают людей, специализирующихся на переработке древесины, они знают, в чем нуждаются сибиряки, и знают человека в Белоруссии, который за «елки-палки» продаст дефицит сибирякам. Участники сделки этого не знают, поэтому Минская брокерская контора зарабатывает на том, что связывает звенья одной цепи. Это трудная работа, за которую хорошо платят.

Собственно, брокером может стать каждый. Достаточно любить и практически знать экономику, причем, любую ее область, чтобы затем досконально изучить всесоюзный рынок в целом, надо уметь очень быстро соображать, потому что больше сделок — больше денег, а еще надо разбираться в психологии. Роман Федорович — один из минских брокеров-профессионалов — говорит так: если ты сумеешь отказать клиенту в сделке, но сделать это так, чтобы клиент мало не обиделся, а с удовольствием пришел к тебе еще раз, — брокер из тебя получится наверняка.

Если вам уж так неприятно заниматься продажей леса (хотя брокеру должно быть профессионально приятно купля-продажа всего без исключения), можно поступить на валютную биржу или на биржу, где торгуют золотом... Печально лишь, что сам товар вы, собственно, видеть не будете. Получать золото, доллары, бриллианты будет тот, кто нанял вас, а у вас останется все тот же «процент со сделки». Другое дело, что, как и всякая сдельная плата, он может быть очень высоким...

Итак, если вы любите Маяковского, если вы азартный, деловой, современный человек, если вы желаете приобрести универсальную, международную профессию, а также если вы трудолюбивы и здоровы — овладейте профессией брокера, это весьма перспективно.

Ольга СОКОЛ

Уроки
любви
в письмах

Все мы немного

Урок третий: «Истинная любовь похожа на привидение: все о ней говорят, но мало кто ее видел».

Нужно прощать непостоянство и переменчивость себе и другим (если, конечно, в их основе лежит чувство, а не циничный расчет). Человечество бы не выжило, любя человек «единожды» и «истинно». Отнесемся к каждой своей любви как к единственной и неповторимой — это действительно так в момент любви.

Момент? Но как невероятно много он вмещает...

Остров

...Покажется Вам смешным, но в моей жизни слишком много любви. Мне 18 лет, сколько себя помню, влюблялся, влюблялся... Я очень впечатлительный человек. Мои девушки (а многие даже не подозревают, насколько они «мои») наслаиваются одна на другую, как на фото-пленке, когда забывают передернуть затвор. Помню отдельные черты, слова... Восхитительные волосы были! Но у кого? Взгляд, под которым я таял... Чей? Вам это трудно объяснить. Я придумал Остров. Когда я опять влюбляюсь, придумываю, как мы с ней попадем туда. Ну, кораблекрушение,

например. Отдыхали в одной тургруппе, корабль затонул, а мы выплыли, соорудили хижину, климат теплый, кокосы, авокадо, рыба плещется. Живем! Как щекочет нервы: я, Она и Остров! Сколько ситуаций! А как мы придумываем способ, чтобы нас нашли спасатели... Проходит время, девушка блекнет, отодвигается куда-то на периферию, а я снова влюбляюсь. И тащу новую возлюбленную на Остров. Я его цивилизовал: есть место для костра, есть яма, куда обязательно провалится тигр или другой крупный зверь. Но, конечно, прибавляются новые приключения, я придумываю наши диалоги и споры. А в реальной жизни от них бегу. Мне кажется, что я не способен любить по-настоящему. Эти все фантазии мешают жить, но это мой наркотик. Стараюсь собраться, думать о чем-то более серьезном, но опять сбиваюсь на островные переживания. Пишу стихи, но в них нет ничего о любви. Может, потому, что нет и самой любви? От этих мыслей закручивает еще больше, и вот последний раз я собрал на Острове, кажется, пять своих возлюбленных. Они ссорились, ласкались, сообща готовили ужин... А я... Во время отлива, ночью, по лунной дорожке переплыл на соседний

остров, представляя, что будет утром, когда они проснутся...

«Арнольд»

В бреду, в аду и в облаках

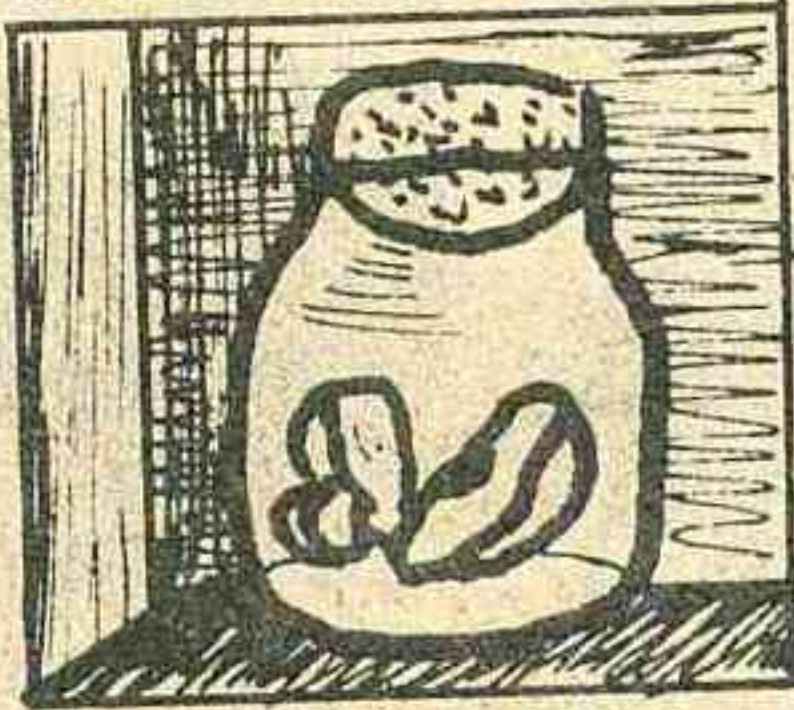
Делиться самым сокровенным с подушкой — надоело. Я обыкновенная, как три рубля, нормальная советская девчонка. Вообще-то уже не девчонка. Свой «переходный возраст» «переходила» довольно легко: влюбилась один раз. Все закончилось быстро, неожиданно и глупо: мальчик сказал, что я его обманула. Вечером я решила выпить уксусной кислоты, но когда вдохнула запах, рука дрогнула и жидкость пролилась. Две недели ходила обожженная, говорила, что открывала зубами бутылку с кислотой, и все мне верили.

Когда заканчивала школу, познакомилась с серьезным парнем. Он был некрасив, имел срок (условно), мог запросто «замочить» кого угодно. Не знаю, может, поэтому я его любила, как любят яркое и цветное. С другими был зол и беспощаден, а мне писал стихи, приносил домой букеты живых цветов. Нашу «шоблу» боялись все «качки». Район стал полностью наш. Мой друг говорил, что этот район он дарит мне со

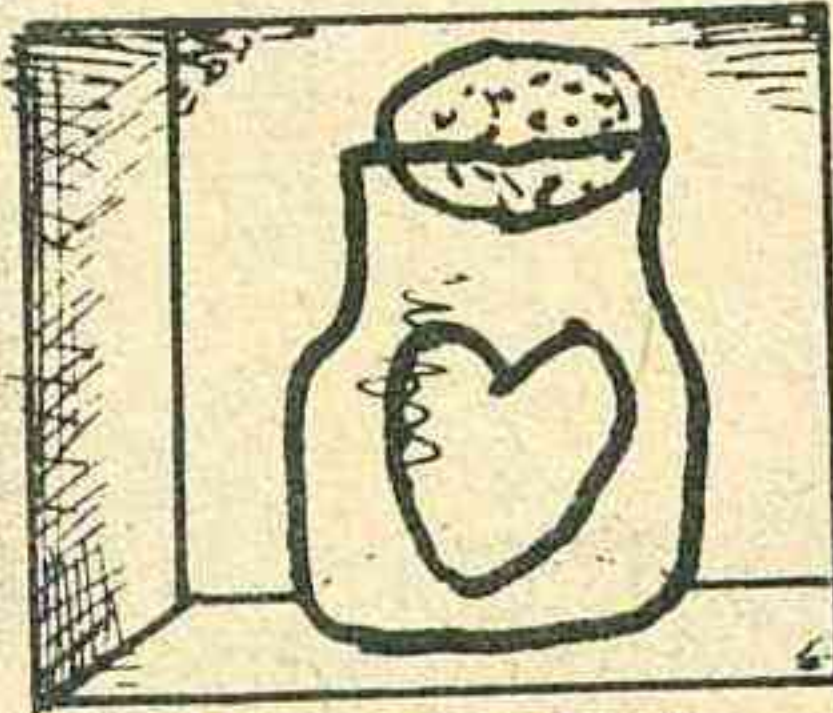
МУЗЕЙ ЛЮБОВНОЙ АТТРИБУТИКИ

1. Сердце обыкновенное

2. Сердце развитое

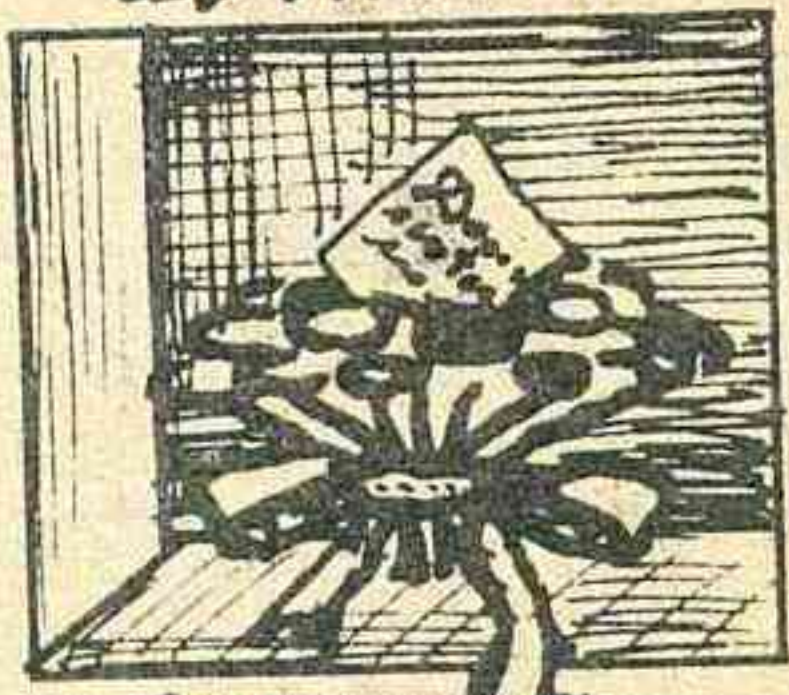
3. Сердце пламенное

4. Сердце каменное

5. Сердце изысканное

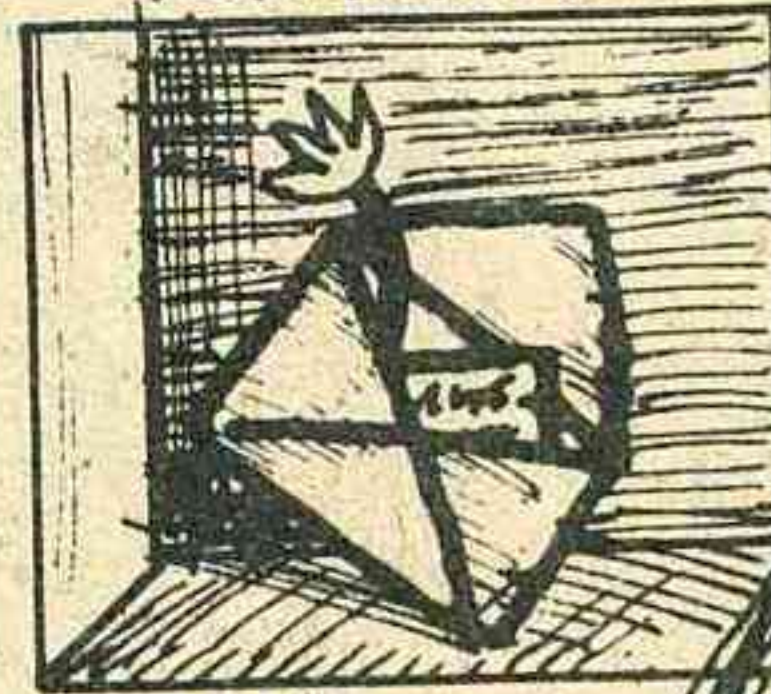
6. Записка в букете

7. Корзина цветов

8. Цветок шт.

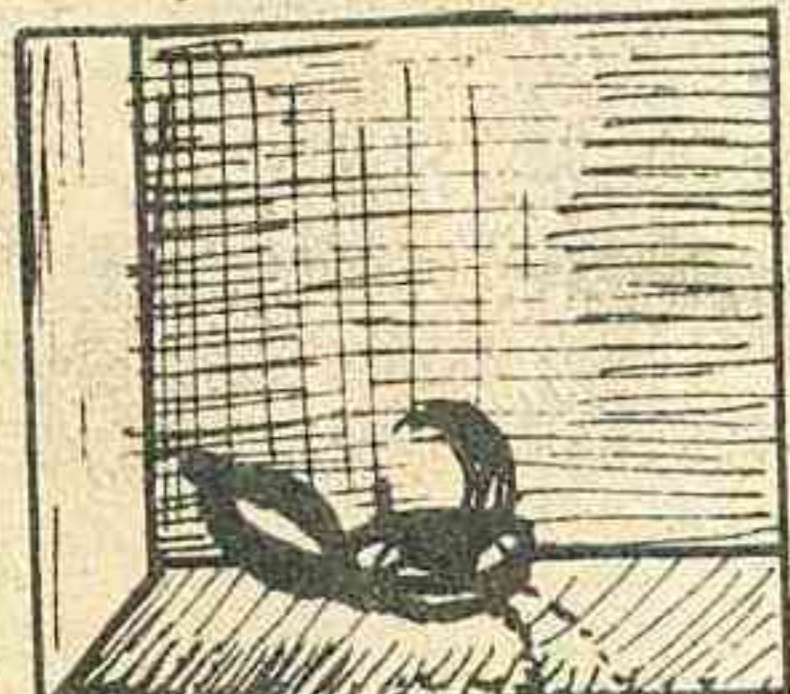
9. Цветок засушенный

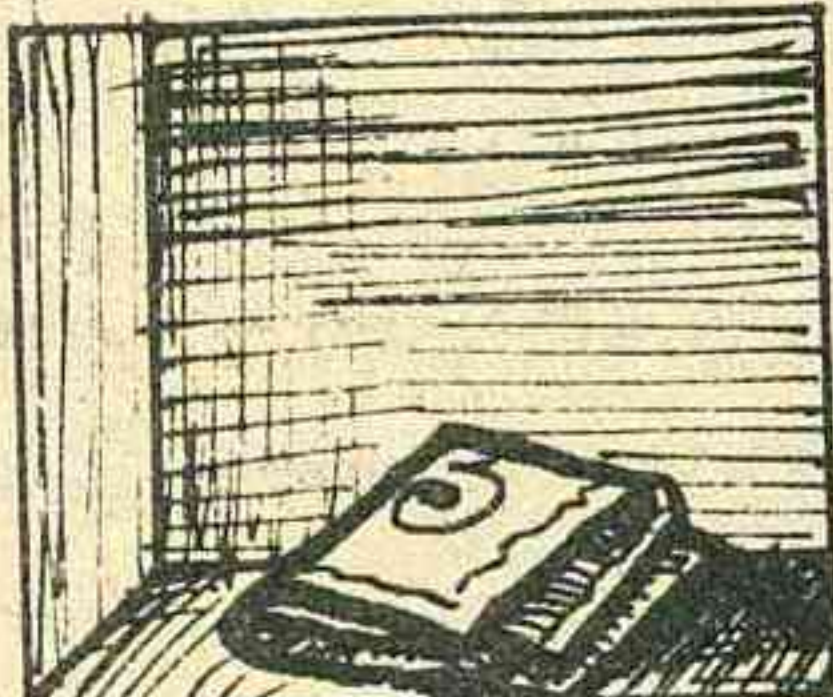
10. Записка в тисме любовная

11. Портрет в рамке

12. Локот в медальоне

13. Тканок вышитый

14. Гитара обыкновенная

15. Телефон-посредник

Донжуаны... темнота — друг молодежи враг

всеми прилегающими к нему людьми. Мне не нравилось, что он курит — бросил. Сказала, чтобы не появлялся на глаза пьяным — перестал пить. Потом я поступила в институт и уехала из города. Вернулась перед Новым годом и первое, что услышала: «Прости, Анна, я женюсь на другой». И столько было в его голосе радости, что не поверить я не могла. Эту праздничную ночь я буду помнить всю жизнь. Отчего же бил меня озноб, отчего редела? Плакала любовь, которая и любовью-то не была? Или швырнула сама себя под ноги и поняла, что — да, я самая обыкновенная, как три рубля?..

Ночь кончилась, начался новый год и новая жизнь. Сдала сессию, потом вторую... Подружка пригласила приехать на каникулы в гости, познакомилась с братом. Он хороший, я ничего — чем не пара, жених и невеста. Так случилось, что он стал моим первым мужчиной. Без моего согласия не сделал бы, а я против не была. «Любишь?» — «Люблю». — «Как?» — «Как ты».

За неделю до того, как нас должны были расписать в сельсовете, я собрала необходимые вещи и поехала выходить замуж. В купе напротив сидел парень. Очень тихий и очень нежный. Я знала это еще до

того, как он прикоснулся ко мне. Шесть часов пути — и все было решено. «Позвони мне, Аня». Он вышел первым, а я спрятала телефон в сумочку, сумочку прижала к себе и... проехала свою станцию. Домой вернулась на автобусе.

Ни о чем не жалею. Люблю до ужаса. Ужаса, что завтра все кончится, и живу вот так — в бреду, в аду и в облаках. Не могу насытиться его нежностью... Анна

Три березы, один клен

Дурак я, что пишу. Выпил немного, иначе бы не взялся. Кому нужны мои дела? Нет, надеюсь, что от этого письма хоть что-то изменится.

Была у меня девушка Марина, считалась в классе лучшей, все парни бегали за ней. Стадный инстинкт, одним словом. Сошлась она со мной по обоюдной любви. А через полгода — куда что ушло. Раздражали ее манеры, ее необразованность. Даже внешность оказалась невзрачной. Не понимаю, как я мог ее любить. Марина почувствовала и говорит: «Гена, ты мной брезгуешь». Я сказал: «Нет, но скоро начну». Она ушла, потом вернулась, я не прогонял, но дал понять... Вскоре узнал, что Марина поступила на курсы, мать

наряжает ее, как куклу. Ну, да у меня своя жизнь. Женился. Ревновал жену, и все такое... Красивая, умница. Я ее на руках носил — вот так брал и носил. Однажды прихожу домой, лежит записка: «Геночка, больше жить с тобой не могу. Думала, что стерпится — слюбится». И все такое. Я схватил нож и себя порезал. Позвонил соседу: «Николай, добей». Та-скали меня по больницам: и простым, и психушным. Ну, тяжело было... Кто пережил, сам знает, почему фунт лиха. Приходила Марина. А мне все равно, апатия. Пришла медсестра Лора — моя мать пригласила уколы делать. Лора стала читать мне Новый завет. Лора не баптистка, нет. Говорит, что давно хотела прочесть «Евангелие от Матфея». Стала ходить чуть ли не каждый день, о себе рассказала. Она — душевный человек, только старше меня чуть-чуть.

Заблудился я в трех березах. Все в прошлом. А Лора говорит, что мне надо заняться спортом, что у меня есть способности. Смотрю на нее и думаю: а может, и правда купить спортивный велосипед?

Геннадий

От редакции: по понятным причинам мы сочли необходимым изменить некоторые имена.

Написать это мне помогли два человека — Клара и Карен.

Карену восемнадцать, Кларе нет еще пятнадцати. Клара — прозрачная, напряженная, с тихим, как сердцебиенье, голосом, из тех, про кого говорят — живет без кожи. Карен — яркий, улыбчивый, коммуникабельный, сразу выделится в любой толпе. Но кожа у него, если разобраться, тоже не слишком толстая.

Кларины предки пришли в Россию в восемнадцатом веке из Германии. Она — волжская немка. Карен — сын Армении.

И Кларе, и Карену живется непросто. В их мир вошло то, что мы сдержанно именуем «международные проблемы». Эти «проблемы» стучатся в наши двери. Ни одному из нас, ни старому, ни юному, не дадут они остаться в стороне. Каждого обожгут.

Кто-то в отчаянии спрашивает себя: «Как быть!» Кто-то уже не спрашивает. А кто-то и не спрашивал, и это, наверное, хуже всего. Так как же быть? Да нет, не о том я, как все эти узлы развязать — карабахский, балтийский, волжский... Это тема особая! Как жить нам всем в сложившихся условиях!

Посоветуемся! Клара и Карен нам помогут.

**Я НЕ ТОТ,
ЗА КОГО ВЫ
МЕНЯ ПРИНИМАЕТЕ!**

Несколько лет назад семья Карена переселилась в Россию. Где бы он предпочел жить — в России или в Армении? Не знает. Армения — родина, это в крови, это до последнего вздоха. А здесь, в России, много друзей.

— Я благодарю Бога, что у меня такой отец и что он меня воспитал на себя похожим. Мы спокойные, нам легко с людьми, с любыми людьми...

Это был далеко не первый в его короткой жизни «международный» конфликт. Надо было купить хлеба на порядочную студенческую компанию. Он взял три батона.

— Положь один. Батонов — по два.

Он указал на «Нормы отпуса»: «пшеничный хлеб — по 2 кг». Ему тут же посоветовали «ехать к себе на Кавказ и там распорядиться».

время и место

**ПОСТАРАЕМСЯ
ПОСТАТЬСЯ
ЛЮДЬМИ...**

— А я ей говорю: вы меня старше, это понятно, но ведь это не значит, что вы имеете право меня оскорблять. Тем более — оскорблять по поводу национальности, это вообще противозаконно...

Я даже засмеялась, представив себе лицо кассирши. Точно! Она была сражена интеллигентностью речи.

— Ты такое словечко слышала — «армян»? Не армянин, а именно армян — так всех зовут, кто с Кавказа или из Закавказья. И азербайджанца, и чеченца, и грузина, и осетина, и армянина. Черный, смуглый, говорит с акцентом, стало быть — армян. За деньгами приехал. Мандарины продает по пятнадцать рублей кило... Так вот — надо сразу с первых слов показать, что ты — не тот, за кого тебя принимают!

Кожа у Карена, как уже говорилось, не слишком толстая. Поэтому он — натура творческая — постоянно вырабатывает свои способы защиты.

— Разрушаешь стереотип!

— Точно!

Заметьте, у нас на каждый народ свой стереотип. Примеры приводить не буду. Скажу лишь — далеко не всем и не всегда так легко его разрушить. Каково Кларе, юной немке, оказавшейся лицом к лицу со страшным, кровью схваченным стереотипом «немец — фашист»!

**Я — ТОТ,
О КОТОРОМ
ТЫ ГОВОРИШЬ!**

— Все началось на уроке. Все стали говорить о немецкой автономии, о том, что не надо ее здесь восстанавливать. И учительница наша тоже говорила: Волга — русская река, а немцы должны жить у себя, в ГДР или ФРГ.

— А она знает, что ты немка! — задаю я совершенно нелепый вопрос. Как она может этого не знать? У Клары не только имя немецкое — фамилия тоже.

— Да... А потом одна девочка... в общем, мы с ней дружили. Она мне всегда нравилась. И вдруг она говорит: все немцы — фашисты, им только убивать.

— Учительница ей не возразила!

— Нет.

— А ты? Ты пыталась возразить!

— Нет. Я сидела и молчала. Мне было очень тяжело.

— Ты так и промолчала все это время!

— Нет. Я только в классе молчала. А после уроков мы шли с девочками вчетвером, и я начала спорить. А она, подруга моя бывшая, опять свое: фашисты они, фашисты.

— Постой, она говорила — «они фашисты» или «вы фашисты»?

— «Они».

— Стало быть, тебя она не причисляла!

— Нет, меня она не причисляла.

Вот оно что! Девчонка держала в воображении зловещих немцев из фильмов про войну и не соотносила, на первых порах, это свое понятие с Кларой. С Кларой они делились девчоночьими тайнами, ломали надвое буфетский коржик. Клара — это Клара, а немцы — это немцы.

А немцы — это Клара. И Кла-

— То есть — не понимают, что ты не можешь относиться к этому так же безболезненно, так же легковесно, как они!

— Не понимают.

Землетрясение застало Карена в школе. Кто-то крикнул ему: «Карен, у вас землетрясение!» Он добежал до физкабинета, там был телевизор. Увидел. Заплакал. Сами понимаете, мы не привыкли, чтобы шестнадцатилетний парень на людях выражал свои чувства подобным образом. Его бодро хлопнули по плечу: «Ну, ну, кончай! Проведем субботник, деньги перечислим».

Землетрясение застало Карена в школе. Но здесь, в России. Это уж потом он на попутной машине сквозь все кордоны прорывался в Ленинакан. А тысячи таких же мальчиков оно застало в школе — там, в Ленинакане, в Степанаване, в Спитаке...

Неизвестные мальчики принимают в моем воображении об-

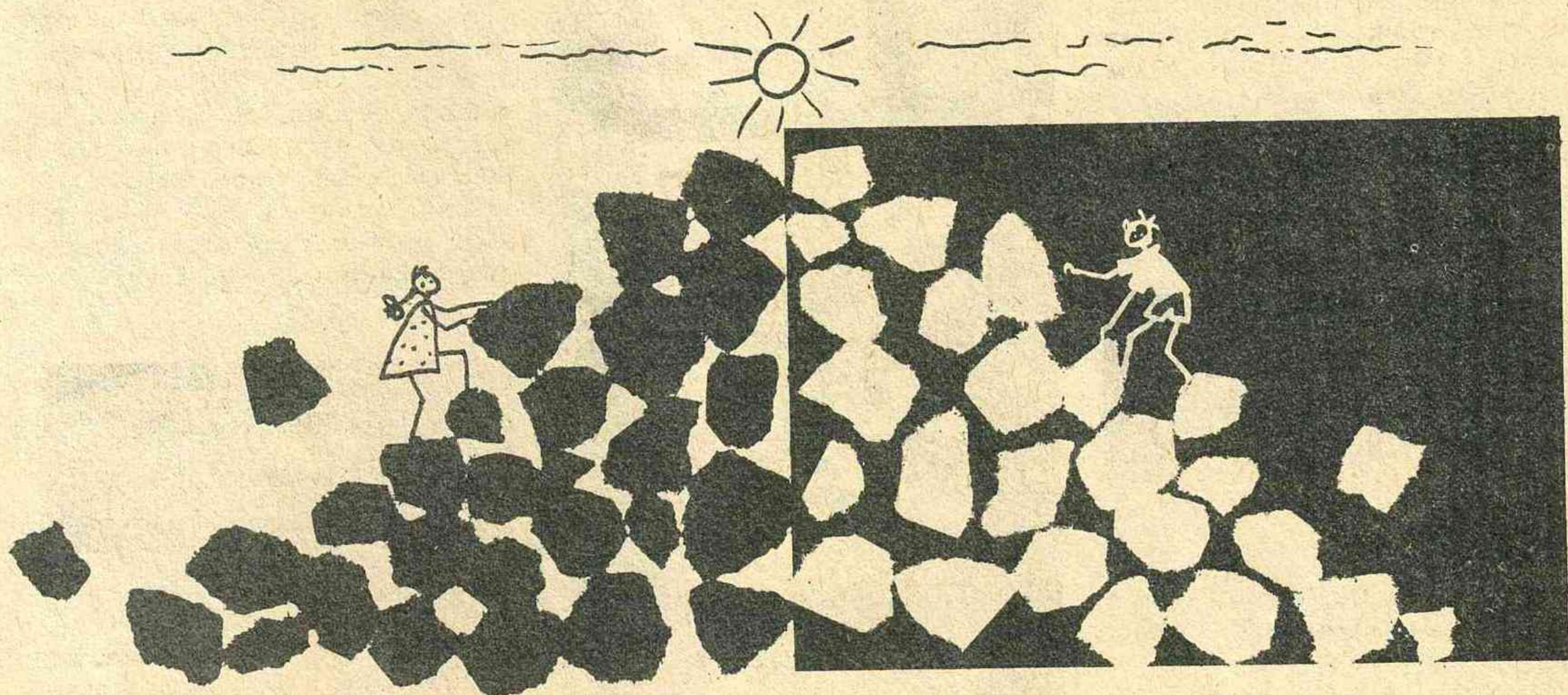
вое, что в голову придет.

— И ты соглашаешься с мамой? Прощаешь?

— Ну... я тоже считаю, что в нашем классе никаких там националистов или шовинистов нет. Просто повторяют они все... за взрослыми. Я ведь тоже. У нас одно время дразнили мальчишку, казаха, а я внимания не обращала. Ну вот, а потом мы стали дружить с Таней Шнайдер...

— С Таней Шнайдер! Вы такие разные...

— Да, она, короче, она мне чужой человек. Просто мы с ней как-то прижались друг к другу, когда весь класс нам бойкот объявил. И мы решили перейти в другую школу. А мама говорит: девчонки, не торопитесь. Подумайте. Вы, наверное, сами в чем-то виноваты. Не совсем правильно вы, наверное, себя вели. Особенно Таня, она — резкая, вспыльчивая. Вот попробуйте завтра прийти в школу

рина мама, тоже Клара. И Кларин папа, Владимир Готлибович. И Кларин молодой дядя Эрнст, родной брат мамы, вернувшийся, слава Богу, живым из Афганистана. И это не кто-нибудь, а Клара каждый день по дороге в школу и обратно читает на заборе лозунг «Долой немцев из города!». Мел — не краска, как на других заборах. И почерк незрелый.

— Карен, а тебя часто спрашивают про Карабах?

— Очень часто. Почти каждый день. И в школе спрашивали, и сейчас, в институте.

— И в каком тоне?

— В ироническом. Скоро, мол, вы там Карабах поделите!

лик Карена. Мальчики из январского Баку, из Сумгаита. Он был далеко. Но я стала представлять себе именно его — там, в те черные дни и багровые ночи...

ВЗРОСЛЫЕ! ОТКРОЙТЕ ФОРТОЧКУ!

— ...а мама мне говорит: Кларочка, давай им простим. Они ведь не со зла. Они по глупости. Они не знают ничего, повторяют друг за другом пер-

и заговорить с девочками как ни в чем не бывало.

— Попробовали?

— Ага. Получилось. Не сразу, правда. Постепенно. Потом уже девчонки сами начали к нам подходить.

Как вы уже поняли, и Кларе, и Карену повезло с родителями. Но с родителями везет не всем. Как тогда?

Учителя!

— Клара, скажи, среди твоих учителей есть человек, к которому ты могла бы прийти с этой своей бедой?

— Кажется... нет, сейчас нет.

— А Алексей Иванович?

— Алексей Иванович — он хороший, конечно. Умный. Уроки

ведет интересно. Но к этому он несерьезно относится. Он не понимает, как нам сейчас трудно.

Кларина школа несколько раз фигурировала на разных общественных собраниях. Бородатый интеллектурал Алексей Иванович с высоких трибун разъяснял: слухи о третировании детей немецкой национальности распространяются экстремистскими элементами, готовыми каждую девчоночью ссору, каждую мальчишескую стычку использовать в своих провокационных целях.

Карен рассуждает:

— Когда в обществе создается сгущенная атмосфера ненависти — подросток дышит ею, другого воздуха для него нет. Оградить, изолировать! Ничего не выйдет. Нужны люди, способные открывать в этой атмосфере форточки.

— Такие люди есть!

— Есть, но их, конечно, мало. Многие искренне хотели бы это делать, но им не хватает мужества. Или дара убеждения. Это ведь не так просто.

— А у тебя был любимый учитель там, в Ереване?

— Да. Учительница. Я даже теперь уверен, что в ее классе никаких стычек нет. Хоть ей и трудно, с каждым днем, наверное, все труднее...

ДУМАЙ САМ!

— Карен, у тебя есть друзья-азербайджанцы?

— Конечно! Двое. Отличные ребята. Из самых близких.

— Вы говорите с ними о Карабахе?

— Мы обсуждаем все, кроме Карабаха.

— Чтобы не поссориться?

— Мы не поссоримся, нет. Просто — зачем лишние нервы!

— А если бы ты все время жил там, в Ереване, — были бы азербайджанцы среди твоих друзей?

— Наверное, нет.

— Почему!

— Понимаешь, там это все очень сильно воздействует на сознание. Каждый день, каждый час. Если бы я до сих пор жил там, не выезжая — я был бы несколько другим человеком.

— И все-таки! На человека каждый день и час воздействует масса всевозможных факторов. Но он — система, будем надеяться, достаточно автономная! Саморегулирующаяся!

И тут я вижу, что для Карена

это очень, очень серьезный вопрос, и не я первая ему этот вопрос задала. Он сам себе его задал первым. Вовремя задал.

— Карен, как ты можешь объяснить, почему такое происходит! То там, то здесь поджигают дома, в которых дети, убивают женщин, стариков, инвалидов! Неужели среди нас так много потенциальных убийц!

— Толпа. Люди в толпе теряют разум. Они неуменяемы. Если человека вовремя вытащить из толпы, он опомнится.

— А подростки подвержены стадной одержимости больше, чем взрослые, или меньше!

— Больше, гораздо больше!

— Карен, что бы ты посоветовал мальчишке, оказавшемуся в очередном «котле»!

— Думай сам. Вот это моя главная к нему просьба. Сколько бы ни было тебе лет — думай сам.

ЧТОБЫ КЛАРА ОСТАЛАСЬ С НАМИ

— Ну перешла бы моя Клара в другую школу! Ну и что! Кто даст гарантию, что там то же самое не начнется! Нет, если уж пошла по городу эта эпидемия — не убежишь, не спрячешься, надо как-то жить.

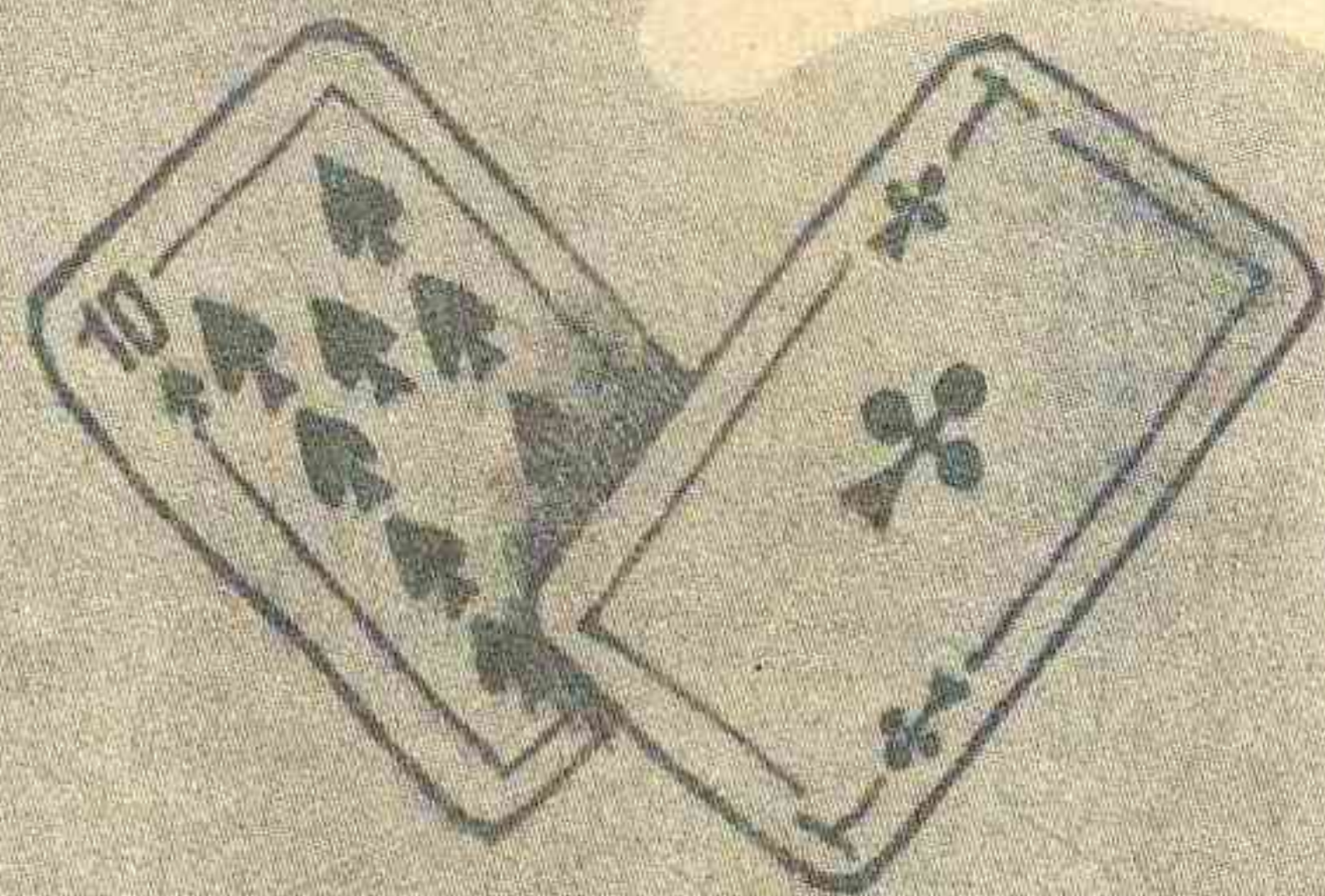
Мы сидим с Кларой-старшей на ее кухне. Она расстроена: ее любимый младший брат Эрнст, тот самый, которого они не чаяли дожидаться из афганских гор, умница, спортсмен, от бога лидер, возмутитель спокойствия и борец за справедливость — предпочел родине чужбину, не вернулся из гостей, остался в Германии.

Эмиграция с кровью раздрает семьи. Потом семьи, как правило, воссоединяются. Не у нас.

Кларины родители не хотят уезжать. Отец даже слышать об этом не может в своем доме. Но кто знает — если их беззащитная дочь попадет еще в одну подобную историю... Подобную или хуже...

Давайте постараемся, чтобы Клара осталась с нами! Давайте постараемся в наш безумный век остаться людьми.

Марина БИРЮКОВА

Среди сонен писем, отчаянно требующих научить, как избавиться от неприятностей, от непонимания окружающих, от бытовых неудобств, мелькнут вдруг строчки, в которых проблемы те же, но нитья нет. Наоборот, есть стремление не противопоставлять себя жизни, найти свою точку опоры, взглянуться в объективные трудности, что-то понять в себе и в других. Не подсказка ли это нам?

Билет

Мне снова снился этот сон: окно кассы захлопнулось перед самым моим носом. Опять не хватило билета...

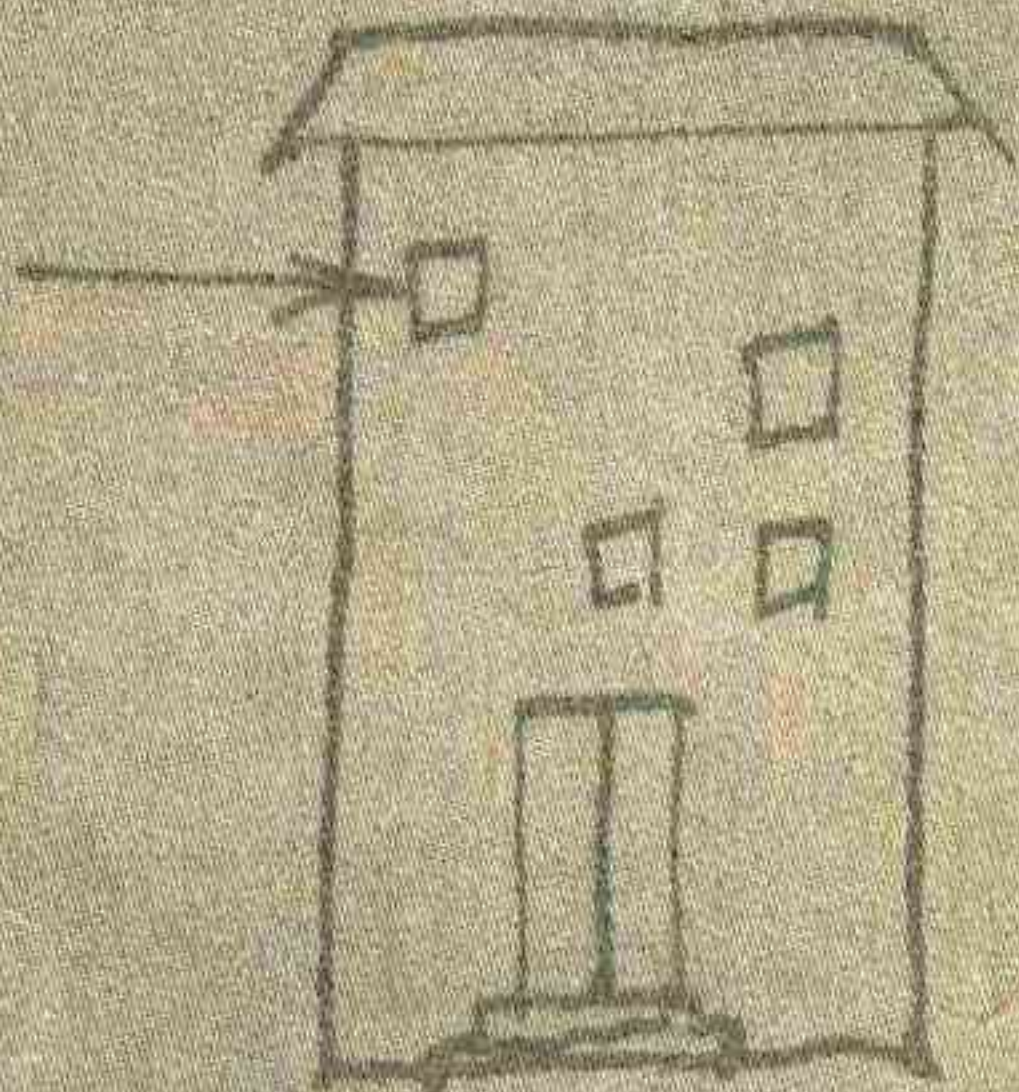
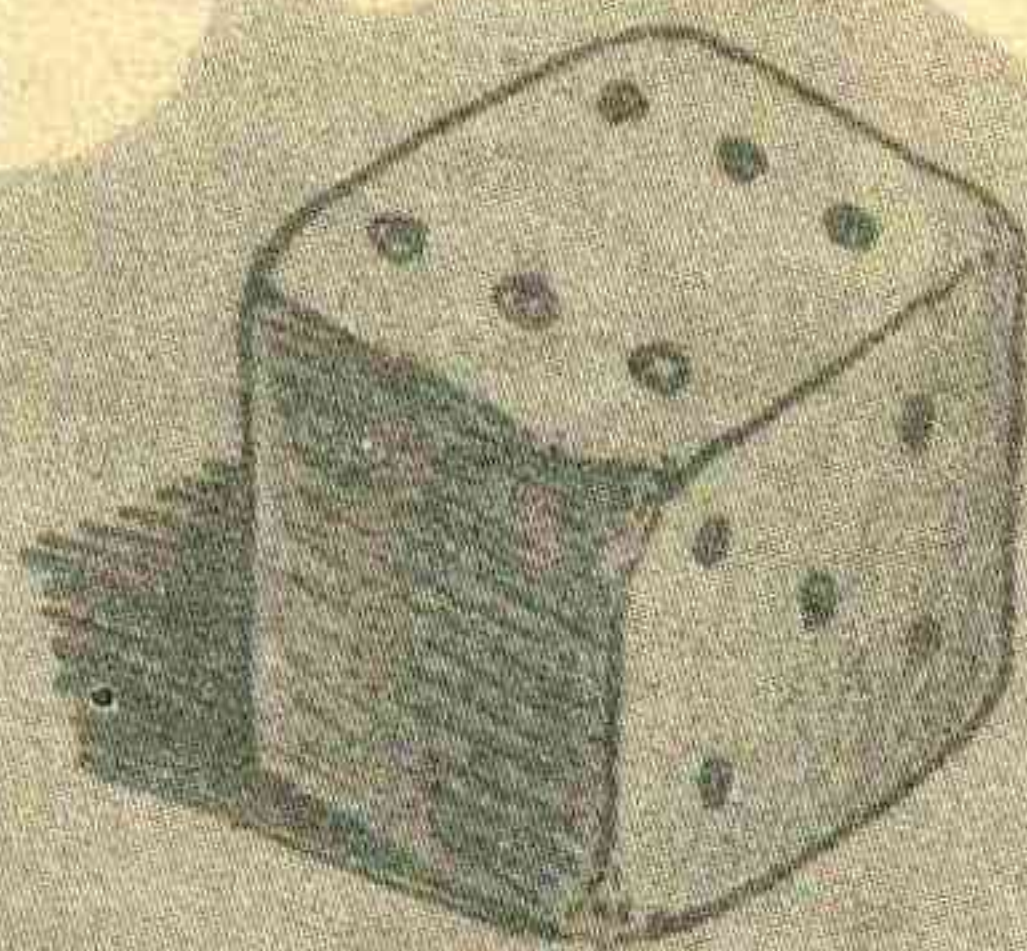
Просыпаюсь от голоса мамы. Очень трудно заставить себя выскочить из-под одеяла. Обычное дело — в спальне всего 14 градусов тепла. Это полезно. Для хорошего цвета лица!

Постепенно доходит и до макияжа (слишком громкое название для не слишком продолжительной процедуры). Замаскироваться под красавицу в который раз не удастся.

Дожевываю завтрак, выбегая из подъезда. Семь пятнадцать. В следующий раз удастся нормально поесть только часа в четыре. Разве что в буфете чего-нибудь перехвачу после второй пары. Впереди почти полтора часа дороги до института. Хватит, чтобы привести в порядок собственное настроение. Займемся аутотренингом — не терять же время зря!

Но колючий ветер на финишной прямой к третьему корпусу, где у меня сегодня занятия, свел мои старания почти на нет. И все-таки вхожу

$$\sqrt{3} = 2$$

самсоздат

в счастье

в аудиторию с улыбкой: «Большой привет!..» Если у меня плохое настроение, нечего портить его другим. Так? Ну, поехали!

Физика-практика. «Вышка» (высшая математика — для непосвященных. О, счастливые!..). Потом — лабы (лабораторные работы по физике, как вы правильно догадались). Но менее увлекательно. Включаюсь в учебный процесс — ведь это входит в стоимость билета, который мне пока еще не достался.

Десять минут третьего. Недавняя финишная прямая теперь превращается в стартовую. Впрочем, можно не спешить. Я люблю по дороге домой рассматривать встречных прохожих.

Вот идет человек средних лет. Спешит и кутается в воротник — ветер в лицо. Вот парень, уверенный в своей приятной наружности. На мой вкус, он сильно ошибается. А вот этот — действительно красавчик... Боже, какая честь! Он снизошел до того, что задержал на мне взгляд больше положенных

двух секунд!!! Чувствуете, как возрастает моя самооценка?

В трамвае мне удастся сесть, да еще и у окошка. Рядом плюхается знакомая личность. Делаю вежливую улыбку:

- Привет!
- Привет, как дела?
- Превосходно!

Никогда не отвечаю на этот вопрос иначе. От меня ведь вовсе не ждут перечисления или подробного разбора моих проблем. Проверено. Пару раз я попыталась ответить всерьез — пожаловалась, что не все гладко в институте. Трудно, устаю, не вписываюсь, не успеваю... И что же? В ответ с удивлением выслушала то ли упреки, то ли обвинения в том, что сама во всем виновата. «Зачем же ты, голуба, учебу запустила? Как же тебя угораздило?»

Наверное, это называется сочувствием. В таком случае, я в нем не нуждаюсь. Привыкла держать все в себе, и это входит в стоимость билета...

Пересаживаюсь в автобус. Ехать еще минут сорок, слегка расслабляюсь. Невозможно заставить себя не думать о тебе,

горюшко мое сероглазое. Недавно я поняла одну очень простую вещь: чем больше думаю о тебе, тем мне больней. Но постепенно эта боль притупляется. Значит, если буду больше думать о тебе, солнышко мое, то быстрее исчезнет боль. Надеюсь и даже верю, что когда-нибудь я улыбнусь над сегодняшними переживаниями. Внушаю это себе и, знаешь, получается. Начинаю уже забывать глаза твои. Верней, взгляд, от которого у меня тихонечко кружилась голова... А когда-нибудь я смогу невозмутимо пройти мимо. Смогу не обходить стороной твой дом. Не вздрагивать, когда кто-нибудь вдруг произнесет при мне твое имя.

Наверное, это случится не скоро. Ведь я стараюсь думать о тебе как можно реже. Не даю себе расслабляться. Это было и будет трудно, я знаю. Но и это — цена моего билета. Билета в счастье...

Юлия,
г. Ульяновск

На фестивале детского и юношеского кино в Москве Олеся Янушкевич получила приз за лучший дебют. Она сыграла главную роль в фильме Александра Карпова «Гомункулус».

Вы, наверное, еще не видели эту картину, но обязательно посмотрите — возможно, жутких, несчастных писем об одиночестве и сиротстве, о ненависти к родителям в нашей почте станет поменьше.

Никогда еще юная кинозвезда не была так доступна: живет и учится, судя по титрам, в Минском четвертом интернате... Однако кино, как и полагается, ввело нас в заблуждение относи-

ДЕВЧИНЮ

тельно реальной действительности: никакая Олеся не сирота и к кинозвездам не имеет никакого отношения. Она — студентка педагогического училища. Но времени студентам, как, впрочем, и самым знаменитым актерам, тоже не хватает. Однако при желании найти можно. А наше желание было велико, а Олеся — отзывчивый человек. Так и встретились.

Она вошла, большая и яркая, но сняла шубу, цветастый платок, присела в кресло и как будто уменьшилась: она внутренне готовилась к разговору и совсем не была похожа на лучшую фестивальную актрису, скорее, на хорошо подготовленную отличницу на экзамене.

Первый вопрос, конечно же, был про училище: почему не театральный институт, а факультет дошкольного воспитания?

— В театральный я поступала, а как же... Сразу после десятого класса, 25 человек на место, срезалась на первом туре и, чтобы не терять год, пошла в пед. Я почти не переживала, наверное, потому, что актрисой быть не хотела. Мне больше нравилось быть режиссером. Читаешь какую-нибудь книгу, «Тилия Уленшпигеля», например, — и так явственно представляешь себе кино! Мне кажется, я была бы неплохим режиссером, особенно исторических фильмов. Но о какой режиссуре можно говорить, если в театральный не пробиться? Вот на следующий год еще раз попробую. Если не получится, пойду в университет на биофак, биология меня еще со школы интересует.

— Значит, о кино ты и не помышляла, а как же ты стала актрисой?

— По объявлению в газете. Пришла на киностудию, были фотопробы, потом кинопробы. Попросили изобразить истерику, но она слабенькая получилась... Меня все-таки отобрали. Родители очень радовались, а когда началась работа — жалеть стали. Я так уставала, что дома не было сил не то что поесть, но даже переодеться. За полгода похудела на 7 кг. Теперь вот никак не могу поправиться...

На съемках очень тянуло в школу, но свободными остава-

лись только субботы. Летела в школу, как на крыльях. Там — все свои, там друзья, там спокойно. Первое время, правда, возникало такое горделивое чувство, мол, я — актриса, а потом подумала: ну, и чем я лучше остальных? И все стало на свои места.

Девочку, которую сыграла Олеся, звали Веней, она жила в детском доме. Она была очень зла на родителей за то, что те бросают своих детей, лишают их нормальной жизни, домашнего тепла, материнской любви. И выдумала она, что дети должны зародиться в пробирках — тогда проблема исчезает. Некого винить, некого любить, не на кого злиться. Веня попыталась создать в своем интернате общество детей из колбы. Но ничего у нее не получилось, потому что человек есть человек, и он обязательно должен кого-то любить, и его должны любить... Но речь сейчас не об этом. А о том, что Олеся сыграла эту роль удивительно правдоподобно, значит, она что-то знала об этих детях, об этой проблеме...

— Я не воспринимала Веню как несчастного, брошенного ребенка. Меня как-то не очень волновало ее одиночество и сиротство, как не волнует и свое собственное одиночество в жизни, несмотря на любимых маму, папу, бабушку и брата, несмотря на многочисленных друзей. Веня, как и каждый человек, по-своему защищается от окружающего злого мира, который вокруг всех нас. Она, как и я, отстаивает свое право оставаться собой в любой ситуации. Потому что человек — это маленькое независимое государство. Веня — резкая, нетерпеливая. А кто в жизни не срывался? И я срывалась. Однажды мою подругу очень грубо обругали, и я ударила этого человека. Просто затмение какое-то нашло, и ударила. Потом как бы очнулась, испугалась... Конечно, это не выход, но не терплю я такой грубости и терпеть не намерена.

Вообще после съемок я измени-

лась, стала смелее в жизни и терпимее к людям. Раньше с мамой ссорилась, а теперь как-то спокойнее отношения стали. С режиссером были конфликты на съемочной площадке, а теперь мы — друзья.

— Когда в кино набирают непрофессионалов, предполагается кратковременное обучение их азам мастерства.

— В принципе, сниматься в кино несложно. Не надо зазубривать всю роль наизусть, как в театральном спектакле, потому что фильм снимается эпизодами. Перед первым дублем просматриваешь сценарный текст, а к концу съемочного дня он у тебя так крепко сидит в голове, что не выбьешь. А завтра он уже не нужен, завтра — новый эпизод.

Дубли, наверное, самое неприятное. Одно и то же. Несколько раз. Главное — не спорить с режиссером, но это непросто. Он мне говорит: падай с «коня» (это сцена в спортивном зале), а я говорю: не буду. Ну не хотелось падать и все, тем более, что в сценарии этого эпизода не было. В конце концов, пришлось упасть.

Мне казалось, что пережить то, что переживает герой, можно только один раз. А здесь — даже самый удачный эпизод снимают дважды, так положено. Но сразу получается редко, поэтому скандалы, нервы...

Еще самое трудное — не замечать, не обращать внимания на камеру.

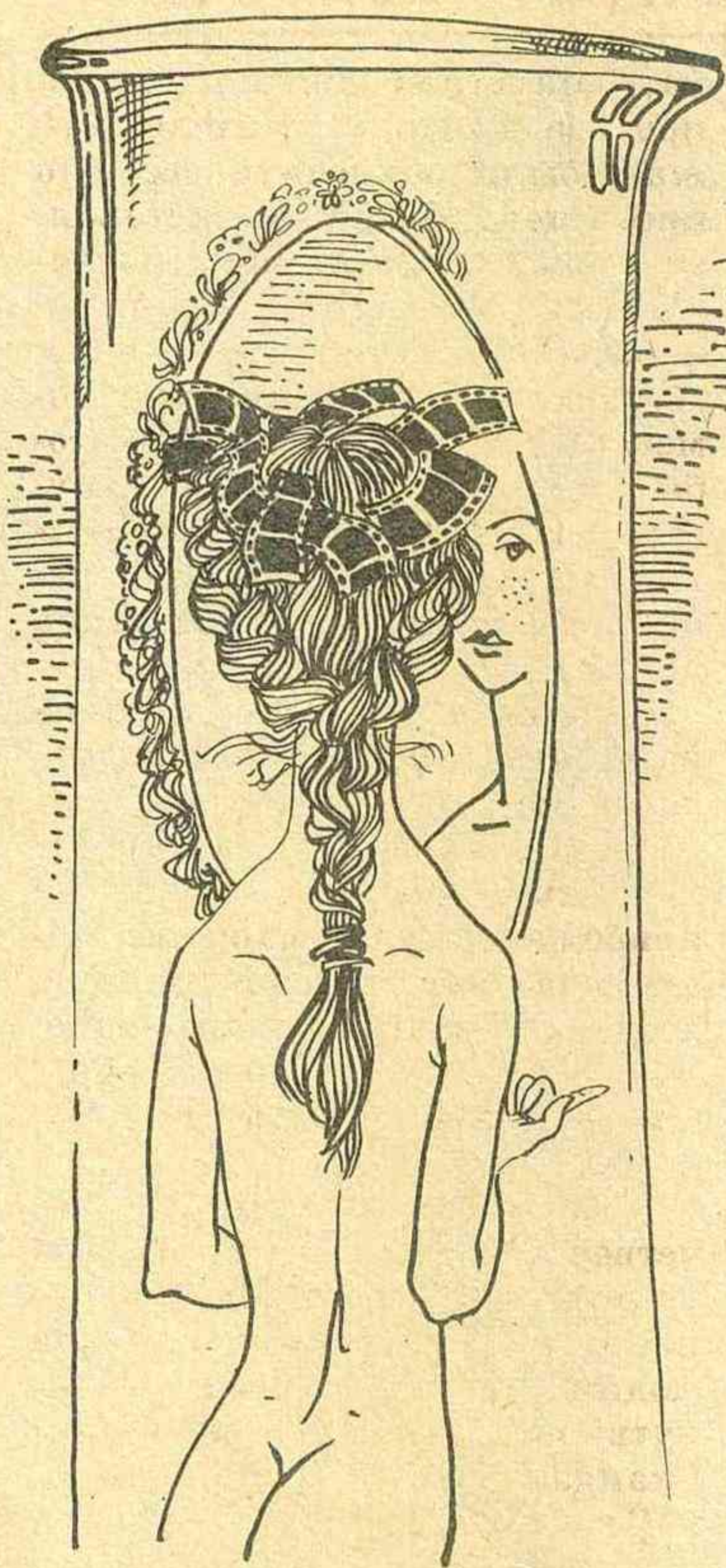
— А людей не стеснялась? Например, в эпизоде, где ты, то есть Веня, раздевается совсем и изучает свое «взрослеющее» тело?

— Нет, люди на съемках очень заняты, лишних, в общем-то, не было, все спешат: объяснить, научить, снять, разделаться со своими проблемами, с нами, с фильмом. Стесняться ни к чему. Я, как и они, выполняю свою работу, личные эмоции никого не интересуют. Кстати, этот эпизод мы сняли с первого же дубля.

Да, теперь уже совершенно очевидно, что она — не кинодива, а совершенно обычная девушка. Хотя непонятно, почему кино не проникло в ее душу настолько, чтобы перевернуть, изменить жизнь, ведь все шансы были: долгая работа, ежедневное общение с «киношниками», о котором мечтает чуть ли не каждая пятнадцатилетняя девушка, успех, наконец, награда за работу. Вот вроде бы чуть-чуть поддалась Олеся, пошла в театральный, но с облегчением вернулась к нормальной жизни. И провал не считает провалом, и успех на фестивале — успехом...

Когда работа над фильмом закончилась, Олеся вздохнула с облегчением. Можно было расслабиться, можно было заняться собой. Она честно отработала, получила неплохие деньги: по 140 рублей за каждый месяц зарплата и 700 рублей — премия. Она накупила себе всякой всячины, часть денег отдала «в семью», а на оставшиеся уехала отдыхать на юг.

Потом началась учеба в училище. И хотя она дается Олеся легко, но времени отнимает много. Встает она в одиннадцать, полтора часа на дорогу, часов восемь — на учебу, 45 рублей на карманные расходы в месяц.

Домой появляется к вечеру. Немного почитает, послушает для души Цоя, «Бон Джови», любую музыку, лишь бы под настроение, поболтает с родителями и ложится спать.

Раньше мне казалось, что кино — это опиум для пятнадцатилетних девчонок. Им очень хочется блеснуть. Или хотя бы утереть нос одноклассникам, или взять мощный старт в кинокарьере, или как-то закрепиться в жизни, найдя «непыльное местечко»... Во всяком случае, для всех — это шанс, который каждый пытается использовать, чтобы взлететь. А дальше — либо парение, либо падение. Либо счастье, либо трагедия.

Олеся взлетела. Она сыграла свою главную роль. Она сыграла ее очень хорошо и, конечно, счастлива этим. Главная роль в кино — это только эпизод, счастливый и незабываемый эпизод в ее жизни.

Но ведь сама жизнь, наверное, важнее, чем кино. И роль, которую ты играешь в ней, гораздо серьезнее любой, пусть даже самой главной кинороли. Давайте попробуем так сыграть ее, чтобы получить приз «За лучшую прожитую жизнь».

Ольга СОКОЛ

«НОЛЬ-ДЕВЯТЬ»

У каждого из нас постоянно возникает миллион вопросов на самые разные темы. И все бы ничего, когда знаешь, кому их адресовать? А когда не знаешь?

Тогда поспеши написать в нашу новую рубрику «Ноль-девять». Это справочное бюро «Паруса». Постараемся «привлечь к ответу» на ваши вопросы различных людей, в том числе и опытных специалистов. Да нам и самим интересно...

ГИМН АЗ И Я

Знаю, что сейчас в стране стали возрождаться гимназии. Вы не могли бы объяснить непосвященному читателю, чем гимназия отличается от обыкновенной советской общеобразовательной школы? Нужно ли для поступления туда сдавать экзамены, или принимают так, всех желающих?

Елена, 15 лет, г. Барнаул

Мы передали это письмо для ответа учащемуся 10 класса первой Минской гимназии Алексею Левитину, внештатному корреспонденту «Паруса».

— Сначала — о поступлении. Для того, чтобы стать гимназистом, необходимо не только успешно сдать вступительные по тем предметам, которые будут профилирующими во время учебы, но и заплатить деньги. В прошлом году — 50 рублей, что будет в следующем — сказать

трудно, и у каждой гимназии свои расценки.

Чтобы поступить на общественно-гуманитарный факультет, я сдавал экзамены по истории СССР, географии и писал изложение по русскому языку.

Главное отличие гимназии от школы, по моему, в том, что у нас не классы, а факультеты: физико-математический, общественно-гуманитарный, литературно-эстетический, естественно-научный. В каждой группе не более 25 человек. Кроме программного обучения, гимназисты могут выбрать спецкурсы, занятия по которым проводятся факультативно. Можно изучать риторику, латынь, искусство, Библию. Обязателен дополнительный иностранный язык: французский или немецкий.

По окончании гимназии (если получишь аттестат без четверок) ты автоматически зачисляешься в университет или институт.

В отличие от дореволюционных гимназий и общеобразовательных школ, форму гимназисты носить не обязаны. Нет у нас и пресловутого педсовета. Он заменен «Судом чести»: по одну сторону в кабинете директора «подсудимый», по другую — три представителя от гимназистов, три — от родителей и преподавателей. Они судьи, если решаются вопросы об исключении из гимназии: с дисциплиной у нас построже. Ну, и, конечно, стимулов хорошо учиться побольше, чем в обычной школе: от результатов учебы зависит вузовское будущее. Заманчиво, правда?

час приема по вечным вопросам

Редакция, я вас умоляю, заберите меня от родителей куда-нибудь, в любой детдом. Я отца с матерью не перевариваю. Особенно мать. За что, спросите? Я терпеть не могу, когда мной командуют, а они попрекают на каждом шагу: отметками в школе, дискотеками, «фирмовой одеждой». Допрашивают, где я лазила, если возвращаюсь позже обычного. Ну какое им до всего этого дело? Вот я проболе-

ла, пропустила занятия, а когда пришла в школу, учителя должны были объяснить все, что пропущено. Нет! Мать заставляет меня самостоятельно разбираться, ломать голову над физикой, алгеброй, геометрией. А разве по учебнику что поймешь? К одноклассникам, чтобы мне помогли, мать не отпускает. Говорит, пусть сами приходят к нам. А кто же ко мне придет, если она постоянно дома?

Сегодня я просилась на день рождения к брату моей подруги — отпустила всего на час. А я задержалась, конечно, до половины восьмого. Так она прибежала туда, наорала, запретила мне к этой подруге ходить. А завтра одного знакомого парня в армию забирают — опять не пустит! Разве это правильно?

У меня и так уже друзей всего четверо осталось — все из-за родителей. Того не делай, этого ни-ни и т. д., и т. п. Сделала модную прическу и макияж — чуть не постригли насильно. Скандал был.

Ну, сколько мне еще так мучиться? Посоветуйте что-нибудь. Иначе я им к ближайшему празднику такой подарочек предоставлю — за многое каяться будут!

Катя, 15 лет,
Волгоградская область

Таких отчаянных писем, за которыми, если вдуматься, никакой трагедии пока нет (если не считать трагедией «Я отца с матерью не перевариваю»), в редакционной почте по-прежнему множество. Традиционное обвинение: родители — узурпаторы, у них вся домашняя власть. Даешь освобождение от маминной тирании!

Но заметим себе: власть-то всего лишь домашняя, ограниченная стенами помещения. Только... родной ли это, в полном смысле, дом или место, куда возвращаются на ночь либо после ночи?

Родной — если согрет пониманием. Понимание — труд, обязательно взаимный. А иногда и долгая дорога, с настоящими трагедиями в пути.

Так понятна тревога Катиной мамы за дочь. Но и Катина позиция объяснима: границы «домашних свобод» определяются знанием жизни. А этих знаний у нее, пока, увы...

Письмо, которое, как нам кажется, могло бы стать ответом Кате, пришло достаточно давно. Его отчаяние, боль, безысходность потрясают. Трудно, хоть и очень хочется, поверить, что у Ксаны переменится к лучшему (к нормальному!) обеспеченная бытовыми благами жизнь. Что же касается Кати... Пусть сравнит свою несвободу с вариантом родительского невмешательства в личную жизнь дочери. Чужой, но все-таки опыт!

Уметь бы нам всем о нем не забывать...

свободы хочу,
свободы!

Как жить, мама?

Когда мне исполнилось 13 лет, родители выделили комнату, купили «Панасоник», обвешали стены коврами и безделушками и — все! Скоро три года, как я сама хозяйка; быть может, это и хорошо, но иногда так хочется, чтобы мама заходила в комнату и говорила об уюте, обо мне, об учебе! Но ей, увы, до меня нет дела. Родители оба кооператоры, работают в Ленинграде, уезжают рано, приезжают поздно. Им все равно, кого я привела в дом: прилюдного пса или мужика. Они только снабжают меня шмотьем, всякими побрякушками и деньгами. Девчонки в классе завидуют. А мне это все так противно! Хочется маминой ласки, папиной заботы. Пью, курю, домой прихожу утром и то

не одна, школу прогуливаю. Отец не замечает (точнее, делает вид), а мать, нет, вы только подумайте, она принесла мне полную сумку каких-то коробочек и сказала: «Возьми, нам некогда за тобой следить, а внуков иметь мне еще рано». Я открыла сумку, а там — презервативы и противозачаточные средства.

Да, я давно не девочка, этого можно было ожидать. Мне всего 16 лет, а я видела столько! И травку курила; был и подвал, где пятеро на одну; был и учитель, который за оценку тянул в постель; был и клуб, где трахают на каждом углу без передышки; была и любовь; был и любимый парень — все было, а что будет дальше?

Знаю, что письмо мое не

опубликуете, грязное оно. Я ведь красивая была (стройная, смуглая, высокая), и парней за мной гонялось... Но я их не замечала, гордая такая. А теперь волосы в пять цветов перекрасила, мажусь по-страшному, по рукам хожу, где уж мне, свинье, о чистом говорить. А парень у меня был! Любили мы друг друга. Я ему сказала, что не девочка, и он простил. Но жалко мне его стало (думаю, найдет себе другую, чистую, верную) — и прогнала.

Теперь одна. Друзья — собака и котенок. Я их на улице подобрала, они меня понимают. Собака скулит, и котенок рядом на коленях. Жить хочется! А как?

Ксана,
поселок Красноармейское

КТО ТЫ БУДЕШЬ ТАКОЙ?

Перед тобой извечная проблема — кем быть! Специалисты из Центра заочного профконсультирования, созданного при культурно-техническом Центре «Парус», берутся помочь тебе ответить на этот нелегкий вопрос.

Наши «старые» подписчики помнят: в 10-м номере журнала за 1990-й год были помещены специальные тесты. Обработав на ЭВМ ответы на вопросы этих тестов, профконсультанты Центра смогли дать рекомендацию по выбору профессии нескольким тысячам читателей. Но, судя по письмам, приходившим в редакцию, в такой помощи по-прежнему есть необходимость. Поэтому мы повторно публикуем тесты и предлагаем **ВСЕМ, КТО ХОЧЕТ ОПРЕДЕЛИТЬ СВОИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СКЛОННОСТИ И ИНТЕРЕСЫ**, воспользоваться услугами специалистов Центра.

Итак, перед вами два теста: «Анкета интересов» академика Е. А. Климова и тест, разработанный сотрудниками НИИ трудового обучения и профессиональной ориентации АПН СССР.

К каждому тесту есть специальное разъяснение, так что, надеемся, больших сложностей при работе над ними у вас не возникает. Но все же кое-что предварительно, на наш взгляд, сказать надо.

Во-первых, как вы понимаете, мы можем делать заключение только исходя из ваших ответов. Стоит вам чуть-чуть слукавить, попытаться выставить себя, что называется, в «лучшем виде», и вероятность попадания в «яблочко» сразу снижается. Поэтому мы

сы в нем намного понятнее, чем название), мы сможем определить, какой тип профессии ты предпочитаешь.

Итак, перед тобой 20 вопросов, соединенных союзом «или». Как ответить? Нужно спросить себя каждый раз: «Нравится мне занятие, о котором говорится в первой части вопроса, или нет?» Если скорее нравится, чем не нравится, — поставь в нужной клетке «Листа ответов» единицу (1). Если определенно нравится — две единицы (1 1), если очень нравится — три единицы (1 1 1). Если скорее не нравится, чем нравится, — один ноль (0), если определенно не нравится — два ноля (0 0), а если очень не нравится — три ноля (0 0 0).

Подобным же образом нужно спросить себя и про занятие, упомянутое во второй половине вопроса. Не забудь, что одну из половинок нужно обязательно предпочесть: в ней должно быть больше единиц или хотя бы меньше нолей, чем в другой.

А теперь к делу!

Предположим, что после соответствующего обучения ты сможешь выполнять любую работу. Но если бы тебе пришлось выбирать **ТОЛЬКО** из **ДВУХ** возможностей, что ты предпочтешь?

16а Делать лабораторные анализы в больнице

17а Красить или расписывать стены помещений, поверхность изделий

18а Организовывать культпоходы, экскурсии, туристические походы

19а Изготавливать по чертежам детали, изделия (машины, одежду), строить здания

20а Вести борьбу с болезнями растений, с вредителями леса, сада

или 16 Обслуживать машины,

в подготовке пьес, концертов

или 9б Искать и исправлять ошибки в текстах, таблицах, рисунках

или 10б Производить вычисления, расчеты

или 11б Конструировать, проектировать новые виды промышленных изделий (машины, одежду, дома, продукты питания и т. п.)

или 12б Разбираться в чертежах, схемах, таблицах (проверять, уточнять, приводить в порядок)

рассчитываем на полную искренность. Хотя, предупреждаем, среди наших вопросов есть и такие, которые позволяют оценить степень искренности отвечающего.

Итак, первое условие — искренность. Во-вторых, отвечайте не задумываясь! Начнете думать, размышлять — обязательно появятся сомнения, не зря говорят, что первое впечатление — самое верное.

Это не значит, что отвечать нужно торопливо. Наоборот, лучше, наверное, растянуть работу над тестами на несколько вечеров. Но на конкретные вопросы, повторяем, лучше отвечать, подчиняясь первому «движению мысли».

Поняли, да? Итак, второе условие — отвечать, отбросив сомнения, не возвращаясь к вопросу, на который уже дали ответ, дважды.

В-третьих, и это очень важно, будьте внимательны и аккуратны. Постарайтесь сделать так, чтобы мы лишь обрабатывали анкеты, а не расшифровывали вашу «клинопись», пользуйтесь лучше всего шариковой ручкой или фломастером.

Итак, третье условие — внимательность и аккуратность.

Ответы (единицы и нули) нужно вносить в таблицы «Листов ответов», а не в текст. «Листы ответов» — на стр. 48.

Ну вот, пожалуй, и весь «инструктаж». А теперь — к делу! Ни пуха, ни пера!

ТЕСТ № 1, ПОЗВОЛЯЮЩИЙ УЗНАТЬ, К КАКОМУ ТИПУ ПРОФЕССИИ ТЫ СКЛОНЕН

Все профессии специалисты делят на пять больших групп: к 1-й относятся профессии типа «человек — природа» (например, лесовод, агроном, биолог), к 2-й — «человек — техника» (например, токарь, фрезеровщик, механизатор, машинист), к 3-й — «человек — человек» (например, педагог, воспитатель, медсестра, приемщик различных ателье), к 4-й — «человек — знаковая система» (например, стенографистка, корректор, полиграфист, оператор ЭВМ, программист), к 5-й — «человек — художественный образ» (например, живописец по росписи фарфора, керамики, огранщик алмазов в бриллианты, ювелир, фотограф, маляр, облицовщик-плиточник, мозаичник).

Обработав твои ответы на вопросы дифференциально-диагностического опросника (не бойся, вопро-

дения (в справочном бюро, на экскурсии)

9а Ремонтировать вещи, изделия, (одежду, технику, жилище)

10а Лечить животных

11а Выводить новые сорта растений

12а Разбирать споры, споры между людьми, убеждать, разьяснять

13а Наблюдать, изучать работу кружков художественной самодеятельности

14а Обслуживать, налаживать медицинские приборы, аппараты

15а Составлять точные описания, отчеты о наблюдаемых явлениях, событиях, измеряемых объектах

1а Ухаживать за животными

2а Помогать больным людям, лечить их

3а Следить за качеством книжных иллюстраций, художественных открыток, грампластинок

4а Обрабатывать материалы (дерево, ткань, металл, пластмассу и т. п.)

5а Обсуждать научно-популярные книги, статьи

6а Вырашивать молодняк (животных какой-либо породы)

7а Копировать рисунки, изображения, настраивать музыкальные инструменты

8а Сообщать, разьяснять людям нужные им све-

приборы (следить, регулировать)

или 2б Составлять таблицы, схемы, программы для вычислительных машин

или 3б Следить за состоянием, развитием растений

или 4б Доводить товары до потребителя (рекламировать, продавать)

или 5б Обсуждать художественные книги, пьесы, концерты

или 6б Тренировать товарищей в выполнении каких-либо действий (трудовых, учебных, спортивных)

или 7б Управлять какими-либо грузовыми (подъемными или транспортными) средствами — трактором, тепловозом и т. д.

или 8б Оформлять выставки, витрины, участвовать

или 13б Наблюдать, изучать жизнь микробов

или 14б Оказывать людям медицинскую помощь

или 15б Художественно описывать, изображать события (наблюдаемые или представляемые)

или 16б Принимать, осматривать больных, беседовать с ними, назначать лечение

или 17б Осуществлять монтаж зданий или сборку машин или приборов

или 18б Играть на сцене, принимать участие в концертах

или 19б Заниматься черчением, копировать чертежи и карты

или 20б Работать на клавишных машинах (пишущей, телетайпе, наборной и т. д.)

КТО ТЫ БУДЕШЬ ТАКОЙ?

ТЕСТ № 2, ПОЗВОЛЯЮЩИЙ ОПРЕДЕЛИТЬ НАИБОЛЕЕ ПОДХОДЯЩУЮ ДЛЯ ТЕБЯ ОБЛАСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Отвечать на эти вопросы несложно. Если ты не раз убеждался, что тебе очень нравится то, о чем идет речь в вопросе, в «Листе ответов» в графе под тем же номером, что и номер вопроса, поставь две единицы (1 1), если просто нравится — одну единицу (1), если не знаешь, сомневаешься — не заполняй, если не нравится — ноль (0), если очень не нравится — два нуля (0 0).

Отвечай на каждый вопрос, не пропуская ни одного. Всюду, где сказано «читать», можно понимать и как «знакомиться» (например, беседа со знающими людьми).

Итак:

Любите ли вы, хотели бы вы, нравится ли вам?

1. Посещать уроки физики.
2. Посещать уроки математики.
3. Посещать уроки химии.
4. Читать книги или статьи по астрономии.
5. Читать об опытах на животных.
6. Читать о жизни и работе врачей.
7. Читать о сельскохозяйственных растениях и животных.
8. Читать о лесе.

41. Путешествовать по стране.
  42. Давать объяснения товарищам, как решить трудную задачу, правильно написать предложение и т. д.
  43. Знакомиться с различными инструментами.
  44. Посещать уроки домоводства.
  45. Узнавать о новых достижениях в области строительства.
  46. Посещать фабрики.
  47. Знакомиться с устройством механизмов, машин.
  48. Читать статьи в научно-популярных журналах о достижениях в области радиотехники.
  49. Разбираться в теории физических явлений.
  50. Решать сложные математические задачи.
  51. Ставить опыты по химии, следить за ходом химических реакций.
  52. Наблюдать за небесными светилами.
  53. Вести наблюдения за растениями.
  54. Делать перевязки, оказывать первую помощь при ушибах и т. д.
  55. Выращивать животных и ухаживать за ними.
  56. Собирать гербарий.
  57. Писать рассказы и стихи.
  58. Наблюдать за поведением и жизнью других людей.
  59. Принимать участие в работе исторического
92. Давать советы знакомым при покупке одежды.
  93. Наблюдать за работой строителя.
  94. Знакомиться со швейным производством.
  95. Делать модели самолетов, планеров, кораблей.
  96. Собирать радиоприемники и электроприборы.
  97. Участвовать в олимпиадах по физике.
  98. Участвовать в математических олимпиадах.
  99. Решать задачи по химии.
  100. Участвовать в работе астрономического кружка.
  101. Проводить опыты на животных.
  102. Изучать функции организма человека и причины возникновения болезней.
  103. Проводить опытную работу с целью выращивания новых сельскохозяйственных культур.
  104. Быть членом общества охраны природы.
  105. Участвовать в диспутах, читательских конференциях.
  106. Анализировать явления и события жизни.
  107. Интересоваться прошлым нашей страны.
  108. Проявлять интерес к теории и истории развития искусства.
  109. Совершать длительные и трудные походы, во время которых приходится напряженно работать по заданной программе.

9. Читать произведения классиков мировой литературы.
10. Читать газеты, журналы, слушать радио, смотреть телепередачи.
11. Посещать уроки истории.
12. Посещать театры, музеи, художественные выставки.
13. Читать литературу о геологических экспедициях.
14. Читать о различных странах, их экономике, государственном устройстве.
15. Организовывать товарищей на выполнение общественной работы и руководить ими.
16. Читать о работе милиции.
17. Читать о морях, летчиках.
18. Читать о работе воспитателя, пионервожатого.
19. Знакомиться с устройством и работой станков.
20. Готовить обеды.
21. Читать о строителях.
22. Заботиться о красоте помещения, в котором учитесь, живете, работаете.
23. Читать о достижениях техники (например, журналы «Техника — молодежи», «Юный техник» и т. д.).
24. Знакомиться с устройством бытовых электро- и радиоприборов.
25. Читать научно-популярную литературу об открытиях в физике.
26. Читать научно-популярную литературу о математике.
27. Узнавать о новых достижениях в области химии (из журналов, радио- и телепередач и т. д.).
28. Смотреть телепередачи о космонавтах.
29. Изучать биологию.
30. Интересоваться причинами и способами лечения болезней.
31. Изучать ботанику.
32. Проводить время в лесу.
33. Читать литературно-критические статьи.
34. Активно участвовать в общественной жизни.
35. Читать книги об исторических событиях.
36. Слушать симфоническую музыку.
37. Узнавать об открытии новых месторождений полезных ископаемых.
38. Узнавать о географических открытиях.
39. Обсуждать текущие дела и события.
40. Устанавливать дисциплину среди сверстников или младших.
41. Читать о жизни и деятельности выдающихся людей.
42. Изучать историю родного края.
43. Изучать историю родной школы.
44. Изучать историю родного села.
45. Изучать историю родного района.
46. Изучать историю родной области.
47. Изучать историю родной страны.
48. Изучать историю родного континента.
49. Изучать историю родного мира.
50. Изучать историю родной планеты.
51. Изучать историю родной вселенной.
52. Изучать историю родной галактики.
53. Изучать историю родной Вселенной.
54. Изучать историю родной Вселенной.
55. Изучать историю родной Вселенной.
56. Изучать историю родной Вселенной.
57. Изучать историю родной Вселенной.
58. Изучать историю родной Вселенной.
59. Изучать историю родной Вселенной.
60. Декламировать, петь в хоре, выступать на сцене.
61. Собирать минералы, интересоваться их происхождением.
62. Изучать природу родного края.
63. Организовывать общественные мероприятия в школе.
64. Подмечать особенности поведения людей.
65. Посещать кружок автолюбителей, обслуживать автомобиль.
66. Проводить время с маленькими детьми (читать им книги, что-нибудь рассказывать, помогать).
67. Изготавливать различные детали и предметы.
68. Организовывать питание во время походов.
69. Бывать на стройках.
70. Шить одежду.
71. Собирать и ремонтировать механизмы велосипедов, швейных машин, часов и т. п.
72. Ремонтировать бытовые электро- и радиоприборы.
73. Заниматься в физическом кружке.
74. Заниматься в математическом кружке.
75. Готовить растворы, взвешивать реактивы.
76. Посещать планетарий.
77. Посещать кружок биологии.
78. Наблюдать за большими, оказывать им помощь.
79. Наблюдать за природой и вести записи наблюдений.
80. Сажать деревья и ухаживать за ними.
81. Работать со словарем и литературными источниками, библиографическими справочниками.
82. Быстро переключаться с одной работы на другую.
83. Выступать с докладами на исторические темы.
84. Играть на музыкальных инструментах, рисовать или резать по дереву.
85. Составлять описание минералов.
86. Участвовать в географических экспедициях.
87. Выступать с сообщениями о международном положении.
88. Помогать работникам милиции.
89. Посещать кружок юных моряков.
90. Выполнять работу пионервожатого.
91. Посещать уроки труда.
92. Изучать историю родной страны.
93. Изучать историю родного континента.
94. Изучать историю родного мира.
95. Изучать историю родной планеты.
96. Изучать историю родной Вселенной.
97. Изучать историю родной Вселенной.
98. Изучать историю родной Вселенной.
99. Изучать историю родной Вселенной.
100. Изучать историю родной Вселенной.
101. Изучать историю родной Вселенной.
102. Изучать историю родной Вселенной.
103. Изучать историю родной Вселенной.
104. Изучать историю родной Вселенной.
105. Изучать историю родной Вселенной.
106. Изучать историю родной Вселенной.
107. Изучать историю родной Вселенной.
108. Изучать историю родной Вселенной.
109. Изучать историю родной Вселенной.
110. Составлять географические карты и собирать другие географические материалы.
111. Изучать политический строй различных стран.
112. Знакомиться с работой юриста.
113. Посещать кружок юных космонавтов.
114. Изучать работу учителя.
115. Бывать на заводах.
116. Оказывать людям различные услуги.
117. Принимать участие в строительных работах.
118. Знакомиться с изготовлением промышленных товаров.
119. Разбираться в технических чертежах и схемах.
120. Пользоваться точными измерительными приборами и производить расчеты по полученным данным.
121. Проводить опыты по физике.
122. Выполнять работы, требующие знания математических правил и формул.
123. Ассистировать преподавателю при проведении опытов по химии.
124. Собирать сведения о других планетах.
125. Читать о деятельности известных биологов.
126. Быть активным членом санитарной дружины.
127. Выполнять работу по уходу за сельскохозяйственными машинами и орудиями труда.
128. Знакомиться с ведением лесного хозяйства.
129. Изучать происхождение слов и словосочетаний.
130. Вести дневник, писать заметки в школьную и другие газеты.
131. Изучать историческое прошлое других стран.
132. Повторно смотреть в театре пьесу.
133. Читать о жизни и деятельности известных геологов.
134. Изучать географию нашей планеты.
135. Изучать биографии выдающихся политических деятелей.
136. Всесторонне оценивать каждый поступок друга, знакомого, литературного героя и т. д.
137. Читать книги о средствах передвижения.
138. Обучать и воспитывать детей.
139. Наблюдать за действиями квалифицированного рабочего.
140. Постоянно общаться со многими людьми.
141. Знакомиться со строительными проектами.
142. Посещать выставки легкой промышленности.
143. Выполнять чертежи механизмов.
144. Разбираться в радиосхемах.

АНКЕТА

ЛИСТ ОТВЕТОВ К ТЕСТУ № 1

Теперь осталось самое простое. Заполни вот эту маленькую анкету.

1. Фамилия _____ Имя _____
2. Возраст _____
3. Чем занимаешься (школьник, учащийся ПТУ, студент, рабочий) _____
4. Есть ли занятия, предметы (учебные), работы, которые тебе нравятся? (Рисовать, шить, сочинять, читать литературу по какой-то определенной теме, играть на муз. инструментах, заниматься в каких-либо кружках, мастерить и т. д.). Назови их. _____
5. Какие профессии, о которых ты знаешь более или менее конкретно, тебе нравятся? _____
6. Твой домашний адрес (с индексом) _____

Вот теперь все. Вырежь страничку с «Листами ответов» и «Анкетой», положи в конверт, туда же вложи чистый конверт, на котором напиши свой адрес, и отправь по адресу: 220600, г. Минск, ул. Короля, 12, Центр заочного профконсультирования «Парус». (Если кто-то из твоих знакомых, не выписывающих «Парус», захочет узнать о своих профессиональных склонностях, пусть перерисует «Листы ответов» и «Анкету», внесет в них свои варианты ответов и пришлет нам).

В этот же конверт нужно вложить **КВИТАНЦИЮ ОБ УПЛАТЕ ЧЕТЫРЕХ РУБЛЕЙ.** Эту сумму тебе нужно перевести в ближайшем сбербанке на расчетный счет № 609683 в Московском отделении Жилсоцбанка г. Минска.

После обработки твоих ответов мы вышлем тебе наше заключение и рекомендации.

I	II	III	IV	V
1a	16	2a	26	3a
36	4a	46	5a	56
6a	—	66	—	7a
—	76	8a	—	86
—	9a	—	96	—
10a	—	—	106	—
11a	116	12a	126	13a
136	14a	146	15a	156
16a	—	166	—	17a
—	176	18a	—	186
—	19a	—	196	—
20a	—	—	206	—

ЛИСТ ОТВЕТОВ

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XIV
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48
49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72
73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96
97	98	99	100	101	102	103	104	105	106	107	108	109	110	111	112	113	114	115	116	117	118	119	120
121	122	123	124	125	126	127	128	129	130	131	132	133	134	135	136	137	138	139	140	141	142	143	144

ВСЕСОЮЗНЫЙ КУЛЬТУРНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ЦЕНТР «ПАРУС» — надежный товарищ для тех, кто сегодня стоит на пороге самостоятельной жизни.

МЫ ПОМОЖЕМ ЛЮБОМУ ИЗ ВАС:

- выбрать самую подходящую профессию;
- найти друзей по переписке;
- получить консультацию по интимным проблемам.

НЕ ЗАБУДЬТЕ РАЗБОРЧИВО УКАЗАТЬ НА КОНВЕРТЕ НАЗВАНИЕ ВЫБРАННОЙ ВАМИ ПРОГРАММЫ!

ПРОГРАММА «НОВЫЙ ДРУГ»

Чтобы в течение месяца получить около 10 адресов для переписки, вам надо:

1. Указать в письме нам имена друзей.
2. Такие же сведения сообщить о себе с вашим будущим другом.
3. Подчеркнуть, какие именно увлечения у вас совпадают. Электронно-вычислительная машина по перечисленным данным подберет подходящие адреса. Ваши сведения будут храниться в памяти ЭВМ несколько месяцев и высылаются тем, чьи интересы и увлечения близки вам.

ПРОГРАММА «ПРОФЕССИЯ»

Расчетный счет № 609683 Московского отделения Жилсоцбанка г.р. Минска.

Расчетный счет № 609683 Московского отделения Жилсоцбанка г.р. Минска.

Расчетный счет № 609683 Московского отделения Жилсоцбанка г.р. Минска.

Расчетный счет № 609683 Московского отделения Жилсоцбанка г.р. Минска.

Расчетный счет № 609683 Московского отделения Жилсоцбанка г.р. Минска.

Расчетный счет № 609683 Московского отделения Жилсоцбанка г.р. Минска.

Расчетный счет № 609683 Московского отделения Жилсоцбанка г.р. Минска.

Чтобы воспользоваться услугами ЦЕНТРА, вы должны перечислить 3 (три) рубля на расчетный счет № 609683 Московского отделения Жилсоцбанка г. Минска. Квитанцию, письмо о своих проблемах и трудностях, а также конверт с обратным адресом [для пересылки ответа] отправляйте нам: 220600, г. Минск, ул. Короля, 12, ВКЦ «Парус».

ПРОГРАММА «ОТКРОВЕНИЕ»
Опытные врачи-гинекологи и ученые-медики помогут вам разобраться в ваших проблемах. Мы знаем, как помочь вам, если вас волнуют: близкий контакт, роды, аборт, венерические заболевания, физиологические особенности половой жизни. Мы знаем, как помочь вам, если вас волнуют: низкая фертильность, проблемы с зачатием, проблемы с беременностью, СПИД, левания, СПИД, проблемы с предохранением от беременности, проблемы с сексуальными отношениями и другие проблемы — неурядицы в сексуальных отношениях, зачаточные таблетки, назавания и особенности действия противозачаточных таблеток, проблемы с сексуальными отношениями и другие проблемы.

авторский лист

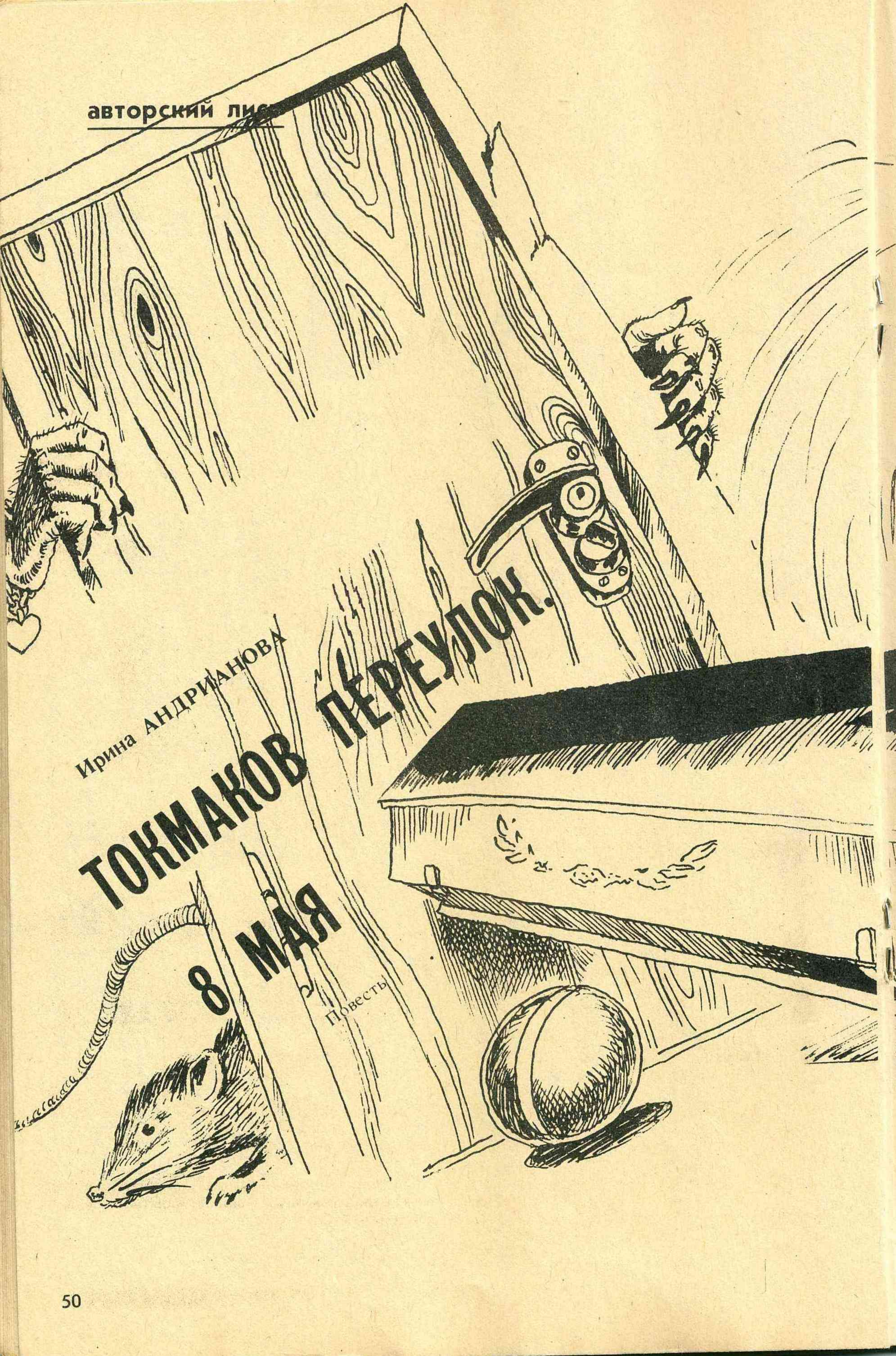
Ирина АНДРИАНОВА

ТОКМАКОВ

8 МАЯ

ПЕРЕУЛОК.

Повесть

Чуня был не мужественным и не красивым, а лысоватым, мягким, неспортивным, с дряблыми мышцами и потными подмышками. Он не засыпал ее цветами и не одаривал подарками, а напоил добросовестно портвейном, от которого остро, гнусно жгло под ложечкой. И она не убегала по шелковистой траве, а захмелевшая, плохо владеющая собой повалилась на давно не стиранное постельное белье, в неприбранную сто лет постель.

Никаких эмоций, только легкая боль вначале и забытье от выпитого вина... Забытье и боль, терпимая, зубная какая-то боль.

(Окончание. Начало в № 4)

Еще Эльза через пьяное свое безразличие слышала, как возится и поскуливает в прихожей бестолковый пес Эдик. Раза два он подбегал к Эльзиной комнате, скреб в дверь лапой, прислушивался, взвизгивал и снова возвращался в прихожую — к незнакомым ему ботинкам, сумкам, старому материному зонту, похожему на трость волшебницы...

Через час Чуня ушел со своим рыжим Эдиком, Эльза лежала в грязной постели и смотрела за окно на мутный серый снег, валяющийся с вечерних небес. Потом свернулась калачиком и заснула. Равнодушно, тихо и пьяно.

...На следующее утро, когда Эльза собиралась в школу, с тяжелой головой, мрачными воспоминаниями, Чуня позвонил как ни в чем не бывало:

— Привет, мать! Головка бо-бо?

— Привет, — вяло ответила Эльза. — А твои денежки тю-тю?

— Какие там денежки?! Чирик! Выйдешь сегодня в парк-то? Я «Винстон» раздобыл.

Эльзе было и противно, и легко с ним разговаривать. Противно потому, что Чуня вчера, по сути дела, подло, мелко обманул ее, рассчитанно и ловко воспользовался ее беспомощностью; легко потому, что Чуня — вот такой легкий человек, ни из чего не делал трагедии, все с прибауточкой, подхохотываньем.

— Если очень попросишь, выйду, — буркнула Эльза.

— Очень, очень прошу, хорошая моя. Ты же знаешь, как я к тебе привык за последнее время. Рыбулечка-красотулечка.

Эльза повесила трубку и поплелась в школу. Там царила обычная беготня в тесных коридорах, суэта, давно опротивевшие серые уроки. Как назло, ее вызвала к доске физичка, устроила «бомс», поставила «банан». «Почему ты не выполняешь домашнее задание? Чем ты занимаешься вечерами?! Я поговорю с твоим отцом! Перед выпускными экзаменами ходишь в школу лишь для того, чтобы просиживать юбку!».

Физичка ждала Эльзино бурное раскаяние, а та стояла совершенно спокойно, с непроницаемым лицом; Зоя на допросе — да и только... Какой отец? Какие вечера? Какое дело физичке до ее вечеров? Банан так банан. Не все ли равно?

Еще Эльзе казалось в тот день, что все видят произошедшую в ней перемену и тихо, за спиной, с затаенным жаром обсуждают. Эльза прищуривала глаза, сжимала губы, разворачивала плечи и независимо шагала по школьным коридорам. Вчерашнее — ее личное дело, слышите, вы, чмошники, лич-но-е.

На уроках она ничего не слышала, а смотрела в окно и думала, думала: «Прийти в парк? Или не прийти? Прийти или нет?».

Все же в глубине души ей было обидно, что вчерашнее произошло с Чуней. Вот бы это был Черт! Отношениями с Чертом можно было гордиться... Но как далеко все это теперь, детские игры в солдатиков — Черт, их команда, которая саморазрушилась, развалилась, их

беспощадная погоня за Чертом. Они все-таки настигли его в городе, в сентябре, как он ни бегал, ни прыгал, избили элементарно, прическу попортили и разошлись. А потом и не виделись. Так, иногда перезванивались от нечего делать, но это уже было не то. Эльзу больше не тянуло в команду, Черта же там не было. Что с ним теперь? Где он? Наверное, ходит по репетиторам; его усиленно натаскивают для поступления в вуз, готовят безбедное будущее, престижное местечко в какой-нибудь непыльной конторе...

Вечером она вышла в парк и тут же наткнулась на Чуню.

— Привет, мать! — радостно заорал он, — Сделаем пару кружочков?

И она покорно поплелась за ним по мартовским хлопающим дорожкам, куря одну за одной импортные сигареты и слушая безостановочную Чунину болтовню.

Прошел март, половина апреля.

Несколько раз они приходили к Эльзе домой и наскоро, выпив бутылку вина, принесенную добросовестным Чуней, ложились в постель. А в двадцатых числах апреля Эльза почувствовала, что с ней происходит неладное. Ее начало тошнить по утрам, ни с того, ни с сего кружилась голова, она вдруг страшно хотела есть — и ела, как корова, круглые сутки. Не пришли и месячные.

— Слушай, Чунь, — однажды сказала Эльза в вечернем парке. — Я, кажется, залетела.

— Ну ты даешь, мать! Так скоро! Я думал, пронесет! — радостно завопил он. — Не бойсь, абортарий сделаем, будешь, как новая!

Он все воспринимал легко, просто. Ее раздражал и смешил одновременно его беззаботный настрой. Раньше она бы отшила его в два счета, этого лысеющего прилипалу, а сейчас совершенно безразлично — с кем она ходит, кто дает бесплатные сигареты, кто болтает ей бесконечные дурацкие анекдоты. После истории с командой, погони за Чертом и после распада команды сердце ее охватила гложащая тайная хандра: будь что будет, наплевать.

Чуня нашел ей медсестру Свету, работающую в городской гинекологической больнице. Та встретила Эльзу в приемном отделении, скороговоркой сказала:

— Значит, так, ты — моя двоюродная сестра. Если подтвердится беременность, аборт стоит пятьдесят рублей. Чистые носки принесла?

Эльза уныло кивнула, разделась за ширмой, в приемное отделение вбежала замученная, тощая врачиха, приказала:

— На кресло, быстренько! У меня наверху — два кровотечения!

Диагноз подтвердился через минуту: восемь недель беременности.

— Ну, что будем делать? — спросила врачиха. — Оставлять?

— Вера Павловна, аборт, — подсказала медсестра. — Уж помогите сестричке, глупенькая она...

— Хорошо... Приходи через три дня. У меня

будет окно, с двенадцати до часу. Вычищу. С собой нужно взять...

— Я расскажу, расскажу, — перебила врачиху медсестра.

Когда Эльза в тот же день, вечером, на привычной прогулке в парке, сообщила Чуне, что врачиха подтвердила беременность, он хмыкнул и сказал примирительно:

— Ну, мать, не ты первая, не ты последняя.

— А где полтинник достать?

— Наскребем.

Чуня для верности побренчал мелочью в кармане. Потом спросил:

— Отец сегодня дома?

— Не-е.

— Пойдем?

— Зачем?

— Ну, как зачем? Теперь-то уж все равно.

Чуня довольно захихикал.

Эльза хотела послать его куда подальше, но в одно мгновение ее осенило: надо с Чуней общаться ласково, предупредительно: она от него полностью зависит — от его переговоров с медсестрой Светой, от добытого им полтинника. С нынешнего дня они в одной связке, как альпинисты.

И покорно согласилась:

— Пойдем.

Он давно перестал церемониться в ее доме. Последнее время не приносил ни бутылок с дешевым, тяжело бьющим в голову вином, ни импортных сигарет. Уже недели две предлагал «Яву» с прибауткой:

— На-ка тебе «Явку» на халявку.

И, придя в квартиру, не разводил сантиментов, просто облапывал в прихожей, как только за ними щелкал замок двери, слюняво целовался, расстегивал Эльзины джинсы и волок как есть — в куртке, кроссовках, пуловере — на тахту. Там они уже кое-как разоблачались: Эльза, методично расстегивая пуговицы и крючки; Чуня, рывками срывая одежду, изображая страстного мужчину.

По-прежнему никакой радости и счастья Эльза от их близости не испытывала. Один и тот же глухой, заунывный вопрос, как далекий колокол, бился в ее голове: «Разве это я? Разве это я?»

Зато Чуня был доволен безмерно. Последнее время, одеваясь, он сам себя похваливал:

— Какой я у тебя мусчина. А? Какой у тебя клевый мусчина!

Он зачем-то нарочно повторял не «мужчина», а «мусчина». Эльзу тошнило от его ужимок, шуток, лысины, одутловатого тела, суетливых движений. Она тоскливо смотрела на его руки — толстые пальцы, коротко обстриженные ногти.

Сегодня, когда он, сделав свое петушиное дело, одевался, она постаралась весело спросить:

— Так ты перезвонишь еще раз Свете, Чуня? Чтобы не сорвалось?

— А как же... Как же...

Он довольно усмехнулся.

— Друзья познаются в бидэ, девочка моя.

Эльза через силу засмеялась. Он нагнулся к ней:

— А ты не разлюбишь своего Чуньку? Ладно, карамелечка?

— Конечно, конечно. (Да! да!).

— Ты только поактивней будь в следующий раз... Двигайся, когда мы... поэнергичней... Обнимай, целуй крепче, когда я... Мы с тобой...

— Конечно, конечно. (Козел старый!). Я же, Чуня, не виновата, я же устаю, как всякая трудящаяся советская женщина: кто-то на работе наламывается, я — в школе...

— Ясно. Ладно... Вот в мае, когда абортарий сделают, двинем в одно место, на дачу. Отдохнешь, карамелечка. Развеешься.

Чуня присел на край тахты и начал строить планы: как это у них все будет на даче. Что они станут есть, пить, куда пойдут, что и как будут делать. Глазки его заблестели, он своими мясистыми пальчиками начал поглаживать Эльзу по груди, животу. (Когда ты смоешься, гад?!).

— Ох, люблю я молоденьких девочек, — вдруг признался он.

— И многих ты любил?! — нарочно ревниво округлила глаза Эльза. (Скольких ты нас попортил, козел?!).

— У меня еще все впереди, карамелечка. Вас много. Вы все тоже хотите настоящего мужчину попробовать.

(И не стесняется, гад. Я у него — очередная подстилка. Так бы и задушила, загрызла, впилась бы в мясистую шею твою зубами, всеми зубами).

— А полтинник? — вернула Чуню на землю Эльза.

— Не бойсь. Все будет о'кей.

Когда за Чуней наконец-то захлопнулась дверь, Эльза долгим взглядом посмотрела в темное апрельское окно. Ее подташнивало, сосало под ложечкой. Она лежала, положив руки на живот, и будто искала спасения у городского неба, у его темнеющих глубин. Как же Эльзе было худо. Кто бы знал.

Вечером она попыталась поднять с одного бока платяной шкаф. Слышала, что от тяжести бывает выкидыш, но не помогло.

Эльза стояла под горячим душем и глотала слезы.

А на завтра Чуня исчез. Он не позвонил ей утром, как обычно, не явился в парк на вечерний променад. Эльза гуляла в одиночестве уже добрых два часа, продрогла до костей, то и дело стреляя у прохожих пацанов сигареты. Телефона Чуня она не знала. Обрюхатил, сволочь, и концы в воду, полтинник кто будет доставать — Пушкин?

Не появился Чуня и на следующее утро. В школе Эльза, как всегда, думала о своих проблемах: что ей делать? Как быть?

И придумала.

Ей нужны деньги — пятьдесят рублей. Так она их возьмет у тети Вали. И после уроков, не переодеваясь, в синем, лысенком на рукавах костюмчике, в серой блузке, с сумкой через плечо поехала на другой конец города.

К счастью, тетя Валя была дома.

— Надо же, как ты меня застала, — удивилась тетя Валя. — А я приболела сегодня, ушла с работы пораньше. Отпросилась... Ну, как твои дела, отличница?

— Нормально, — буркнула Эльза. — Теть Валь, что у тебя поесть?

— Хочешь, блинов напеку?

— Не надо.

— Ну, тогда — обычный обед.

Тетя Валя накрыла стол: прозрачные праздничные тарелки из тонкого фаянса, мельхиоровые изящные ложки и вилки, кружевная соломенная хлебница. И все так чистенько, вылизано, то и дело тетя Валя стирала из-под Эльзиного локтя с клеенки невидимые пылинки.

Обед состоял из куриного супа, рыночных помидоров с зеленью, ароматного, горкой на тарелке, риса и сочного куска мяса. «Наверное, тоже с рынка», — подумала Эльза, вгрызаясь в аппетитный кусок.

К чаю тетя Валя извлекла из своих неиссякаемых в любое время года запасов баночку клубничного варенья и остатки позавчерашней давности торта.

— Ну-с, теперь рассказывай тетке, как живешь-можешь?

— Нормально, — повторила, как и час назад, Эльза. — Теть Валь, а я к тебе — по крупному делу.

— Да? — Тетя Валя округлила глаза. Она не любила внезапных, ошарашивающих сообщений.

— У меня скоро — выпускной вечер, через два месяца. Сказали десятку сдать на праздничный стол. И еще мне позарез нужны сорок рублей на платье! — выпалила Эльза, смеясь.

— Десять? Сорок?

— В общем, мне нужно пятьдесят рублей. Я тебе отдам, тетя Валь. Отец получит, и я отдам, тетя Валь.

— Хорошо, я дам десять рублей. На этот... праздничный стол. А с платьем — потом.

— Теть Валь, я ткань приглядела. Ведь расхватают. И с матерью подруги уже договорилась — она и сошьет, и раскроит.

— У меня нет пятидесяти рублей, девочка, сию минуту, — возразила тетя Валя. — Приглядишь другую ткань, попозже.

— Я у тебя никогда и ничего не просила в жизни, — членораздельно процедила Эльза: глаза ее стали похожими на рысьи. — И ты мне никогда и ничего не предлагала — в помощь, по-родственному. А могла бы... Так вот, сегодня я прошу пятьдесят рублей. С возвратом. Сегодня. Больше никогда не буду просить.

— Я... ты... как можно... — тетя Валя не ожидала услышать от Эльзы правду-матку, да еще произнесенную как приговор. — У меня нет...

— Есть. Показать?

Эльза встала из-за стола, подошла к шкафу с посудой, открыла дверцу и, приподняв крышку розовой сахарницы, вытянула на свет аккуратно сложенные бумажные деньги.

— Вот. Я отсчитываю пятьдесят. Остальные кладу на место.

Эльза сунула в карман школьной куртки две фиолетовые бумажки.

— Как ты смеешь... Как... Я тебе запрещаю! — взвизгнула тетя Валя. — Девчонка! Хулиганка!

Эльза подхватила сумку:

— Через две недели я верну. Честное слово хулиганки.

И аккуратно закрыла за собой входную дверь.

Настроение у Эльзы было гадостное. Все ее бросили, всем на нее наплевать, родная тетка — родная кровь, оказалась крохоборкой. А почему оказалась? Всегда была — любила шикануть в праздники, в будни же, носа не казалась, а именно в будни нужны человеку тепло и внимание.

Может, потому тетка и не вышла замуж, чистоплюйка, пугливая старая дева? Жила в рамочках придуманных, дурацких, денежки в сахарницу складывала, из сахарницы тащила в клюве на сберкнижку, пылинки стирала тщательно с глянцевого, чистойшей клеенки — широты в ней не было, человеческой, искренней — и осталась одна?

Мать говорила — во всем виновата война. Мать всю жизнь находила глобальные ответы на мелкие бытовые вопросы.

...Через день Эльза явилась в больницу. Довольно быстро нашла медсестру Свету. Та по-деловому спросила:

— Бабки с собой?

— Естественно.

— Давай.

Медсестра оттопырила карман халата, отвернулась, Эльза бросила туда тетявалины бумажки.

— Сейчас в палате койку покажу. После аборта сутки полежишь там, чтобы все было тип-топ, без кровотечений — и гуляй на все четыре стороны.

В палате, рядом с операционной, на нее уставились семь пар глаз. Эльза была здесь восьмой.

— Жди, вызову, — буркнула медсестра и исчезла за дверью.

Эльза плюхнулась на пустую кровать.

— Заплатила? — спросила ее тут же светловолосая женщина слева.

Эльза промолчала.

— Готовься, — посоветовала та же женщина. — Брилась?

— Чего вам надо? — отрезала Эльза.

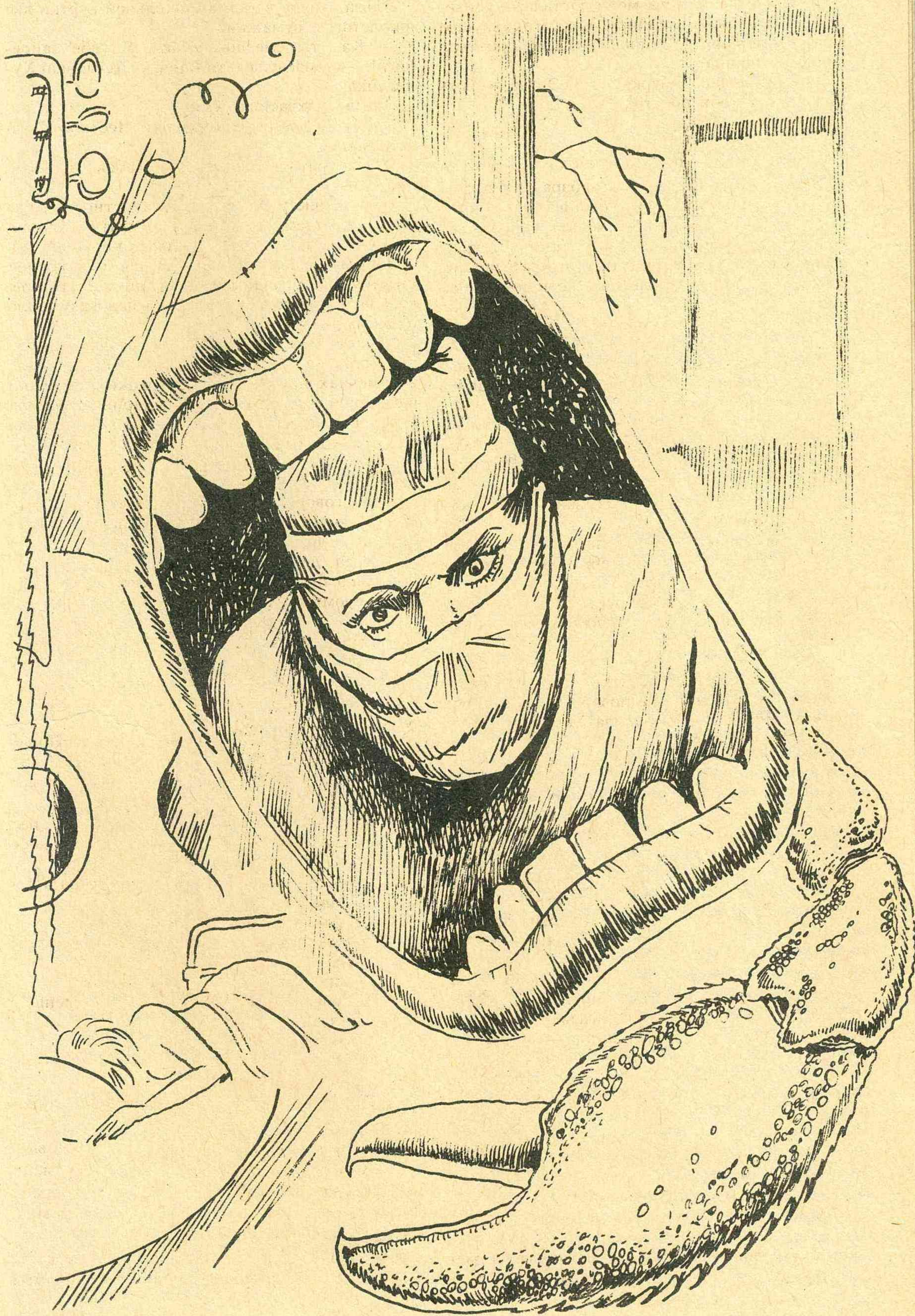
— Труссы-то хоть сними, абортница, — не унималась светловолосая.

— Там снимут, — охотно поддержала животрепещущую тему соседка напротив, с круглыми птичьими глазками, острым восковым носиком. — Сергей Палыч, завотделением, и снимает. Иду я, бабы, сегодня после завтрака по коридору, а он навстречу, и говорит мне: «Камлюкова, покажи выделения».

— Обалдел, идиот, — сформулировала светловолосая. — В коридоре, поди, практиканты были, целый гурт?

— Ну. Как на параде. Пятнадцать человек.

И два чьих-то мужа, — с готовностью уточнила детали носатенькая.

— Камлюкова, тебя с наркозом драли? — спросили из угла.

— Не-е. Гады. Орала. Все помню.

— Они блатных только с наркозом дерут. За денежки. Если б я, девки, знала, я бы сотню им отвалила, полторы, — прошелестело из угла. — Фашисты. Сергей Палыч первый фашист. Садист.

— Нет, бабы, Сергей — нормальный мужик, — изрекла светловолосая соседка. — Это во всем система виновата. Нет контрацептивных средств, каждая вторая баба залетает, а наркозу на всех в стране нету, вот и дерут нас — по-живому. Чтоб сильнее помнили, где живем.

— Советская баба все вытерпит. Она не животное, — подытожила остроносенькая.

Эльза втянула голову в плечи. Руки ее похолодели, под ложечкой засосало. Она вдруг живо представила, как ее будут чистить без наркоза. Ни с того, ни с сего Эльза начала стягивать трусы. Палата на нее снова коллективно уставилась.

— Ды мы пошутили, девка, — сказала носатенькая. — Ты лучше халат надень, тапки, клеенку постели под простынь.

Эльза все беспрекословно выполнила.

Дверь открылась. Медсестра Света махнула рукой:

— Давай.

— Ну, ни пуха, — сказала носатенькая.

— Как тебя зовут-то? — спросила в спину Эльзе светловолосая соседка.

Эльза сглотнула ком, поняла, что от страха не промолвить ей ни слова, беспомощно оглянулась и бессмысленно улыбнулась высокому больничному окну.

В операционной ее привязали за руки и за ноги к коротенькому креслицу, на которое она минуту назад, недоумевая, взбиралась (как можно на таком уместиться?); к ее раздвинутым ногам подошла врачиха в марлевой повязке, на ходу натягивая резиновые перчатки; в изголовье встала медсестра Света, сбоку еще одна, бренчащая инструментами; врачиха нервно и сильно вставила Эльзе в промежность инструмент-зеркало, сказала: «Доигралась, красавица», медсестра Света прижала к ее лицу резиновую маску — слабое дуновение чего-то неясного лизнуло Эльзины нос и губы; «Дыши, дыши, глубже, а то будет больно», — сказала Света. «Хватит с нее двух атмосфер», — резко приказала врачиха; Света возразила: «Но она...» — «Хватит, наука нужна», — и начала драть. Она рвала бесстрастным железом Эльзино нутро; Эльза чувствовала все ее движения до единого и орала, орала щенячьим голосом: «Мама, мамочка, а, а, а!!! Что вы со мной делаете! Сволочи! А-а! Дайте наркозу!» — «В следующий раз будешь умнее, не будешь заниматься половой жизнью в раннем возрасте», — методично, учительским голосом говорила врачиха и на каждое слово делала глубокий скребок. Эльза чувствовала, что у нее

внутри огромный, кожаный, кровавый мешок, что из этого мешка вырывают живое мясо; что теперь она сама — бесформенное мясо с орущим горлом: «Света! Светочка! Миленькая!!! Пожалей меня-а!! Наркозу!! Я еще заплачу!!! Я тебе еще дам!!!» — «Что она говорит?» — удивилась врачиха, а сама драла, драла, драла; «От наркоза поплыла, наверное», — бесстрастно предположила вторая сестра с инструментами; Эльза хотела отбросить от себя ногами эту сучью врачиху, напряглась, но ремни намертво держали ее лодыжки, и она почувствовала, как слабы ее ноги; «А-а! — орала Эльза. — Фашистка, мама, мамочка, помоги мне, родненькая!!!»; — «Мать тебя за такие дела дома отхлещет, не будешь рано жить с мужчинами», — продолжала наставлять врачиха и на каждое слово рвала, рвала Эльзину плоть... Эльза начала проваливаться в кровавый, вертящийся туман; «Лучше умереть», — думала она вяло; «Две атмосферы! Две атмосферы!!! — командовала пронзительно врачиха. — Сестра Питашова, кому я сказала? Она выдержит... Не бойтесь за свою... сестричку... Две атмосферы!»; Эльза вдруг быстро, внезапно ушла в свой спасительный кровавый туман, в блаженное небытие, последнее, что она подумала, было странное, неизвестно откуда взявшееся в ее слабо уже мерцающем сознании слово: «Господи».

... Очнулась Эльза в палате. Распластанная, растерзанная, уничтоженная лежала она на кровати, невероятная тяжесть вдавливала ее в тощий матрац. Клеенка под простыней холодила спину, на животе лежало что-то твердое, холодное. Эльза подняла руку и положила ее на твердый холод.

— Не тронь, лед, — сказала носатенькая, лежавшая напротив. — Очнулась, с прибытием.

— Сколько... времени... прошло? — разлепила тяжелые, ватные губы Эльза. Наверное, вечность терзала ее врачиха на карликовом кресле.

— Да минут пятнадцать... Как у всех... Здесь у медперсонала руки набиты, заправски чистят, — охотно сообщила остроносенькая. — Ой, девка, что это у тебя морда шибко красная?

Кто-то в палате зашевелился, с хрустом потянулся:

— Пойду, что ли, из холодильника свое возьму, через час обед, пора подкрепиться.

— И дежурную сестру позови. Погляди — у нее жар, наверное. Выскоблят и бросают, как тряпку.

Пришла дежурная сестра, поставила градусник:

— Это ты, красавица, Веру Павловну обматерила? — спросила она Эльзу.

— Не помню, — прохрипела Эльза.

— Все вы ничего не помните. А Вера Павловна — великолепный врач, от бога. Сейчас сидит, в себя прийти не может. Сплошные с вами психические травмы.

— Пусть наркозу дают побольше твои великолепные, — примирительно сказала носатенькая.

— Камлюкова, вечно ты к каждой бочке затычка. Нет наркозу. Терпите, раз нагуляли,— строго ответила медсестра Камлюковой, годящейся ей в матери.

— Да терпим, терпим. Все терпим. И то, что таблеток нет, вот мне гормоны должны давать от миомы, и уже два дня перерыв. И то, что на все отделение один туалет. А нас здесь, на этаже, между прочим, сорок душ. Токсикозная из второй палаты из туалета не вылезает, рвет ее с утра до ночи, а остальным что делать — в газетку, как кошкам, ходить? Туалет-то тоже один. Ванна, опять же,— единственная, и по часам ее вы открываете...

— Камлюкова! — попыталась оборвать обвинительный монолог медсестры. — Ты что, революцию у нас в больнице задумала произвести? Не выйдет.

— Что Камлюкова? Вот тебя, милая, чистили когда? А-а... Если чистили, то как свою, родненькую, нежно да с обезболиванием. А мы что — не люди?

Медсестра вытащила из тяжелой, бесформенной Эльзы градусник и побежала в коридор.

Оказалось, у Эльзы температура поднялась под сорок.

Ее начали колоть через каждые четыре часа, совать таблетки, ставить горчичники: вся палата молча наблюдала за этими спасительными мерами.

— Полежишь, голубка, у нас неделю. Реакция на аборт — неадекватная, подлечиться теперь надо,— внушала Эльзе дежурный врач, стоя рядом, отсчитывая пульс. — Какой у тебя телефон? Позвоню родителям, сообщу.

— У нас... нет... телефона,— нашлась измученная Эльза. — Не надо звонить.

— Как не надо? Ты же хочешь детей в будущем? Поэтому надо подлечиться.

— Ничего... я не хочу,— прошелестела Эльза и закрыла глаза. Ее кровавый спасительный туман давно стал голубым, прохладным, он затягивал в сон, баюкал, кружил, ласково мотал из стороны в сторону. Последнее, что она услышала, был резкий врачихин голос:

— Девочки, узнайте ее телефон. Она — серьезная больная.

Проснулась Эльза уже в сумерки. Жар отпустил ее, она лежала легкая, слабая, звонкая, будто вылущенный гороховый стручок. В палате недавно отужинали и забавлялись разговорами. Одна за другой тянулись истории о мужчинах, о ненавистной, постылой жизни, магазинных очередях, суете и спешке; о том, как кто подзалетел, от кого и при каких обстоятельствах. Камлюкова оказалась старожилом палаты — пребывала на лечении уже три недели, знала тут все порядки, перевидала многих женщин и со вкусом рассказывала чужие истории.

— Тут одна тоже поступила, в жару вся, как эта, новенькая. Ночью мы ей всю постель меняли — простыню, пододеяльник, наволочку: все от пота мокрое. Я у дежурной сестры украдала ночнушку. Беременность у той, с жаром, была тринадцать недель. Так вот, утром

приходит ее свекровь, видит, что невестка спеклась вся, и подняла колокольный звон. «Делайте что-нибудь!» — говорит врачам. Те говорят: «Аборт не можем, преступление уже — тринадцать недель». Свекровь орет: «Что ж, она у вас на глазах скончается?» Сергей Павлович согласился: «Ну, ладно, идем, посмотрим». Положили ее в смотровой на кресло. Только начали смотреть, а плод-то и вывалился.

— Ну и что? — удивилась светловолосая. — Сплошь и рядом такие случаи.

— А то, что плод вывалился без головки... Врачи ну на нее орать: «Ты сама себе криминальный аборт сделала! Преступница! Сейчас почистим, если головку не найдем, пригласим милицию. За такие дела под суд тебя отдадим». Почистили. Наркоз, правда, не давали — зачем преступнице наркоз? Головку нашли. Девка потом всю ночь рыдала, так они ее, сволочи, унизили.

— Да-а,— протянула светловолосая. — Зачем я сюда попала?

— Между прочим, она лежала на твоём месте,— сообщила последнюю деталь Камлюкова светловолосой.

За длинный вечер Эльза выслушала с десятков подобных историй. Жить не хотелось от всего больничного букета.

Ночью Эльза не спала. Она вдруг остро, сильно пожалела себя, представив песчинкой в океане жизни. Взгляд ее скользил по бледным больничным стенам, задерживаясь на слабом, светлом пятне окна, тащился дальше — по койкам соседок, их заваленным продуктами тумбочкам. В углу капала вода из крана в старый умывальник, слепо тарасилось в ночь зеркало над умывальником. Где-то за дверью, в глубине коридора, начались далекие, страшные стоны. Они возникали через равные промежутки времени. «Боже, что это?» — подумала тоскливо, с отвращением Эльза. Грохнула дверь, зеленый коридорный свет вполз в палату:

— Камлюкова, Сибирцева, Мухамедова — на уколы! — громко объявила медсестра.

Проснулись, заворочались все, светловолосая соседка налила себе из термоса ароматный напиток («Может, шиповник?» — предположила Эльза), выглотала его и повернулась на другой бок.

Вернулись с уколов.

— В девятой палате одна пятимесячного рождает. Ночью привезли,— тут же шепотом сообщила словоохотливая Камлюкова. «Вот откуда эти стоны», — подумала Эльза.

Палата снова погрузилась в сон.

«Какая у меня жизнь... Мать... Отец со своими синеглазками. Похотливый Чуня. Отрезать бы ему причиндалы бараньими ножницами, как пытались Распутину. Вот кто заслужил. Гад, мерзость... А тетя Валя... Что эта врачиха говорила — может не быть больше детей?... Какое мне дело до короедов... Не хочу... Ничего не хочу... Господи, господи...».

Эльза повторяла про себя облегчающее,

целительное слово, принесшее ей днем, под врачихиной садистской пыткой, желанное забытье. «Господи».

Непонятная, необъятная тоска сжала ее черствое сердце, помассировала в мощных беспощадных лапах. Эльзе захотелось, не таясь, стонать от накатившей тоски, боли и горя. От жалости к себе, непутевой, обреченной на муки девчонке. От того, что ее грубо, зло, равнодушно расковыряли, будто булку с изюмом; выбросили живую плоть на помойку; от того, что останется она теперь одна-одинешенька на всем свете. Уж врачиха постаралась на славу.

В предрассветных сумерках она вспомнила мать и ее разговоры о своем рождении. Мать нежно румянилась, рассказывая о тех удивительных днях.

Эльза была у них с отцом поздним ребенком, настолько поздним, что они ее ждать перестали. Отцу в год ее рождения было пятьдесят два года, а матери — сорок четыре. Но пришло их запоздавшее счастье: мать решилась, узнав, что беременна, весь срок лежала на сохранении. Это ей стоило увольнения с работы и декретных денег. После рождения ненаглядной девочки их семья вела полуголодное существование, отец работал за троих — и в театре, и в ресторанах. Наверное, с тех самых пор начались регулярно сбои в жизни отца: он время от времени любил выпить с друзьями, поздно возвращаясь домой, деньги из семьи утекали. Это уже на памяти Эльзы. Мать корила отца безнадежно, незло, и он огрызался. В общем, детство Эльзы окрашено в сиреневые тона родительских скандальчиков, гитарные переливы и запахи воскресных маминых блинов: что бы ни случилось, всегда мать в час дружбы или минуту отчуждения жарила свои фирменные блины — тонкие, тающие во рту со скоростью мягкого мороженого.

Эльзе старались дать все, что могли: учили играть на фортепиано, купили доberman-пинчера Раймонду, доставали через знакомых редкие книги, раза три возили отдыхать на море. Когда Эльза подросла, мать начала пасти ее: лезла во все дела, совала нос во все дырки.

Эльза злилась, но ничего не могла поделать. Она не умела найти с матерью общий язык, мать тоже не могла и не умела. Только вот в ту, прошлую весну начала прокладывать шаткие мостки между ними — рассказами о прожитой жизни, о Токмаковом переулке, молодом отце, собственной юности.

Да, Эльза была поздним ребенком, страстно любимым, выстраданным. «Какое это было счастье — твое появление, — слабо улыбалась мать. — Я помолодела на двадцать лет. В магазинах ко мне обращались: «Девушка».

А у Эльзы не будет детей. Ни ранних, ни поздних. Так постаралась врачиха. Эльза не порадуется живому орущему комочку, не прижмет его к груди, не будет любоваться слабыми ножками, ручками, толстым пузиком — всем тем, над чем млела ее старая мать;

ее молодая мать, расцветшая, будто высохшая яблоня юными нежданными цветами.

У Эльзы ничего этого не будет — врачиха на славу выскоблила ее, как голодающий остаток каши из котла — остервенело, с утроенной силой... А может, не только врачиха виновата?

Эльза решила утром убежать из больницы.

И ей это довольно просто удалось — никому здесь не было ни до кого дела. Дежурный врач, внушавшая ей про то, что она серьезно больна, наутро ушла домой.

Теперь главной заботой Эльзы стало — отдать долг. Долг тете Вале, пятьдесят рублей, совершенно чужому отныне человеку. И Эльза после недолгих раздумий решила продать одну из гитар отца. Розалию.

В городе с недавнего времени существовала замечательная барахолка. Там продавалось, покупалось, выменивалось все, что можно и невозможно: от бестселлера до старинной иконы, смешной игрушки или редкого по красоте поделочного камня. Все, все. Именно там Эльза решила продать Розалию. А пока в одно из очередных отсутствий отца спрятала гитару, завернув в старое одеяло, под свою тахту, и завалила кипами старых, связанных в пачки газет.

Все. Решено. Бесповоротно. Она продаст Розалию.

... Что за беда такая! Не идет уборка, будто Эльзе не жить здесь. Будто ей приятно, когда вокруг завалы баракла и комки пыли. Почему, почему ее не радует родной дом, в котором всю жизнь жила, музыке училась, мамины блины уплетала, магнитофон слушала? У человека, как у зверя, птицы, змеи, должна быть своя нора. То безопасное, заветное местечко, о котором знают только самые близкие, любимые и дорогие. Раньше Эльза любила свой дом. Особенно по вечерам и в праздники. Когда мать на кухне, сковорода сипит, в кастрюле ароматно булькает; отец уткнулся в телевизор, придерживая двумя пальцами за гриф Розалию или Софи, Маргариту или Ларису, а другой рукой поглаживая гитарное сухое, почти невесомое тело. А оно откликается теплым шорохом, июльским звоном... В такие минуты — все по своим привычным местам, экологическим нишам, личным — никто никому не мешает. А Эльза лежит с книгой на тахте, балдеет или болтает по телефону, сколько влезет — родители никогда ее не обрывали...

Эльза в злой задумчивости стояла над холодной тряпкой, ногами — в мутной луже, когда снова позвонили в дверь. «Если опять Панок и Гиви — убью», — подумала она.

На пороге топтался Козлов, длиннорукий, с прилизанными, слипшимися волосенками, бездарный, с первого взгляда серый Козлов, а за ним пряталась-стеснялась девочка: бледное круглое личико в огромных накрашенных ресницах, с фиолетовыми блестящими тенями над веками. «Собака Баскервилей». — мелькнуло в Эльзиной голове.

— Привет, Эльза, — прохрипел Козлов, умоляюще, просяще хлопая глазами.

— Чего тебе?

— Эльза... это... Мы с Настей... к тебе в гости... — Козлов продолжал умоляюще хлопать ресницами.

— А я вас звала — с Настей? — зло прищурилась Эльза. — Я сейчас уйду.

— А можно мы без тебя... побудем... музыку послушаем... Ты не думай... все будет в порядке... в смысле... в квартире... мы шуметь не будем, ничего из посуды не побьем...

— Ого-го, Козел, даешь... — протянула Эльза. От обиды, злобы, тоски у нее похолодело в груди. Этот-то куда? С какой стати? Разве в ее квартире место для свиданий с разными собаками Баскервилей?

— Понимаешь ли, мальчонка дорогой, мой дом закрыт для таких, как ты и твоя френдуга. Тем более сегодня. Когда я уйду. Понимаешь меня? Ты же всегда был понятливый, sereneкий Козлик, ты меня всегда слушался, — терпеливо, с паузами начала объяснять она. А желание клокотало под ложечкой одно — ударить Козлова больно, сильно по тупой башке.

— Ну, Эльза, мы же никому не помешаем. Ты что, не понимаешь нас? — удивительно, но Козлов не отступал. Он не стеснялся ни своей подруги, ни Эльзы с ее прямым хамством и с каждой секундой растущей агрессивностью. Им действительно некуда было деваться. Но не могла же — Эльза — пустить — их — обниматься — и целоваться — сегодня — восьмого мая — в свой дом?!

— Значит, так, Козел, и ты, распрекрасная Настя, уматывайте. Отвяжитесь от меня! Я уезжаю! Русским языком сказала — уезжаю! Никого оставлять здесь не собираюсь! Фазер придет через полчаса! — отчеканила Эльза.

Козлов прекратил моргать. Его глаза стали желтыми, пустыми, выстуженными, как желток яйца, замерзший на морозе.

— Эльза, я всегда знал, кто ты такая, — тихо сказал противенький Козлов, взбунтовавшийся чмошник.

— Какая?

— Ты всех ненавидишь. Даже себя.

Он и Настя повернулись и ровненько, ладненько — понимающая друг друга парочка — почапали к лифту. Рука в руке. Трогательные детки.

— Козлов! — крикнула Эльза вслед. — Только на чердак Настю не веди, как Борисову. Туда милиция часто заглядывает.

— Не твоего ума дело, — не оборачиваясь, ответил Козлов, и они с Настей как растворились — лязгнула дверь лифта. Слово их и не было в природе.

Эльза вернулась к своей тряпке, ведру, пыли. В комнате стало серо, прохладно, жемчужный утренний свет будто истаял, его унесли из комнаты, с улицы, из города. Мокрое, тяжелое небо заглядывало в комнату.

... Да, она всегда была настороже со всеми. И с командой, и с родителями. Она не любила никого — значит, прав Козлов, она всех ненавидела. Или — или. Или черное — или белое.

А Черта? Любила ли она его? Ведь это волнующее, удушающее, сумасшедшее было с ней в первый раз в жизни. А накатило в одно мгновение, два года назад — они всей командой шли по Арбату. Созрела осень, теплая, ясная, пьяно пахнувшая, как перевисевшее свой срок на ветке яблоко, — она вдруг увидела Черта. Одного Черта и больше никого в мире. Всегда он казался ей нервным, злым парнем, с колючим взглядом черных непримиримых глаз. А тогда, в осенний ласковый день, солнце прострелило его ресницы, заглянуло в черные глаза — и они оказались глубокими, чистыми, как открытые колодцы; запуталось в вороного цвета волосах. Он вдруг явился ей новым, прекрасным человеком, героем. Как она любила его в ту солнечную минуту теплого осеннего дня! Мучительно, сладко, до потери пульса!

С тех пор она искала повода, случая, момента, чтобы дать понять Черту, что любит его. А он понял ее настроение, разгадал и стал избегать всяких возможных поводов, случаев и моментов. Он очень тонко вел себя — не отталкивал Эльзу, не прогонял. Он ставил между ней и собой команду, ни о чем не подозревавшую. Однажды бросил:

— Эльза, ты у нас молоток. Мы ведь так любим друг друга, правда, Эльза?

— Да, — скривилась она в усмешке, а у самой сердце забарабанило, как дождь по крыше. — Ты — мой мальчик, Черт, а я — твоя девочка.

Команда добродушно загоготала.

Черт был мафией, главным, он давал идеи и требовал их исполнения. Он был как бы над ними всеми — Эльзой, Гиви, Панком, Козловым, Гороховым; его имя — всегда авторитет, даже когда его нет рядом, даже если о нем треплешься по телефону.

Ничто не липло к нему — мелкое, унижительное. Он был самым сильным среди них, самым волевым, самым умным — и Эльзин ответ «мой мальчик — твоя девочка» нисколько не обидел его ни в глазах команды, ни в его собственных. «Мой мальчик» прозвучало как «мой король».

Потом, со временем, это стало игрой: «мой мальчик — моя девочка». Игрой в настроение, симпатию, влюбленность. Черту льстила эта игра, но больше никогда Эльза не видела его солнечную голову — луч света сквозь волосы, в глубине черных глаз, на матовых смуглых щеках.

Любила ли она его? Последнее время, накануне краха команды, играла с ним. Она хотела застать его беззащитным, расслабленным, и тогда сказать о своей любви серьезно — и посмотреть, как он будет вертеться.

Он отвертится — она его знала.

Еще примешались сюда, в цепочку сложной охоты, глупая старомодная выпускница и ее дебильный папашка. Ах, как классно она, Эльза, погнала Черта! Как она мстила ему за внимание и любопытство к другой! Разозлила команду, возбудила во всех ненависть к Черту, к мафии (в каждом из нас дремлет ненависть к ближнему) — и он пал, пал презренный,

ненавистный «мой мальчик» с черными глазами и усмешливым ртом, он пополз червяком, затрепыхался, как старая тяжелая ворона в сетях. Она его сломала — он же до того ломал других. Будем считать, что она отомстила ему за всех поруганных, униженных...

Да. Она его ненавидела. Прав Козлов. Устами чмошника глаголит истина.

А мать? Любила ли она мать?

Мать была в ее жизни сторожем. Никогда не давала самостоятельности. Когда Эльза начала ходить в команду, пару раз мать пыталась проучить ее, таская по квартире за пышное облако волос: «Не приходи поздно! Не приходи!»

Эльза тоже научила немного мать — однажды и в самом деле не пришла домой, заночевала на сухом, теплом чердаке. А потом мать слегла — и разом помягчела, стала понятливей.

И все-таки, став мягче, сговорчивее, мать старалась подчинить Эльзу собственной воле, приручить, она хотела на правах старшего и более сильного безболезненно заглядывать в Эльзины дремучие глаза, не трястись от предчувствия, что Эльзины острые зубки укусят. Мать понимала: дочь давно и как-то незаметно стала чужой, но не хотела, не хотела мириться со своей догадкой. Особенно в апреле и начале мая прошлого года.

Да, с матерью у Эльзы тоже была игра. В любовь и дружбу, страх и ненависть. Эльза ненавидела их фальшивые отношения и особенно эти ностальгические рассказы про Токмаков переулочек, невозвратную молодость. Эльза до брезгливости, до оскомины ненавидела мать и конца не видела своей ненависти.

Именно об этом она думала, стоя на переходном балконе, поднявшись на родной восьмой этаж, ровно год назад, восьмого мая. Ветер дул ей в ресницы. Сумерки плотно легли на однообразный многоэтажный город. Эльза стояла на переходном балконе десять, пятнадцать, двадцать минут, ощущая спиной, шеей, затылком, что произошло в ее доме.

Пришла минута — и она повернулась на каблуках, медленно пошла в квартиру.

Она все запомнила до ненужных подробностей, тошнотворных мелочей — теперь, спустя год, ей стоило только закрыть глаза, и все, все вставало в памяти, воскресало, росло в размерах, надвигалось, даже всплывало то, что как бы осталось за кадром ее сознания в тот вечер — но было там и останется там навсегда, восьмого мая прошлого года в предпраздничные, холодные сумерки.

Зеркало в прихожей в громадных рыжих медных завитушках; на столик под ним брошена чья-то хозяйственная сумка с полуоторванной ручкой; плащ песочного грязного цвета, рентгеновские снимки и открытая пачка сигарет «Пегас»: Эльза машинально вытянула две и положила в карман, сделала заначку; сбитый в гармошку половик в коридоре; на кухне, у стола, с горой невымытой после завтрака посуды, подперев щеку ладонью — морщинистая кожа, синие выпирающие вены, — сидит

тетя Валя, мамина сестра, и курит, курит, дым лезет ей в левый глаз, и из левого глаза сочатся одна за другой слезинки — не слезы, нет, слезинки от раздражающего дыма; из ванной комнаты выходит врач в несвежем, измятом халате, брезгливо вытирая руки о замызганное полотенце — длинные пальцы, свежий розовый маникюр; полотенце она роняет в прихожей, ей просто лень возвращаться в ванную комнату, и входит командирским шагом в комнату родителей; «Так, я теперь позвоню», — говорит она уверенно. Комната родителей, свет ночника — он серый, скисший какой-то, по комнате разбросаны фотографии — маленькие, большие, все бледные, с расплывшимся изображением; на полу, на ковре, перед тахтой — разбитый стакан, он торчит тонким, злым осколком вверх, этот осколок, как зуб кобры, остальные осколки вдавлены в ворс ковра, они никому не страшны, они утонули по шейку в ворсе; отец стоит на коленях перед тахтой и ухает — однообразно, глухо, не переставая ни на минуту, отца словно стегают по спине плетью или бьют ритмично палкой, ему уже невоготу терпеть, и он ухает, выдыхает боль; у отца на ногах пыльные коричневые ботинки со сточенными каблуками, из ботинок видны серые бумажные носки, у одного на щиколотке — дырка (на правом носке или на левом? На левом, точно); в квартире стоит странный запах, от него тупеет голова и в груди растет ватный ком; «Да, да, врач Зуева, — говорит врач, отвернувшись от тахты и ухающего отца, она морщится, чуточку, еле заметно, но Эльза замечает; «Да, да, в пятьдесят шестую... Да... побыстрее, пожалуйста»; из кухни появляется тетя Валя, она уже не курит, но Эльза видит ее как в тумане, будто дым из выкуренных сигарет набрался в волосы — черные, пушистые; грозное, не пролившееся ливнем облако, все всегда говорили, что у Эльзы волосы похожи на тетявалины; тетя Валя идет к Эльзе по ковру, фотографиям — они похрустывают под ногами, как свежие стружки; обнимает Эльзу подрагивающими, горячими руками за плечи, старается прижать к себе и шепчет: «Поплачь, поплачь, девочка, поплачь, родная, легче будет»; Эльза не дается обниматься, она окаменела, будто ее облили чем-то и она замерзла, застыла; ухает отец, тошнотворный запах лезет в ноздри, она вдыхает, вдыхает его полной грудью, не отворачиваясь, не зажимая нос — и вдруг вспоминает, как солнце высветлило волосы Черта, как заглянуло в его черные глаза, и они открылись глубоко, ясно — открытые свету колодцы; отец оторвался от тахты, ухающим лицом потянулся в сторону Эльзы, выдавил: «Мама умерла», и снова заухал.

Мать Эльза не запомнила. Мать Эльза не увидела. Мамы с ними больше не было на этой земле.

...В дверь позвонили. Эльза вздрогнула, звонок показался ей странным — слишком легким, осторожным, ночным. «Кто это еще?» — подумала она и тихо-тихо пошла

к двери. Обычно она открывала дверь рывком, быстро, смелая, уверенная в себе девочка, ей в голову не приходило думать о каких-либо опасностях, она была с железным характером, много чего повидавшая в свои шестнадцать лет; но сейчас, после легкого, как пух, звонка, кто-то подсказал ей, внутренний голос, наверное: «Тихо подойди, тихо, как дуновение, посмотри сначала». И она послушалась. Тихо подошла, тихо-тихо, не скрипнула ни одна паркетинка на полу, заглянула в глазок.

На лестничной площадке стояли полукругом Чуня и двое мужчин, все навеселе.

— Сейчас откроет, моя карамелечка. Я тебя, Серега, познакомлю. Сейчас... — ворковал Чуня, подмигивая своим спутникам.

Душа в Эльзе затрепетала. Ненависть к Чуне, свежая, кровоточащая память о больнице, неясный, охвативший сознание страх сковали тело. «Никогда не открою. Лучше подохнуть», — подумала она.

— Слушай, Чунь, может, она ушла? — икая спросил тот, кого Чуня назвал Серегой.

— В ванной, наверное, — ответил Чуня и нажал кнопку снова. — Я же проверял. Полчаса назад к телефону подходила.

Звонок прозвучал тихо, робко, будто извиняясь — дрень.

Эльза не дыша стояла у двери, остолбенев, уставившись на непрошенных гостей.

— Да-а, Чунь, чего-то не то, — сказал Серега. — А говоришь, класс-девочка, своя в доску, вино любит...

— Слушай, а может, она у соседки? Подождем? — бодро предложил Чуня.

— Подождем, — согласились двое.

Они тихо прошли к лифту. Эльза отпрянула от двери, как мышка, вернулась в комнату.

На часах было пять вечера. Та-ак, отец вряд ли явится сегодня раньше двенадцати после утреннего скандала.

Ни Гиви, ни Панку, ни Козлову не позвонишь — с ними тоже поругалась. Да и слабаки они против троих пьяненьких мужиков, притаившихся у лифта. А больше у нее никого нет. Никого. Но сегодня ей надо уходить во что бы то ни стало. Как? Как уходить-то?

Ну и Чуня, ну и отброс! Сутенер подлый. Альфонсишка. Привел двух кобелей.

Эльза вдруг разом, секундой очнулась от жуткого своего состояния: безразличия, застоя, тошнотворной, душевной слабости. Как она могла быть с этим... с этим?... Как могла попасть из-за него в больницу? Как могла оказаться на карликовом креслице в мясницкой операционной?

Но сейчас бежать. С Чуней она разберется потом. А может, и разбираться не будет. Нет его, нет, мерзкого, скользкого, нет!.. Бежать, бежать от мерзости, спастись! И не стыдно — бежать!

Эльза стремительно оделась — джинсы, свитер, куртка, старенькие кроссовки. Она одевалась лихорадочно, не продумывая, как обычно, свой наряд, забыв начисто о макияже — с восьмого класса она перед выходом на улицу

тщательно красилась. Господи, ей надо вырваться из дома, ей надо скорее отсюда скрыться. Господи...

Эльза выскочила на балкон. Там был люк, соединяющий квартиру с нижними квартирами. Несколько лет назад мать замотала скобки люка проволокой — боялась воров и хулиганов.

Эльза присела на корточки у люка. Проволока затвердела, поржавела, намертво срослась со скобками...

Эльза, ломая ногти, начала с трудом раскручивать неподдающиеся железки. Она слышала, будто в тяжелом сне, как снова раздался осторожный звонок. Потом снова — уже смелее. Еще — длинный, пронзивший сердце, душу, тело ужасом. Чуня, мужики — никогда, нет!

Проволока туго, невыносимо трудно поддавалась. Еще виток, еще. Эльза не чувствовала, как начали ныть, болеть пальцы, как кровь жгла ладони... Все. Проволока снята, люк поднят, Эльза пролезла вниз и быстро спустилась на балкон соседей.

Там сушилось белье: трусы, комбинации, полотенца и длинная простыня, будто изношенный, выдавший виды парус. Эльза, путаясь, во влажных тряпках, пробралась к балконной двери, толкнула ее. Дверь была закрыта. Эльза стукнула по стеклу ладонью — на нем остались красные следы, похожие на сок раздавленной спелой ягоды.

За балконной дверью появился мальчишка лет шести — маленький, кругломордый, с серыми, чистыми глазами. Он прижал нос к стеклу и с любопытством уставился на Эльзу.

— Открой, — тихо сказала Эльза.

— Никого нет дома. Ты кто? — ответил он.

— Я?

— Да. Ты где живешь?

— На крыше я живу.

— Ну и иди на свою крышу, — поразился мальчишка. — Там здорово?

— Не очень. Ветер, голуби. Там холодно.

Они — мальчик и Эльза — глухо переговаривались через стекло. Конца и края не было их увлекательному застекленному разговору.

— Слушай, а голуби что едят? — поинтересовался кругломордый собеседник.

— Хлеб и манную кашу. Но у меня вся еда кончилась. У тебя есть хлеб или каша? — Эльза не успела моргнуть, как само собой придумалось про голубей и про кашу.

— Хлеб есть. Сейчас принесу.

Мальчик исчез. Эльза начала рассматривать комнату: пол завален игрушками, на подоконнике — полусухие цветы в горшках, створки шкафа приоткрыты — оттуда выглядывали пальто, плащи, каблук женского серого сапога.

Через минуту мальчик появился снова, неся буханку черного хлеба. Он подвинул стул к балконной двери, покрутил ручки, отодвинул стул, и Эльза оказалась в комнате.

— На, для голубей, — протянул мальчик буханку.

— Пошел ты, — беззлобно оттолкнула его Эльза. Она пробежала в прихожую, повертела

колечки замков и вырвалась на лестничную площадку. Там она вызвала лифт. Пока тот ехал, потрескивая боками, Эльза напряженно вслушивалась, как на ее этаже топтались те трое — Чуня и двое незнакомцев, громко переговаривались, не таясь, как полчаса назад; к ним присоединился голос соседки Анны Ивановны:

— Да дома она, дома, хулиганка чертова... Скандалят на весь этаж, а потом прячутся. А вы-то кто?

Тут подошел лифт, и Эльза не услышала, как представилась троица Анне Ивановне. Может быть, родственниками Генриха Сенекеримовича, может быть, детьми лейтенанта Шмидта. Или они пристукнули вездесущую общественницу, начали ломать дверь. Пусть. Ей все равно. Она освободилась. Ос-во-бо-ди-лась.

... Мать хоронили десятого мая. Понаехала родня — человек тридцать, у всех — сверлящие любопытствующие глаза. Многих из приехавших Эльза никогда не видела. Тетя Валя заправляла в доме, шептала Эльзе, как и что надо делать, заставила надеть черные юбку и водолазку: Эльза не хотела натягивать водолазку, под мышкой зияла дыра, и нужно было ходить скованно, прижав руку к бедру, постоянно помня о дырке.

Отец сидел тяжело, по-стариковски у гроба. Он опустил голову и не поднимал ее, пока гроб не вынесли. К его стулу подходила родня, и каждый клал на отцово плечо руку, мол, мы с тобой, дорогой, разделяем твою горе, будь мужественен. К Эльзе тоже подходили, но она не знала, что ей делать: подставлять плечо, руку, голову, улыбаться соболезнующим, благодарить за проявление чувства, присесть в книксене?

Эльза ушла на кухню, куда то и дело влетала разгоряченная тетя Валя, бравшаяся тут же за сигарету.

Поминки готовили две старые женщины: они резали, парили, варили, разливали по стаканам компот, жарили дрожжевые, веселые, хохочущие блины, пробовали мед из трехлитровой банки — рыночный, гремели тарелками, то и дело их пересчитывая. Одна говорила другой:

— Когда покойницу вынесут, помой полы. По-настоящему помой, Люб, слышишь?

А в Эльзину сторону они шептали: «Сирота... Сиротиночка... Бедная девочка... Трудно ей будет... без матери».

Эльза сидела на кухне, отупев от бессонницы, усталости; две ночи подряд отец ухал у гроба, который стоял в родительской комнате — как только отец не охрип?

— Иди к матери, ведь в последний раз, — участливо подталкивали женщины Эльзу в спину.

Она кивала и оставалась на месте.

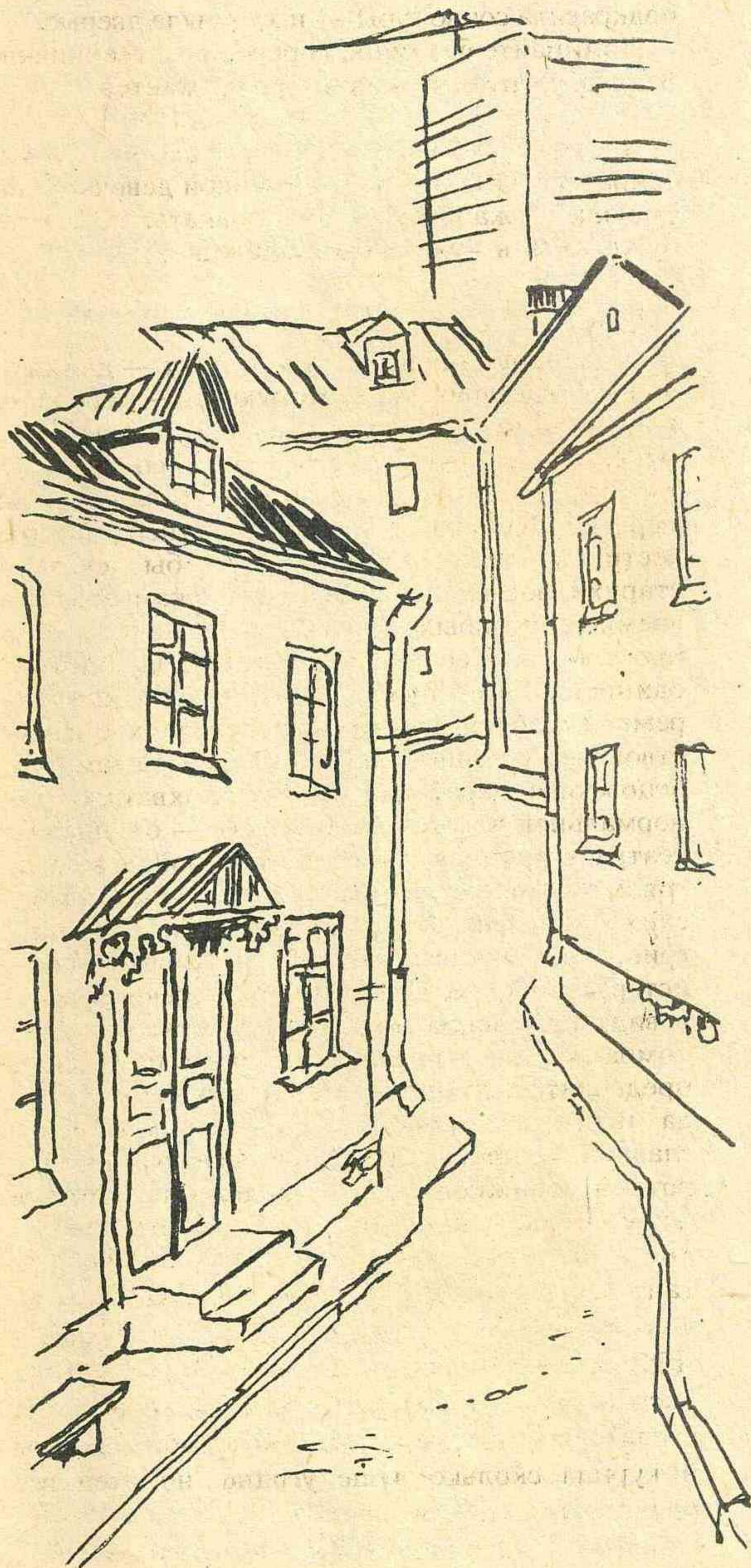
Гроб вынесли, внизу у автобуса проныл разлаженно оркестр — кто догадался пригласить эти ленивые, равнодушные трубы, помятые пиджаки и засаленные кепки?

На кладбище тетя Валя сказала над гробом

слово, отец — заухал снова, потянулись прощаться. Эльзу снова кто-то толкал в спину.

Она склонилась над бело-желтым неприятным пятном — маминым незнакомым лицом. Сзади зашептали: «Целуй, целуй, в последний раз», но она целовать не стала, не смогла: заколотили крышку, опустили гроб в косо вырытую яму; сзади вновь подсказали: «Бери землю, бросай».

Земля запрыгала по светло-голубой крышке весело, легко. Раз-раз-раз — нет, ничего: ни

крышки, ни бледно-желтого пятна, ни косой ямы. Мамы нет.

На поминках было жарко, потно. Эльза все время помнила о дырке под мышкой, съела, наверное, пять ароматных блинов с тягучим медом, родственники дружно гудели: «Хорошая была... Добрая... Заботливая. Земля ей пухом». Эльза думала, что они не о матери вспоминают, а растекаются сладкими речами в благодарность хозяевам за дармовой обед, вкусные блюда на столе.

Эльза вылезла из-за стола, пробралась в душную прихожую к телефону, набрала номер:

— Я, Черт. Вы что там собрались делать? На Пушку затариться? Я с вами... Через пять минут спущусь.

Быстро переделалась: желтая рубашка, черный кожаный брючный костюм, успела провести по сухим глазам жирными синими тенями, подкрасила сочно губы — и хлопнула дверью.

Поминайте без меня, дорогие родственнички. Вы как хотите, а жизнь продолжается.

Команда так и не узнала о том, что Эльза осиротела. Она же была железной девочкой, не умеющей жаловаться и плакать. Она не нуждалась в чужом сострадании.

Вот.

А теперь прошел целый год — длинная полоса времени, за которую она пережила тысячу скандалов с отцом; ненависть к любимому Черту; потерю пушистых облачных волос — их Черт облил голубой автомобильной краской; мерзкие отношения с легким Чуней; потерю чести и девственности — так бы сказали старухи, восседающие у дома на скамье; за это время ее чуть было не исключили из школы за прогулы, и теперь она еле-еле дотягивает одиннадцатый класс — сплошные тройки, перемежающиеся двойками; полуголодное существование в конце каждого месяца, потому что отцовского заработка никак не хватало для нормальной человеческой жизни — он ушел из театра, устроился сторожем на стройке; вечную грязь в доме; сотни прослушанных металлических записей; двухнедельный измотавший грипп и постоянные боли внизу живота; аборт, истерзавший ее, измучивший, превративший в выдающую виды женщину; десятки хамских компаний, в которых ей по роли полагалось предводительствовать, потому что Черт навсегда исчез из жизни команды и она стала главной, мафией, железной девочкой с короткой стрижкой, а по определению соседки Анны Ивановны — мутанткой: «Ваше поколение — мутанты! Ты — проклятая Богом мутантка!» — орала, заняв длительную оборону в собственной квартире Анна Ивановна — ДЭЗовская сивилла; она проколола уши и стала носить тяжелые материны золотые серьги; она врезала замок в дверь своей неудобной комнаты и курила сколько душе угодно, но отец все равно из-за двери орал на нее и обзывал «дрянью», «проституткой» и «выродком»; она

стала самостоятельной, независимой, взрослой. Ей никто теперь не мешал жить, даже отец, который тяготился дочерью, страдал от их хронической несовместимости и часто приводил домой на ночь подругу Татьяну Семеновну — влюбленные голубки сидели на родительской тахте, на которой умерла мама, и отец, хорошо сохранившийся семидесятилетний дурак, дедушка по сути дела, играл по три часа этой глупой, страшной, как атомная война, Татьяне Семеновне Баха, Генделя, Паганини.

...Эльза шла по пустому городу легкая, свободная. Мимо пустых домов, троллейбусов, автобусов, пустых, безразличных, как заведенные куклы, прохожих. Город был пуст для нее, как и мир, впрочем.

Ей впервые за этот год казалось, что тело ее ничего не весит — пушинка, золотая весенняя капля; ноги летели над пустым, как стекло, асфальтом, руки болтались, будто веревочные.

Эльза шла в Токмаков переулок.

Она знала туда дорогу, знала наизусть, сотни раз во сне летала этой дорогой — мимо, мимо, мимо пустого мира и бесцветного бытия. Туда, где росла огромная царственная лиственница с шатром крючковатых ветвей. Эти ветви осеняли собой тесное пространство переулка, они были полны миллионов пушистых салатových нежных иголок, пузырились клейкими розовыми шишками. От этой лиственницы над Токмаковым переулком плыл розовый, доверенный свет, свет мира и добра. Он достигал каждого двора, каждого этажа, окошка. И того полуподвала, где жила когда-то розовощекая девушка с толстой вороньей, через плечо, косой. Где все соседи дружили, как сестры и братья, мылись на кухне в тазах и корытах — сначала женщины, потом дети, последними — мужчины. Где в низкие окна заглядывала мудрая седая крыса и шлепал с утра до ночи во дворе резиновый поношенный мяч. Где в День Победы пили горькое вино, плакали и смеялись, где шла простая, обычная жизнь. Простая и обычная. Куда она делась? Куда? В этом пустом мире?

— Мама, — говорила Эльза легкими губами, — я иду к тебе. Ты меня еще не забыла? Это я — твоя Оля. Прости меня, мама. Мне так плохо без тебя... Ты ждешь меня, мамочка? Ждешь, да? А мы опять поругались с папкой. Ты права — он бедный, замученный человек и меня не хочет понимать... Твой Токмаков переулок совсем-совсем близко. Мы встретимся сейчас. Мне так плохо на свете. Я иду, мамочка, родненькая моя...

Прохожие с удивлением оглядывались на худую, бледную, в джинсах и в легкой куртке девушку, которая тяжело шагала по улице, посасывая сигарету и плача.

Публикация в № 8 за 1990 год новеллы Л. Габышева «Люсик» вызвала бурную читательскую почту. Напомним: речь шла о трагической судьбе подростка-гомосексуалиста, оказавшегося в колонии для несовершеннолетних преступников и покончившего с собой. Письма мы получили совершенно разные. Сочувственные и негодующие. От девочек, которые влюбились в одноклассниц и заподозрили в себе что-то неладное. От юношей, уже познавших однополую близость. От тех, кто занимается «этим» за деньги или «по любви». От тех, кто отчаянно мучается комплексом неполноценности — и кто, напротив, вполне смирился со своими наклонностями.

Без специалиста нам тут не обойтись, решили мы. И обратились к социологу и сексологу, автору многих известных у нас и за рубежом работ о юношеской сексуальности академику АПН СССР Игорю Семеновичу Кону.

острый угол

ПОЧЕМУ МИША ХОЧЕТ БЫТЬ МАШЕЙ?

**Однополая любовь:
болезнь?
порок? несчастье?**

— Игорь Семенович! Если бы вы были главным редактором подросткового журнала, то взяли бы напечатать новеллу «Люсик»? Многих у нас в журнале, и меня в том числе, честно говоря, поначалу разбирали сомнения: надо ли об этом писать, и если надо, то как...

— Говорить об этом, безусловно, необходимо, и с подростками тоже. И «Люсик» имеет полное право на публикацию. Но, будь моя воля, я бы все же предпочел другой сюжет: о трагедии однополый любви в обычной, нормальной школе. Видите ли, когда мы в этой связи вводим лагерную тему, то невольно работаем на стереотип: гомосексуализм — что-то ужасное, вопиющее, встречающееся только за решеткой.

— Давайте в таком случае разрушим стереотип.

— Ну, начнем с того, что мужеложество в зоне — это не столько удовлетворение сексуальных потребностей, сколько способ установления и поддержания иерархии. Сильные утверждают над слабыми свою власть. Недаром смена власти, «перевороты» в среде эков часто сопровождаются сексуальным насилием.

— Не случайно на лагерном жаргоне произвести эту процедуру называется «опустить». Да ведь и не только эки так утверждают...

— Совершенно верно. Армейская «дедовщина» тоже нередко принимает такие формы. Поэтому стоит еще раз подчеркнуть: тут речь не о сексуальном отклонении, а о правилах жестокой «игры», о символе уголовной власти.

— Понятно. А если без насилия, это — болезнь или порок?

— Не то и не другое. Гомосексуализм — это одна из трех существующих сексуальных ориентаций. Большинство людей исключительно гетеросексуальны, бывают гомосексуальные, а посередине — довольно многочисленная категория людей бисексуальных, то

есть способных эротически реагировать на представителей как своего, так и противоположного пола.

— Предположим, подросток, так сказать, среагировал на представителя своего пола. Ну, скажем, девочка по уши влюбилась в одноклассницу. Она в панике: я лесбиянка! Или несколько мальчиков коллективно занимались онанизмом. Один из них переживает, что он от этого стал неисправимым гомосексуалистом. Подобных писем в нашей почте немало. Не торопятся ли их авторы с диагнозом?

— Конечно, торопятся. Под гомосексуализмом надо понимать устойчивое сексуальное влечение, которое наблюдается всю жизнь или, по крайней мере, длительное время. И совсем другое дело — эпизодическое гомосексуальное поведение, случайные, временные контакты.

— Если мужчина совершал половые акты с мужчиной в заключении, то это еще не говорит о его гомосексуализме?

— Не говорит. Освободившись, он часто возвращается к прежней, гетеросексуальной жизни. А что касается подросткового возраста, то здесь сексуальная ориентация еще окончательно не сформировалась. В подростке пробудилось первое желание. Из-за большей доступности сверстников своего пола оно может быть невольно направлено именно на них. Ничего патологического нет в том, что у мальчишек во время возни друг с другом возникает эрекция или даже происходит семяизвержение. Или девочка вдруг испытала половое возбуждение от прикосновения подруги. В

большинстве случаев это пройдет, вытеснится нормальными сексуальными переживаниями.

— Но проходит-то не у всех?

— По статистике около трети мужчин имели хоть раз в жизни гомосексуальный контакт. Имеется в виду заверченный половой акт, с оргазмом. А мужчин-гомосексуалистов на земле 4—5 процентов.

— Так все-таки, что с этими 4—5 процентами? Родились они такими или стали? А если можно «стать», то не подтолкнет ли наша беседа любопытных подростков к этой теме, не «испортит» ли их?

— Убедительных доказательств генетической предрасположенности к гомосексуализму не найдено. Повидимому, гомосексуалистами не рождаются. А вот как становятся — очень сложная тема да и, признаться, мало изученная. Очень важную роль играют переживания раннего детства, задолго до наступления полового созревания.

— Один из авторов писем, шестнадцатилетний юноша, размышляет: «Таким меня сделала жизнь. Меня с раннего детства воспитывали, как девочку...».

— Возникновению гомосексуальности могут способствовать самые разные обстоятельства. Вот представьте: совсем маленькие мальчики и девочки отличаются своим поведением, характером, реакциями. Однако растут и воспитывают их поначалу более или менее одинаково. И женское влияние на ребенка значительно сильнее: чаще с ним возятся мамы и бабушки. Поэтому мальчику на каком-то этапе необходимо освободиться от этого влияния, пройти так называемую дефеминизацию. Но вот в силу индивидуальных особенностей (скажем, физической слабости) у кого-то этот процесс затягивается. Это создает для ребенка психологические трудности. В компании мальчиков-сверстников он чувствует себя чужим, его дразнят слабаком или неженкой. Образ сильного мужчины становится для него особенно, как бы даже болезненно, привлекательным. Его тянет к сильным, старшим мальчикам, им он хотел бы во всем подражать. Или, напротив, он выбирает для общения младших мальчиков, еще более слабых и нежных, рядом с которыми даже он чувствует себя мужчиной. Происходит это задолго до полового созревания. И подобные отношения, не имеющие, казалось бы, никакой сексуальной природы, могут тем не менее постепенно эротизироваться. Могут. Но это вовсе не обязательно. И, возможно, этот мальчик потом догонит сверстников в физическом развитии или как-то иначе избавится от комплексов и станет нормальным гетеросексуальным мужчиной.

— Вы сказали о дефеминизации как необходимом условии правильного развития мальчиков. Иногда ее затрудняет отставание в физическом развитии. Значит, можно нарисовать типичный портрет гомосексуалиста? Физически слабый, женоподобный...

Ну, что там еще?

— Нет, вот это как раз полнейшее заблуждение, хотя и распространенное. Я говорил о раннем детстве и лишь о ПРЕДПОСЫЛКАХ формирования той или иной сексуальной ориентации. В зрелом возрасте все это выравнивается, и абсолютно никаких внешних различий между людьми с разной ориентацией нет. Можно встретить мужественного, очень мускулистого штангиста среди гомосексуалистов и, напротив, женоподобного гетеросексуального мужчину.

— А кто-то мне говорил: «голубых» видно изда- лека.

— Да, так многие думают. Однако ученые сошлись на том, что ни по биологическим показателям, ни по каким-либо психологическим тестам, ни по внешнему виду гомосексуалистов не отличить от гетеросексуальных людей. Если они только сами не хотят «рассекречивать» себя.

— Игорь Семенович, я хочу вернуться к новелле «Люсик». Вспомните: там подростка совратил его

старший брат. Потом, уже в заключении, Люсик вошел во вкус и не мог жить «без этого дела». Насколько убедителен для специалиста такой сюжет? Может ли подросток стать гомосексуалистом от того, что кто-то совершил с ним половой акт? Насильно, как было с Люсиком, или добровольно, как рассказывается в письме... Прочитую: «Началось в 13 лет. Был у меня друг. И он сделал со мной это дважды. Тот день перевернул всю мою жизнь. Теперь я знал, чего хочу. Несколько лет жил с одним желанием: быть с кем-то из парней. Но друг мне в этом отказал бесповоротно...».

— То, что случилось с Люсиком, могло, конечно, произойти. Скорее всего, Люсик был предрасположен к гомосексуализму какими-то другими факторами. Это осталось за рамками повествования. Гетеросексуального индивида нельзя «перепрограммировать» в гомосексуального и наоборот, — хотя новый сексуальный опыт может оказать определенное влияние. Поэтому изнасилование или соращение в подростковом возрасте не может бесповоротно «испортить», как вы выразились, сделать человека гомосексуалистом. Кстати, этот ответ уже содержится в том письме, которое вы цитировали. Обратите внимание: инициатором гомосексуального контакта был один подросток, а понравилось это другому. Для первого это был только эксперимент. Он попробовал — и тут же отказался от этого. Для второго же здесь сохранилось психологически значимое переживание...

— Мне кажется, важно еще раз подчеркнуть вашу мысль о том, что гомосексуальное насилие само по себе не может сделать человека педерастом.

— Конечно. Так же, как гетеросексуальное насилие не делает женщину развратной.

— Но как же пережить такое?! Вот мальчик пишет о своей беде. Его с приятелем поймали парни из другого микрорайона, из враждующей группировки, и изнасиловали. Он не знает, как пережить свое унижение, несколько раз думал о самоубийстве... Чем же помочь ему и другим авторам подобных, как правило, анонимных писем? Судя по почте, случаи эти не единичны. Я не располагаю статистикой, но, кажется, количество гомосексуальных изнасилований растет. С чем это связано, по-вашему? Не является ли процент половых извращений барометром нравственного здоровья общества? Распространение гомосексуализма не есть ли свидетельство вырождения человека?

— Давайте по порядку, не сваливая все в одну кучу. Процент гомосексуалистов («голубых», как они себя называют у нас, или гэв — это международный термин) более или менее одинаков в любом обществе, здоровом и нездоровом, сытом и не очень, исповедующем репрессивную половую мораль и «свободу любви». Исходя из распространенности этого явления, серьезная медицинская литература давно отказалась от термина «половое извращение» в отношении гомосексуализма. Что же касается изнасилований, их природа совсем иная. И гетеро-, и гомосексуальные изнасилования являются псевдосексуальными действиями. Насильник добивается не столько сексуального удовлетворения, сколько разрядки ярости, злобы, стремится унижить другого человека, выместить на нем какие-то свои прежние обиды. И рост количества изнасилований среди подростков не свидетельствует об их возросшей сексуальности или о дурном влиянии эротических фильмов. Это яркий показатель «градуса агрессии» в обществе, уровня его культуры. Это связано с общим ростом преступности, ибо сексуальное начало — плоть от

плоти насилия вообще. И потом, не забывайте о распространении тюремных законов. Что вы хотите от общества, где столько людей прошло школу лагерей, школу жестокости и унижений!

— Ну да, у нас и «по фене ботают» повсеместно, в ПТУ и школах, расползается блатная культура... А сексуальное насилие — символ власти, как вы говорите...

— Да. Заметьте, в вашем письме подростков изнасиловали сверстники из враждующей группировки... А вот чем им помочь! Необходима специальная психологическая помощь для жертв изнасилований, гомо- и гетеросексуальных (вторых, понятно, больше, хотя последствия первых бывают еще болезненней, серьезнее). Нужен специальный телефон доверия, такой же, как по предотвращению самоубийств или по СПИДу. Кажется, наша страна — единственная в Европе, не имеющая такого телефона. Когда в Париже много лет назад ввели эту службу, то ахнули: 60 процентов изнасилованных женщин обратились впервые именно туда, до того никому о случившемся не рассказывали. Органами милиции расследуется лишь незначительная доля таких преступлений. Чаще же все остается втайне и от закона, и от людей, которые могли бы помочь. А ведь жертве надо выговориться, услышать компетентный совет: как быть, в чем себя винить и в чем не винить...

— В чем же себя-то винить?

— Прежде всего, люди часто во всем обвиняют жертву: «Порядочных девушек не насиловуют», «Если бы ты сам этого не хотел, никто бы тебя не заставил». Кроме того, насильник нередко специально добивается полового возбуждения, например, эрекции и семяизвержения у жертвы. (Это, кстати, касается и изнасилованных женщин, и у них вызывают оргазм). Конечно, насильник заботится не о том, чтобы доставить жертве удовольствие. Он преследует две цели. Во-первых, подчеркивает свою безраздельную власть над жертвой: я не только сделаю с тобой что хочу, но и заставлю тебя чувствовать то, чего ты не хочешь. Во-вторых, это для него вроде морального самооправдания: раз есть сексуальная реакция, значит, ты сам этого хотел, или сама этого хотела, то есть это уже как бы и не насилие, а соращение. На самом деле механически вызванная сексуальная реакция не имеет никакого отношения к полноценному оргазму, она является чисто физиологической. Вызвать ее можно у каждого здорового человека, тем более у подростка, у которого вообще эрекции возникают по любому поводу. Но жертва невольно принимает логику насильника: раз со мной это случилось, значит, я какой-то не такой, с другим бы этого не произошло. В результате к чувству стыда от перенесенного унижения и боязни, что об этом узнают сверстники или взрослые, примешивается чувство вины. От всего этого могла бы избавить своевременная и грамотная психологическая помощь.

— Это действительно ценная информация. Но почему-то, Игорь Семенович, мы все больше говорим о мужском гомосексуализме, о проблемах мальчиков-подростков. Хотя действительно писем от девочек, которых волнуют подобные вопросы, значительно меньше.

— Женщин-лесбиянок вообще меньше, один-два процента. И потом, у женщин подобная сексуальная ориентация труднее и позднее распознается. У них ведь не возбраняются ласки, нежность. У мальчишек общение подчеркнуто грубое, любое проявление нежности вызывает подозрения и какие-то догадки, часто необоснованные.

— И знаете, уж очень отличаются письма девушек. Если у юношей — стремление к физической близости, то здесь больше духовных потребностей: просто общаться, быть рядом. «Когда я вижу ее глаза...» и прочая поэзия.

— Но ведь так и в гетеросексуальных отношениях. Юноша стремится к физической близости. А девушке это порой вовсе не нужно, ей нужны внимание, неж-

ность, обожание. В женских сексуальных парах чувства более индивидуализированы, у них наблюдается большая стабильность отношений, половая жизнь как таковая может иметь здесь подчиненное значение.

— И все же письма от девушек есть. И вот одно такое — от шестнадцатилетних Тани и Лены, которые «все для себя решили». «Дружим мы с детства,— пишут они.— Когда мне, Лене, исполнилось 12 лет, Таня призналась мне в любви. Со временем я поняла, что наша любовь взаимна. Известно, что по закону не разрешаются браки между людьми одного пола (хотя и зря). И мы решили: когда Тане исполнится 18 лет, она сделает операцию по перемене пола. Наконец-то наше счастье будет полным и никто не сможет нас упрекнуть».

— К сожалению, наша пресса оказала медвежью услугу людям, озабоченным подобными проблемами, особенно, думаю, подросткам. Одно время в газетах и на телевидении появилась информация, что где-то за рубежом запросто меняют хирургическим путем пол всякому, кто выразит такое желание. На самом деле все не так. Операции эти крайне сложные, и производятся в исключительных случаях. Только по медицинским и психологическим показаниям. Однажды мне пришлось отвечать на письмо четырнадцатилетней девочки, которое переслали из пионерской газеты. Девочка рассказывала, что любит подругу и живет с ней, как парень, но на них косятся окружающие. А как было бы хорошо, писала она, «если б я стала не Машей, а Мишей». Я ей объяснил, что все пройдет. Случается, мальчики и девочки в твоём возрасте влюбляются в людей своего пола. Иногда это сопровождается сексуальной близостью, чаще — нет, но влюбленность эта со временем проходит, уступая место разнополой любви. Второй вариант, редкий — ты будешь способна только к однополой любви. Жить с этим трудно, потому что окружающие этого не понимают и осуждают. Тем не менее как-то живут, и пола никто не меняет. И третий случай, совсем редкий — это транссексуализм. Транссексуализм — не только и не столько сексуальное влечение к человеку своего пола, а острое, непреодолимое недовольство своим полом и желание сменить его. Скажем, анатомический мужчина хочет выполнять исключительно женские роли, одеваться, как женщина, ни в каких обстоятельствах не чувствует себя мужчиной. Бывают и женщины, осознающие себя мужчинами. В этих случаях действительно после тщательных обследований человеку меняют биологический и паспортный пол. Но, повторяю, это очень сложно, и во всем мире к подобным процедурам относятся с большой степенью осторожности.

— Вы сказали: жить с этим трудно, потому что окружающие этого не понимают. Действительно, гомосексуалисты чувствуют себя изгоями, прокаженными. Может быть, в особенности у нас в стране, поскольку до сих пор не отменена статья Уголовного кодекса, карающая за мужеложество, даже добровольное и не касающееся несовершеннолетних. Из ваших книг я почерпнул: нет какого-то единого типа гомосексуалиста. Люди такой сексуальной ориентации разные. И, видимо, относиться к ним мы должны, исходя из этого, по-разному. Осуждать распутников, проституток, совратителей малолетних. И быть терпимее к тем, у кого такие же, как у нормального человека, представления о нравственности, но другие сексуальные потребности, в чем они, собственно, не виноваты. Но одно дело — относиться с пониманием. И другое — поощрять. Скажем, все эти ассоциации, клубы гомосексуалистов, их периодические издания — не станет ли это своеобразной пропагандой такого вот «образа половой жизни»?

Уже информация о регистрации гомосексуальных браков, даже об их освящении церковью преподносится у нас порой как норма и достижение. Кажется, я читал такое о Дании.

— Не только. В Сан-Франциско я был сам на помолвке гомосексуальной пары. Я — член Международной академии сексологических исследований, и такую «экскурсию» предложили мои американские коллеги. Молодожены выглядели счастливыми и держались с достоинством. Был там и пастор, который венчал эту пару, кстати, довольно известных и уважаемых в городе мужчин. Конечно, католическая церковь на это бы не пошла, но некоторые протестантские общины относятся к таким бракам терпимо.

— Все равно не понимаю... Ну, раз любят, жили бы себе потихоньку, без рекламы. в Америке-то за это не сажают...

— Дело ведь не в рекламе. Они хотят обладать всеми правами своих сограждан. Многие из них верят в Бога. А зачем регистрация? Это связано с наследственными правами, со страховыми выплатами. Кстати, все меньшинства, национальные и прочие, тянутся к объединению, чтобы тем самым обрести социальную защиту. Во-вторых, у них есть свои специфические проблемы. Возьмите элементарное человеческое общение. Если даже девяностопятипроцентное большинство нуждается в клубах знакомств, то почему мы отказываем в этой потребности пятипроцентному меньшинству? Речь ведь идет не только о том, «с кем переспать», но и — «с кем поговорить». Тем более, что эти люди чувствуют себя подчас очень одинокими и несчастными. Но надо со всей определенностью сказать, что подобные клубы, если они у нас появятся, не для подростков. Подростковая сексуальность не сформировалась окончательно, и подталкивать ее в такое русло неправильно и даже преступно. Кстати, устав упомянутой в прессе московской ассоциации категорически не допускает контактов с несовершеннолетними. За этим следит Закон и должен следить со всей строгостью...

— Проблемы подростка, заподозрившего в себе гомосексуальные наклонности, журнал «Парус» не может обсуждать в каждом номере. Мы не в состоянии сами компетентно ответить на все письма, а обратиться всякий раз к вам тоже не удастся. Ассоциация, так сказать, «сложившихся гомосексуалистов» принципиально не примет подростка, и это абсолютно правильно. На куда же ему деться с его вопросами? Ни родители, ни учителя, ни сверстники его не поймут.

— Это трудный вопрос. Я бы посоветовал две вещи. Во-первых, читать психологическую литературу...

— Я бы назвал, если позволите, две ваши книги: «Психология ранней юности» и «Дружба». Они выходили в Москве в 1989 году. Что-то есть еще на подходе?

— Да, в издательстве «Молодая гвардия» скоро выйдет книга «Вкус запретного плода». И еще я хочу обратиться к юношам и девушкам, независимо от их сексуальной ориентации: учитесь не бояться себя, принимать себя такими, какие вы есть, не навязывая свои вкусы другим, и не обижать тех, кто на вас не похож... Ну, а для тех, у кого все же серьезные проблемы, в Москве создан новый лечебно-диагностический центр. Там могут дать подросткам необходимую индивидуальную консультацию по этой теме. Его адрес: 129164, г. Москва, улица Маломосковская, дом 4, ЛДЦ «Медицина и репродукция», Олейникову Николаю Ивановичу. Тайна обращения гарантируется. Только не принимайте центр за службу знакомств и не пишите без надобности, шутки ради...

Беседу вел
Владимир БУЛЫЧЕВ

Признано: прекрасные рассказы — туристы. Не хуже охотников и рыболовов. Скоротать вечерок в их обществе — удовольствие. Смотришь фотографии, слайды, завидуешь свежести впечатлений. И вскоре, сам того не замечая, «случайно» находишь на антресолях забытый рюкзак, притаптываешь кеды по ноге и прикидываешь на ближайшие выходные не слишком сложный для начала маршрут. Это первые признаки хронического заболевания под распространенным названием «туристский синдром». Тянет еще и еще посидеть у костра с «бывалыми», мотая все, что услышишь, на ус. Авось пригодится!

— Нет, нет, ребята, ну кто у костра магазинный чай пьет? Беседа лучше всего течет не под грузинский и даже не под индийский, а под лесной! Сейчас заварку и соберем. Под кустом лакированно блестит брусничник. Рядом молодые листья земляники. Хорошо бы добавить пару веток дикого малинника. Жаль, вереск пока не цветет... Вересковый чай попробуем к концу лета, а пока сорвем зверобой. «Букет» надо облить кипятком — и в котелок, под крышку. Минут десять настаиваем. Нравится? Зверобой лесному чаю цвет придает!

— Зверобой при ушибах — первое средство. Свежую траву к ранам прикладывают. А когда спину от рюкзака ломит, можно его растереть, и...

— Ну, чтобы спину от рюкзака не ломило, есть простое народное средство: правильно уложить рюкзак. Одеяло или теплую куртку — к спине. А на дно все, что потяжелее: консервы, крупу, хлеб. Повыше — то, что может понадобиться на ближайшем привале. Могу подарить бесплатно свой старый секрет: мелкие вещи никогда не сую в рюкзак как попало. Запаковываю их по отдельности: аптечку, например, иголки с нитками, туалетные принадлежности. Достанешь нужный пакет — все под рукой.

— Рюкзак всегда выдает с головой начинающего туриста. Если у тебя за спиной нечто похожее на пузырь, огурец или наволочку, ломоты в костях не избежать! Самый удобный рюкзак — в форме трапеции. А еще я люблю овальный, с вшитым

дном. И чем больше на нем карманов, тем лучше!

— Дарю желающим еще один секрет: пришейте клямкам в два-три слоя широкие полоски плотного сукна — никогда не натрешь рюкзаком плечо. Самое удобное походное снаряжение туристы всегда сами изобретают.

— Точно! Сделайте себе экспресс-палатку. Это совсем не трудно: к полотну размером 2 на 2 метра пришивается с каждой стороны через равные промежутки по 2 крепких петли. И на каждом из четырех углов — тоже по петле. Закрепи любой угол кольшком, натяни полотнище по диагонали, подставь одну-две подходящие стойки. Дальше и сам догадаешься в лежащие на земле боковые петли вбить кольшки. Вот и все.

— Ох, и съедят же тебя комары в такой палатке. Она ведь без дверей!

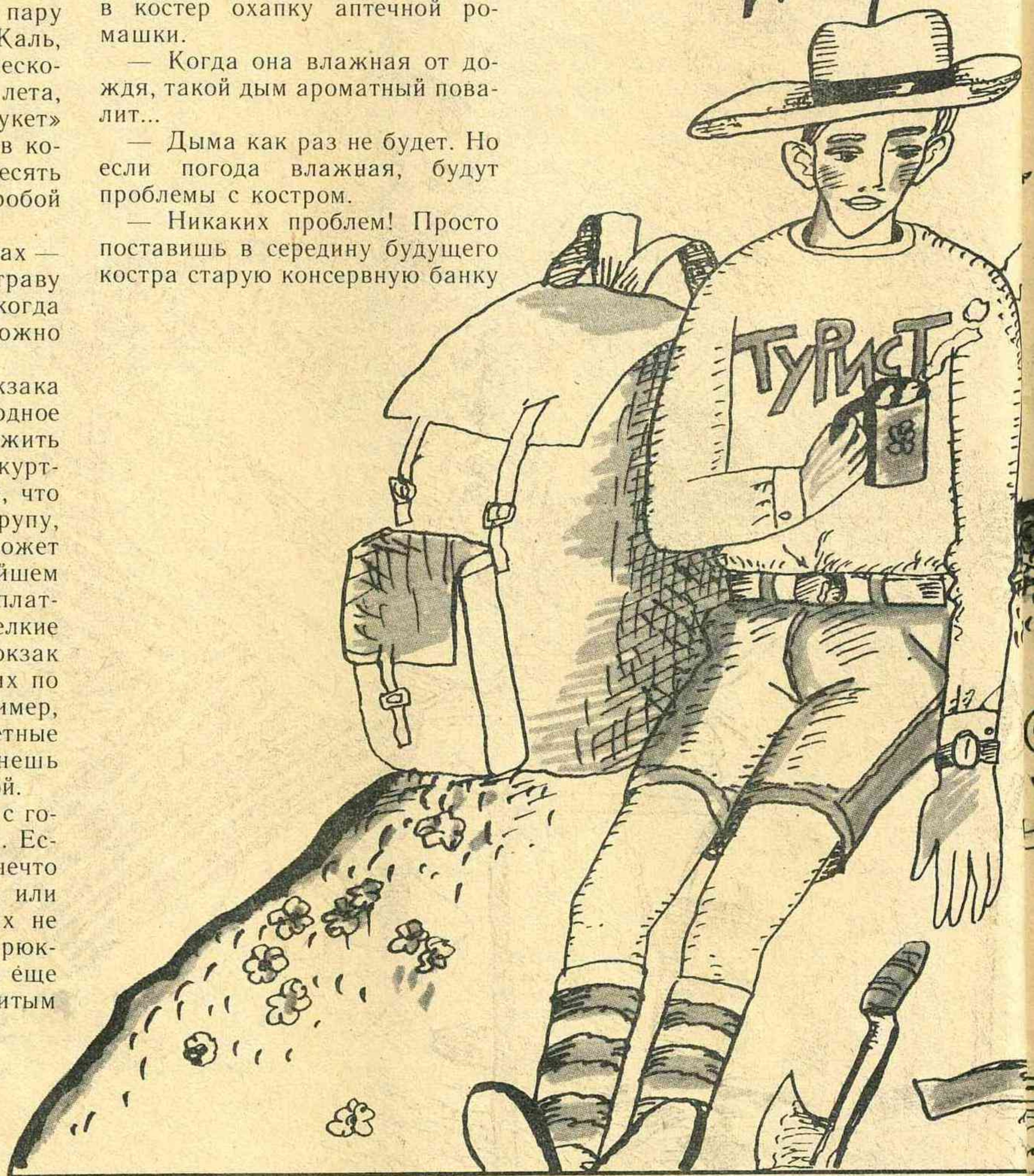
— И на это есть свой секрет: полынь! Разбрасаешь ее повсюду, повесишь пучок у входа — комар носа не сунет. Можно вдобавок подбросить на ночь в костер охапку аптечной ромашки.

— Когда она влажная от дождя, такой дым ароматный повалит...

— Дыма как раз не будет. Но если погода влажная, будут проблемы с костром.

— Никаких проблем! Просто поставишь в середину будущего костра старую консервную банку

Дымясь
горит
Костер...

с бумагой, сухими щепками, смолистой сосновой корой. Вокруг — мелкий хворост, затем поленья. Зажигаешь содержимое банки. Пока хворост сгорит — большие поленья подсохнут.

— А можно на сырые дрова бросить горсть крупной соли. Вот попробуйте.

— Какой костер без печеной картошки! Я, например, ее не в золе пеку, а в чистом речном песочке. Приготовить его надо заранее. Костер как следует прогорит — делаешь углубление в углях, высыпашь туда песок, палочкой «топишь» в нем картофелины — и подбрасывашь дрова в костер. Осталось часок потерпеть!

— К печеной картошке хорош свежий грибной шашлык. Набрал сыроежек — начисть, нанижи на обожженный прут, посоли. Жарить нужно не на огне — на тлеющих углях. Есть соблазн нанизать к грибам тонкие ломти-

ки сала. Но не поддавайтесь такому соблазну! Сало мешает неотваренным грибам прожариться как следует.

— Когда хорошо «заправишься», веселей выходить на маршрут. Но прежде, чем покинуть стоянку, присядайте, попрыгайте на одном месте (можно и с рюкзаком за плечами). Перед дорогой ноги полезно размять. И в путь: на север, юг, восток или запад. А кто без компаса умеет определить стороны горизонта?

— Ищу у дороги самую обыкновенную пижму — горсть желтых горошин на крепком стебле. Знаете? «Ребра» у листа пижмы расположены на север и на юг, а широкая сторона на восток и на запад.

— Идешь вдоль реки — глянь на череду. Она как подсолнечник, даже в пасмурную погоду подскажет, где должно быть сейчас солнце. Головки ее никогда не поворачиваются к северу.

— Ну, а нет рядом пижмы и череды, ищи муравейник. Он — к югу от ближайшего к нему

дерева. Про то, что мох на стволе — всегда с севера, а ягоды и плоды начинают краснеть с южной стороны — знает и самый «зеленый» турист. Не так ли?

— Так! Идешь по дороге — рюкзак в меру тяжел и удобен. Обувь не трет. Погода приличная. Пейзажи вокруг. Но глаз ищет заметную точку на горизонте. Для ориентира. Прикидывашь: далеко ли?

— А ты вытяни руку вперед и прикрой свой ориентир ногтем большого пальца. Отдельно стоящий дом, к примеру. Половинки ногтя хватило — до него почти километр. Больше ногтя понадобится — метров 200—300...

Давно над костром опрокинулся Млечный Путь. А разговор будет длиться, протянется за полночь... Все полезное, что узнаете вы на таких посиделках, не таите, поделитесь с нашей рубрикой. А мы постараемся напечатать. Для всех.

Слушала и записывала
разговор у костра
Тамара САХАЩИК

маскарад

Чтобы быть ближе к небу, он стал летчиком... Я встретился с ним в ресторане, куда приходили пилоты, — они были хмурые, даже, пожалуй, замкнутые. Бывало, кто-нибудь из них, возвратясь из Касабланки или Аликанте, приходил позже всех, в кожанке, еще мокрой от дождя, и кто-нибудь из нас робко спрашивал, как прошел рейс; — и за краткими, скупыми ответами нам виделся необычайный мир, где повсюду подстерегают ловушки и западни, где перед тобой внезапно вырастает отвесная скала или налетает вихрь, способный вырвать с корнями могучие кедры. Пилоты умело поддерживали в нас почтительный трепет. А потом кто-нибудь из них не возвращался...

В память о том, кого друзья называли «святым Антуаном», я хочу привести фрагменты этой беседы. Экспозиция такова: ресторан, вечер, Париж.

— ...боюсь, что для меня, человека с востока, все это слишком сложно!

— К чему спорить об идеологиях? Любую из них можно подкрепить доказательствами, и все они противоречат друг другу, и от этих споров только теряешь всякую надежду на спасение людей. А ведь люди — вокруг нас, везде и всюду — стремятся к одному и тому же.

Истина не лежит на поверхности. Если именно эта религия, эта культура, эта мера вещей, эта форма деятельности, а не какая-нибудь другая, дает человеку ощущение душевной полноты, могущество, которого он в себе и не подозревал, значит, именно

эта мера вещей, эта культура, эта форма деятельности и есть истина человека.

— А здравый смысл!

— Его дело — объяснять жизнь.

— Но все-таки наверняка есть что-то, отличающее именно эту культуру!

— Моя духовная культура основана на культе Человека в отдельной личности. В течение

веков она стремилась показать Человека, подобно тому, как она учила бы видеть собор в груди камней. Моя духовная культура стремилась сделать из каждого человека Посланца одного и того же владыки.

— То есть человек был создан по образу и подобию Божию!

— И в человеке почитали Бога. Люди были братьями в Боге. Созерцание Бога служило основой равенства людей в силу их равенства в Боге. Равенство запрещало ограничивать восхождение отдельной личности: ведь Бог мог избрать ее в качестве своего пути. Выражая Бога, они были равны в своих правах. Служа Богу, они были равны в своих обязанностях. Так любовь к Богу создавала основу возвышенных отношений между

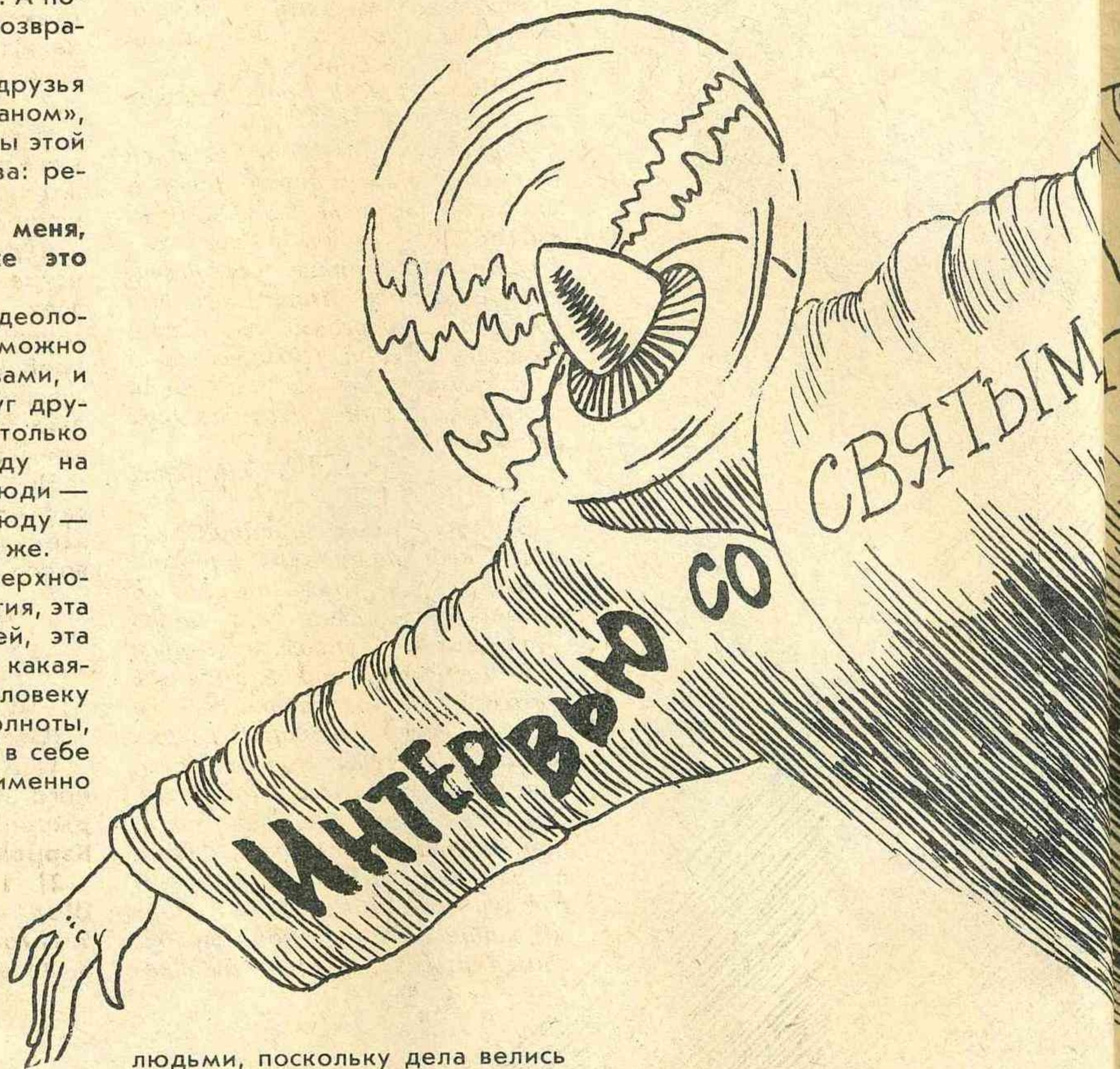
Оно открывало личности ее роль Посланца.

— Итак, свобода, равенство и братство!

— Я знаю, что значит свобода. Это свобода расти в силовом поле своего зерна. Она — совокупность всех условий восхождения Человека. Она подобна попутному ветру. Только благодаря ветру свободен парусник в открытом море...

Шел июль 1944. Мы говорили с ним о главном. Он собирался на очередной боевой вылет и, уходя, негромко сказал:

— Конечно, я надеялся вернуться. Но в то же время знал: что-то должно произойти. Вас осудили на казнь, но тюрьма, где вы заключены, еще безмолв-

людьми, поскольку дела велись между Посланцами независимо от достоинств личности.

— А любовь к ближнему!

— Любовь к ближнему была служением Богу через личность. Эта любовь не унижала того, к кому она была обращена, она не сковывала его цепями благодарности, потому что этот дар приносился не ему, а Богу.

— Я понимаю теперь глубокий смысл Смирения...

— Смирение не принижало личность. Оно возвышало ее.

ствует. Вы осторожно цепляетесь за тишину. Но вот раздаются шаги того, чей приход неотвратим.

Он не вернулся. Я смотрел ему вслед, и мне казалось: еще усилие, и я все пойму, разгляжу наконец и унесу с собой.

И вот я уйду, взволнованный присутствием друга, лицо которого мне так никогда и не удалось раскрыть.

Хочется верить, что читателю будет несложно распознать человека — прозаика, мыслителя, пилота, — который давал это мистифицированное интервью. Тем более, что современники считали его одним из своеобразнейших писателей, обладателем ни с чем не сравнимой, особенной интонации.

ТАЙНА ЧЕРНОЙ КОМНАТЫ

В качестве второго пункта нашей программы предлагаю несколько отрывков из произведений писателя, о котором можно совсем ничего не говорить — геро скажет само за себя. Внимательный читатель наверняка заметит в этих фрагментах нечто относящееся к жанру детектива. Но подсказка ли это?

Он рванулся вперед, хотел глотнуть воздуха — и дико захрипел: нижняя челюсть его отпала, осветив весь рот золотом пломб, голова завалилась на плечо и замоталась, грудь рубашки выпятилась коробом. — и все тело, извиваясь, задирая ковер каблуками, поползло на пол, отчаянно борясь с кем-то.

«Мистер фром Фриско»

На другой день он купался утром в море, потом брился, надел чистое белье, белоснежный китель, позавтракал в своей гостинице на террасе ресторана, выпил бутылку шампанского, пил кофе с шартрезом, не спеша выкурил сигару. Возвратясь в свой номер, он лег на диван и выстрелил себе в виски из двух револьверов.

«Кавказ»

В правой стене коридора оказался небольшой вход в соседнюю комнату, тоже совершенно темную, могильно озаренную опаловым фонариком, висевшим под потолком, под громадным зонтом из черного шелка. Чем-то черным были затянуты сверху донизу все стены этой комнаты, совсем глухой, лишенной окон. Тут, тоже в глубине, стоял большой и низкий турецкий диван, а на нем, в одной сорочке, с полуоткрытыми глазами и губами, с поникшей на грудь головой, с вытянутыми конечностями, с не-

много раздвинутыми ногами, лежала, белела молоденькая женщина редкой красоты.

И вошедшие остановились и на мгновение оцепенели от страха и удивления.

«Дело+++»

Итак, кто мог это написать: Эдгар По, Агата Кристи, Жорж Сименон, Иван Бунин, Артур Конан-Дойль, Юлиан Семенов?

И последнее на сегодня. В рамках нашей небольшой рубрики объявляется совсем миниатюрный конкурс. Условия его таковы: необходимо представить свою версию расшифровки слегка искаженного названия книги авантюрного писателя Майн Рида «Всадник Б. Г.». Лучшие варианты будут опубликованы, а все остальные, без исключения, мы перешлем самому Б. Г. наложенным платежом.

Ведущий очень надеется на искреннее участие и сочувствие всех поклонников творчества группы «Вивариум» и Бориса Гребенщикова лично, что, возможно, поддержит Б. Г. в тяжкую годину поэтического безвременья.

Не стесняйтесь, присылайте свои соображения и ответы по всем трем пунктам, а там — видно будет.

Раздел ведет
Владимир БОЖЕНОВ

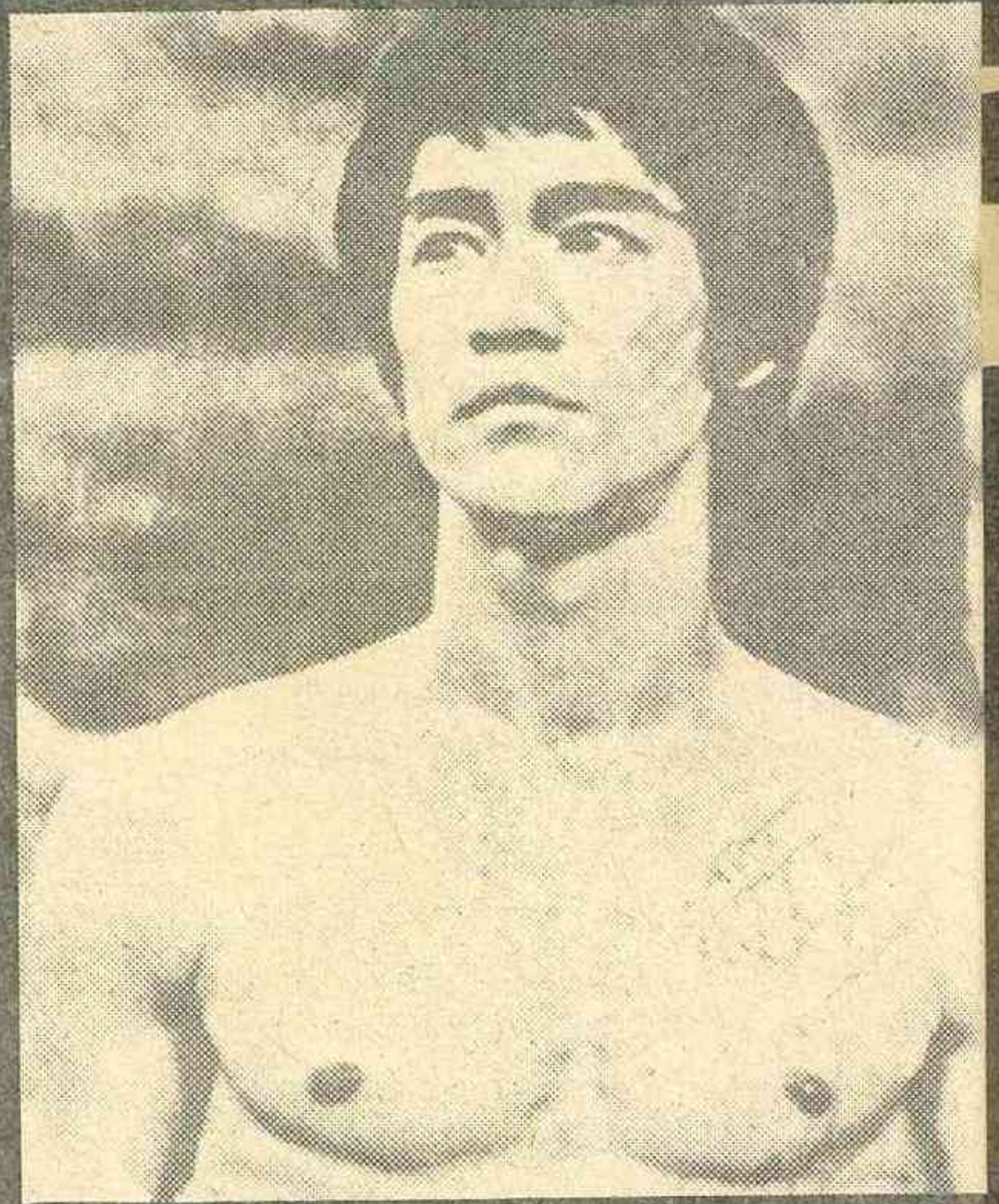
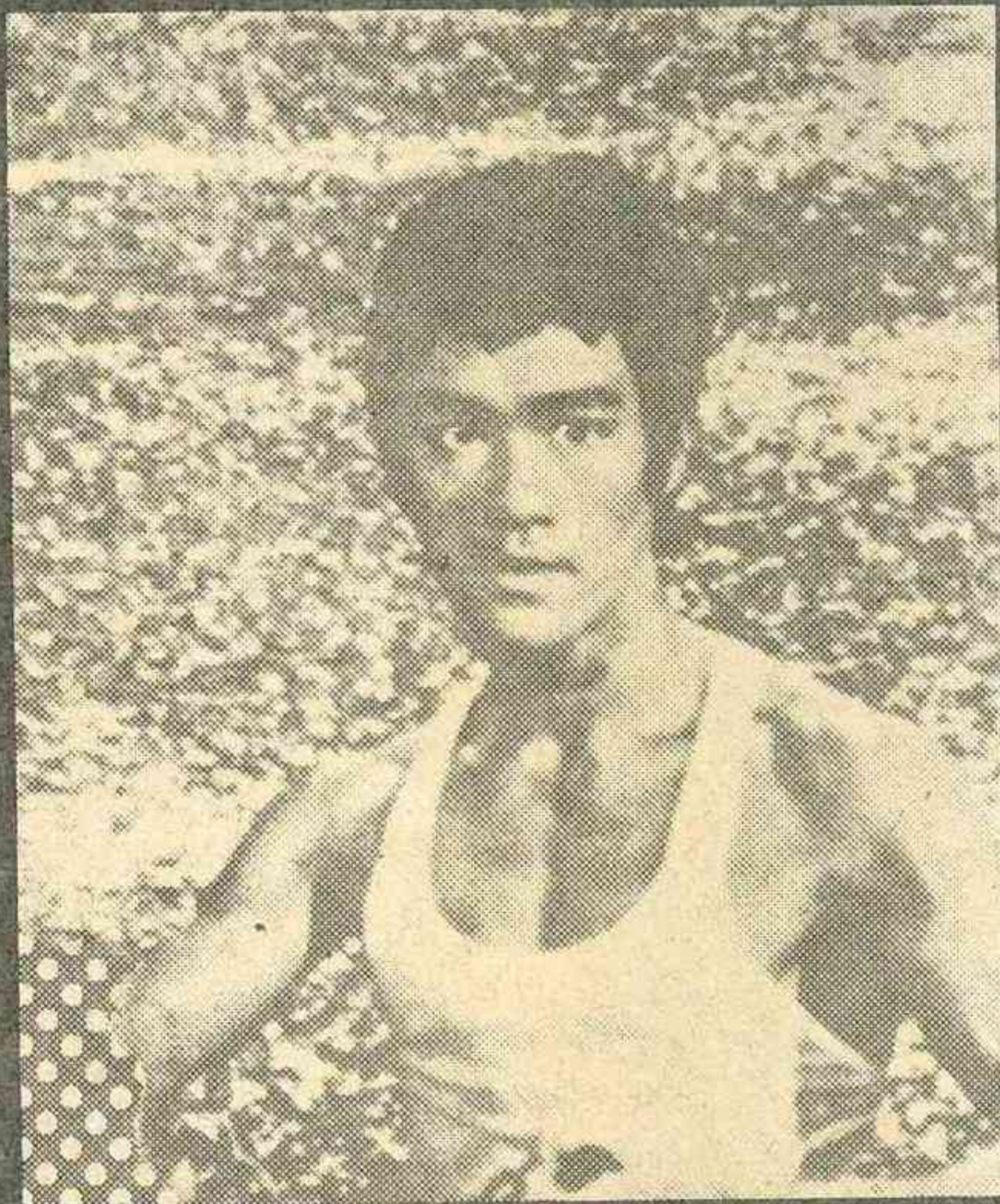
МАСКА, Я ВАС ЗНАЮ!

(Ответы на вопросы в № 3)

1) Подлинное имя преподобного К. — Чарльз Лутвидж Доджсон. Псевдоним — Льюис Кэрролл.

2) 1. Гофман. 2. Салтыков-Щедрин. 3. Киплинг. 4. Барри. 5. Гоголь. 6. Теккерей. 7. Гайдар. 8. Уальд. 9. Олеша.

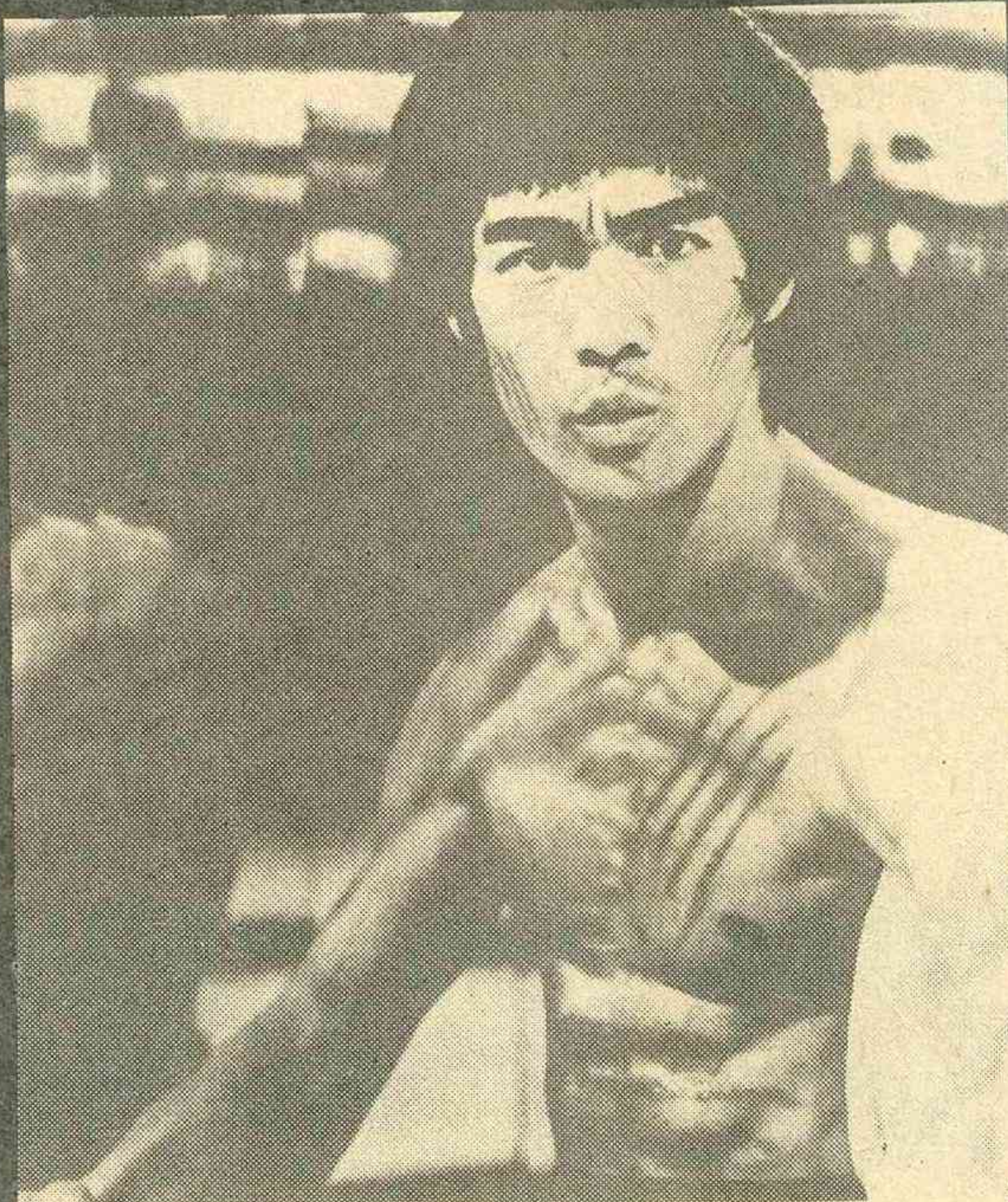
BRUCE LEE

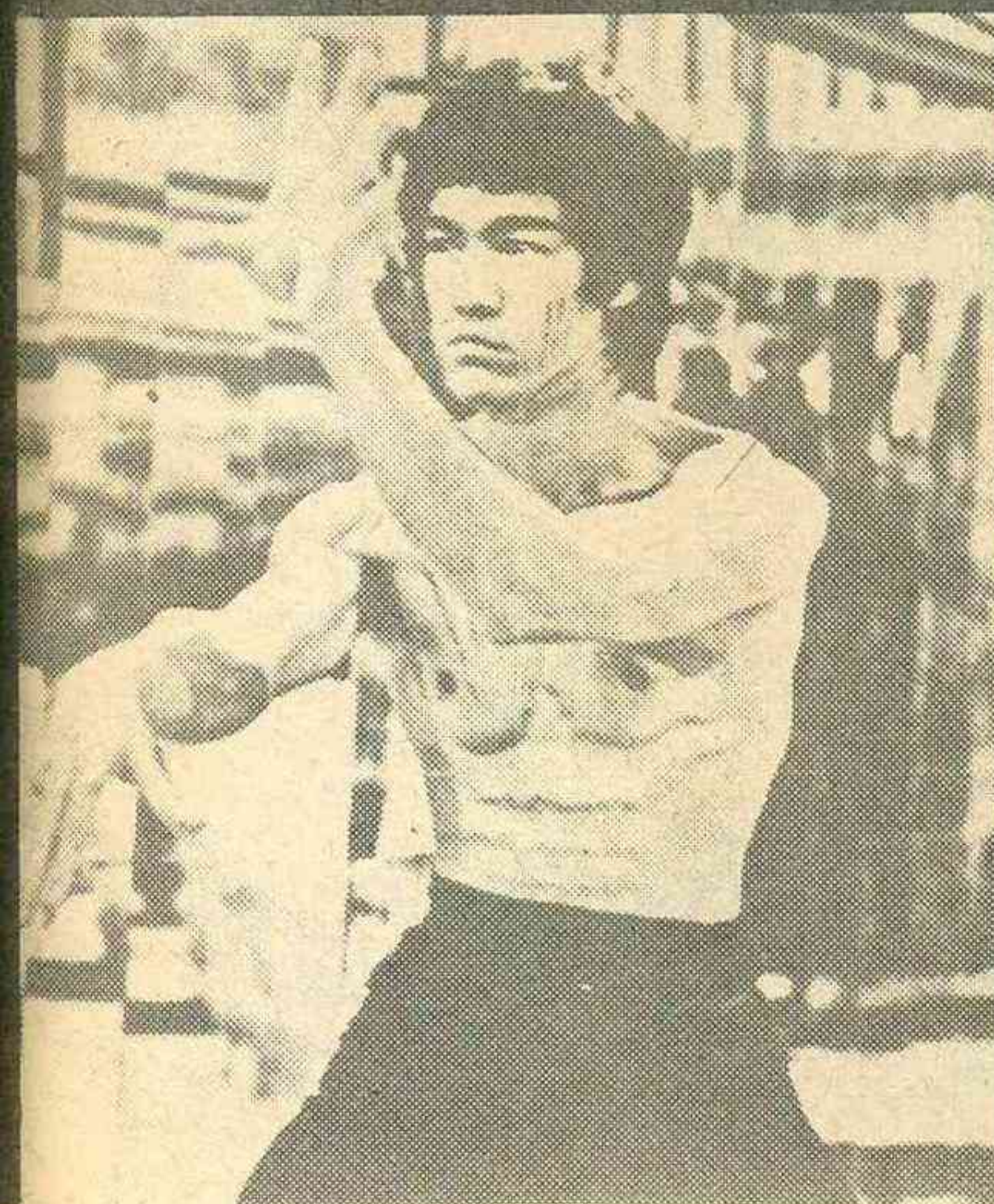
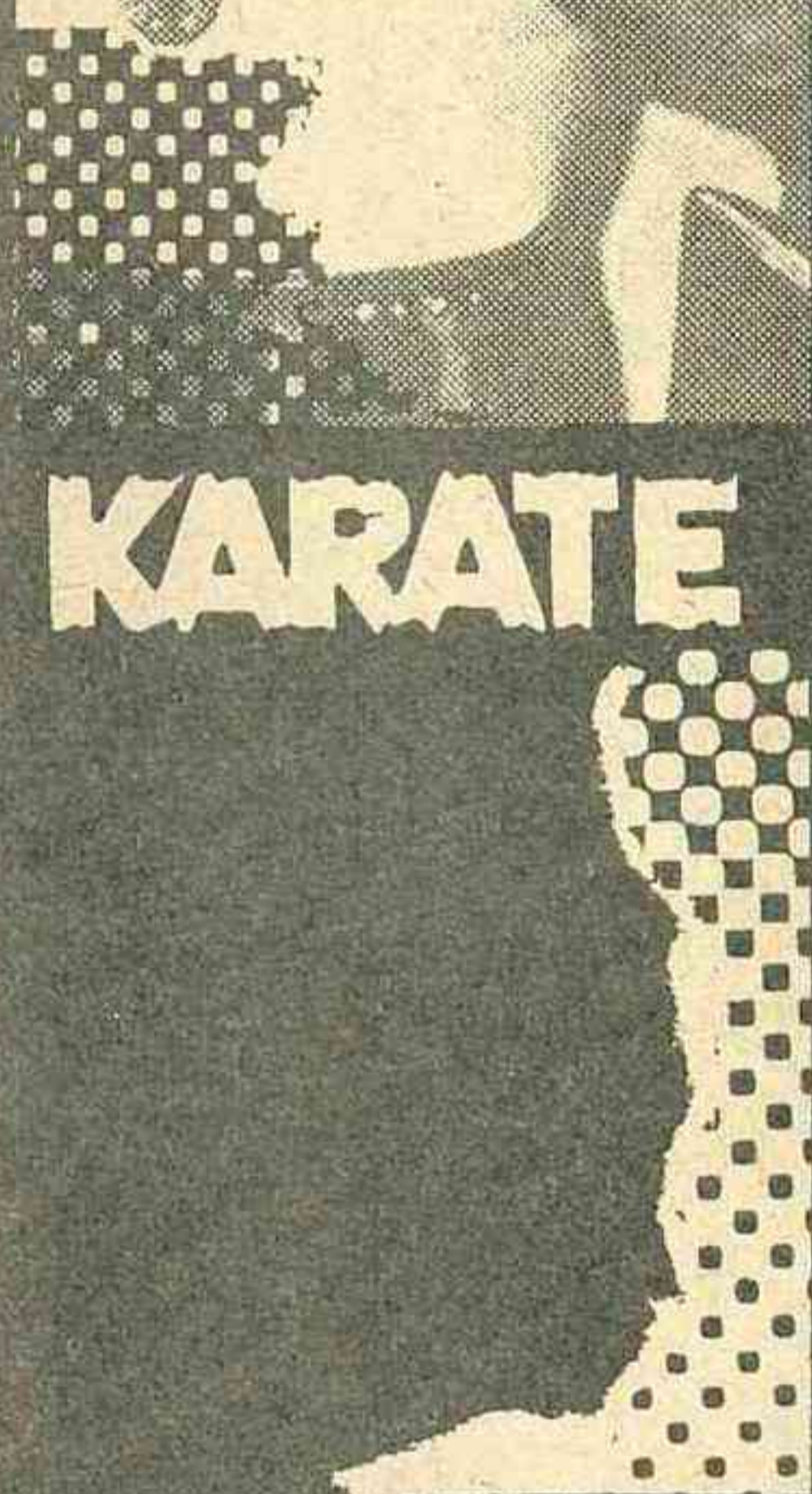
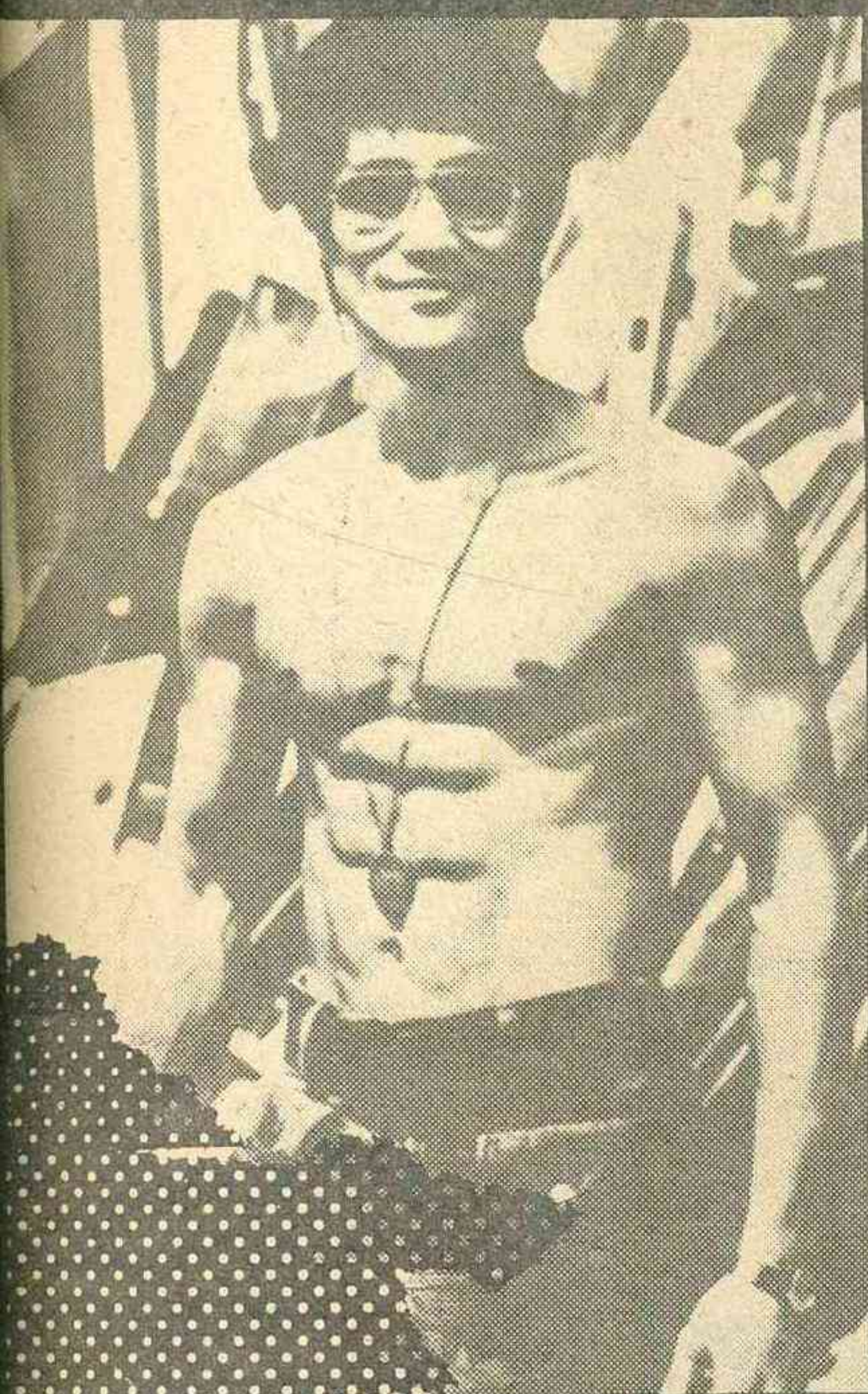
Маленький
дракон по имени
Брюс

BRUCE LEE

BRUCE LEE

В ноябре 1940 года семья актеров китайской оперы пополнилась сыном. Назвали новорожденного Ли Юн Кам. Судьбе было угодно, чтобы он появился на свет в год Дракона. Но «Драконом» его назвали позже.

Еще шестимесячным сосунком Ли получил крещение кинематографом — снялся в фильме «Девушка золотых ворот». Через шесть лет, будучи с родителями в Нью-Йорке, играет первую главную роль в картине «Начало». Такой быстрой карьеры в кинематографе можно было только позавидовать, и родители, конечно, желали, чтобы сын связал свою жизнь с искусством. Он оправдал надежды довольно своеобразно, став настоящим мастером сразу нескольких искусств.

Семья вернулась в Гонконг, и здесь Ли увлекся иным занятием. Он стал интересоваться теневой стороной жизни города. В пятидесятые годы улицы Гонконга постоянно были ареной столкновений и кровавых драк между враждующими группировками подростков.

«Брюсу всегда хотелось быть в центре внимания, чувствовать себя лидером, — вспоминал его брат Питер. — Он был бесстрашен и драчлив». Кстати, история имени «Брюс» до сих пор неизвестна. Биографы Дракона пока не в состоянии установить, когда, при каких обстоятельствах и зачем Ли Юн Кам взял себе этот псевдоним, было ли это прозвищем, полученным в школе, или уличной кличкой.

Однажды Брюс задумался — а стоит ли продолжать подобный образ жизни? Как бы там ни было, тринадцатилетний Брюс порывает с «улицей» и записывается в школу знаменитого в Гонконге и во всем Южном Китае мастера ушу Ип Мэна, исповедовавшего стиль «Юн Чунь» («прекрасная весна»).

Брюс занимался по пять-шесть часов в день, отдавая занятиям все свободное время. Упорство, граничащее с фанатизмом, с каким он постигал секреты восточных единоборств, поразили самого Ип Мэна, и он стал уделять Ли больше внимания, чем остальным ученикам. К тому времени Брюс прочно усвоил одну из главных заповедей кунфу, согласно которой настоящий мастер избегает драк. Эту заповедь постоянно повторял учитель и цитировал при этом изречение мудреца Лао-цзы: «Искусный солдат не теряет спокойствия. Великий генерал побеждает без боя. Могущественный правитель правит не унижая...»

В свое время Брюс Ли отверг предложение боссов местной мафии — «триады чайна» — стать

телохранителем. Отказ мог повлечь за собой наказание: как известно, мафия не любит непокорных. Поэтому обеспокоенные родители купили сыну билет в США и дали на руки небольшую сумму денег. Ли второй раз в жизни приезжает в Америку. Теперь надолго.

Следуя совету родителей, Брюс поступает в техническую школу Эдисона в Сиэтле. Но душа не лежала к точным наукам. Прилежным учеником Брюс был только в спортивном зале. Не долго думая, он уходит из школы и поступает на философский факультет Вашингтонского университета. Здесь обучение стоило дороже и поглощало все деньги, присылаемые родителями. Чтобы как-то свести концы с концами, Брюс поначалу устроился мыть тарелки в ресторане, но вскоре отказался от подобного заработка и открыл платную секцию кунфу. Она стала приносить юному сенсею сорок долларов в месяц. Но что интересно — размышляя над собственной программой для обучения, молодой тренер подверг настоящей ревизии сложившиеся взгляды на кунфу.

За время учебы в университете Брюс Ли зарекомендовал себя прилежным студентом, был отмечен как отличный танцор, неплохой литератор и прекрасный рисовальщик. Новоявленного магистра наук отличали живой ум и неуемная жажда деятельности. Однако фортуна едва не внесла в его жизнь нежелательные коррективы. Травма спины, полученная в 1968 году, надолго приковала Брюса к постели. Но он не сдается — сам конструирует необходимые тренажеры и тренируется лежа. Одновременно пишет исследование «Цзе Цюань Дао»

(путь опережающего кулака), где излагает свою точку зрения на искусство рукопашного боя, описывает сотни тренировочных методов, целый раздел посвящает философии боевых искусств, а заодно формирует и свой собственный стиль «джиткундо», или «стиль без стиля». Полная свобода и эффективность — эти два принципа легли в его основу.

Развивая теорию и совершенствуя мастерство, Брюс параллельно с этим возвращается к своему детскому «хобби» — начинает сниматься в фильмах, где демонстрирует умение непревзойденного бойца. Так раскрывается еще одна грань его таланта — актерская. И вот здесь возникло противоречие между экранным образом и самой личностью «короля кунфу». С одной стороны он предстает как серьезный исследователь и мыслитель, ориентированный на положительные идеалы и ценности, исповедуемые философией боевых искусств Востока. И потому пытается создавать привлекательный образ киногероя, отстаивающего принципы добра и справедливости. Но с другой стороны, он выступает не только как философ, мастер и актер, но и как режиссер и бизнесмен. Это заставляет его постоянно идти на компромиссы, потрафлять вкусам массовой зрительской аудитории, которая, в первую очередь, ждала щекочущих нервы зрелищ. Не потому ли Брюса зачастую представляют неким кинодрачуном, занятым вышибанием мозгов из своих врагов?

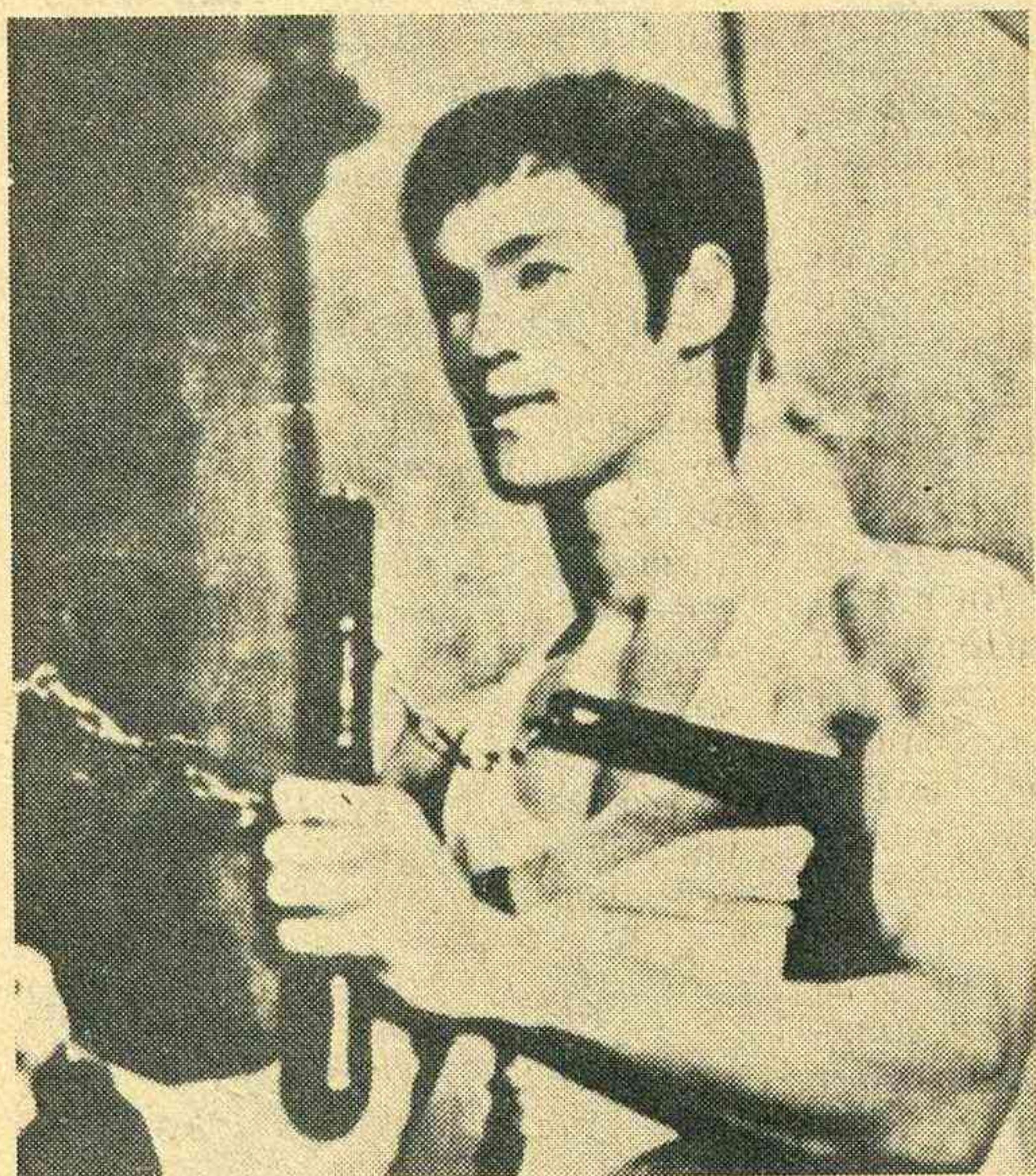
И все же актерское мастерство Маленького Дракона было оценено по достоинству. Правда, снимать фильмы с его участием было делом нелегким, потому что камера оператора не всегда успевала

зафиксировать молниеносный удар Ли. Он был быстрее 1/24 секунды, и поэтому приходилось делать много дублей.

«Работать с Брюсом было трудно, но эта работа доставляла настоящее удовольствие. Несмотря на то, что он был новичком в режиссуре, Брюс точно знал, чего он хочет, как должна перемещаться камера, какой ракурс следует выбрать оператору, — вспоминает звезда американского кино Чак Норрис. — Мы стали друзьями, и я понял самую большую проблему и, как оказалось, величайшую слабость этого человека: он не знал, как переключать «двигатель» на холостые обороты. Он так и не научился расслабляться, не обладал искусством легкого отношения к неизбежным в жизни проблемам. Им управляла только одна страсть, но она была испепеляющей».

...Семнадцать лет прошло со дня смерти Брюса Ли. Он умер, находясь в зените славы. Впервые почувствовал острое недомогание 10 мая 1973 года во время дублирования «Операции Дракон» в студии Голдена Харвеста. В книге Жерома Экьера этот эпизод описывается так: «...Вдруг он рухнул. Тем не менее смог подняться и в неустойчивом равновесии дошел до дублерской. Там он упал снова. Его рвало, тело сотрясали сильные конвульсии». Раймонд Шоу, патрон Харвеста, послал за доктором Лангфордом, который приказал перевести Брюса в госпиталь баптистов. Лангфорд рассказывал: «Ли умирал, находясь в бессознательном состоянии. Он горел в лихорадке, глаза были широко раскрыты...»

Через полтора часа врачам удалось вывести Брюса из состоя-

ния комы. Он пришел в себя, но речь оставалась бессвязной. Брюса перевели в госпиталь «Санта-Тереза», который был лучше оборудован. Мало-помалу все симптомы приступа исчезли. Его предварительно обследовали, а затем отправили в Лос-Анджелес для более обстоятельного осмотра. Американские медики под руководством доктора Ресборда сделали вывод, что приступ имел явные признаки эпилепсии, но причина болезни не была установлена. Пациенту прописали дилактин — лекарство, успешно применяемое при лечении эпилепсии.

Возвратившись из США, Брюс тотчас же включился в съемки фильма «Игра смерти», хотя чувствовал себя очень измотанным. Сказывались непрерывные, на протяжении двух лет, съемки, а ведь он еще сам писал сценарии, дублировал, вел коммерческие переговоры... Он потерял в весе около десяти килограммов. Ко всему, его начала преследовать навязчивая идея близкой смерти.

Невзирая на усталость, Ли с головой уходил в работу, но все чаще нервничал без повода. В июле 1973 года произошла серьезная стычка с Ло Вэем, его старым режиссером по студии Голдена Хервеста, и через десять дней после нее Брюс внезапно умирает в доме актрисы Бетти Тин Пэй. По этому поводу в прессе стали распространяться сенсационные, порой нелепые слухи. Правительство Гонконга вынуждено было объявить официальное расследование.

Вот что удалось установить.

К четырнадцати часам двадцатого июля Раймонд Шоу приезжает к Брюсу, чтобы обсудить сценарий очередного фильма. Затем они вместе едут к Бетти Тин Пэй, собираясь предложить ей роль. С шестнадцати часов они у Бетти — беседуют и пьют безалкогольные напитки. Внезапно у Брюса разболелась голова. Бетти дает ему экажестик (лекарство) и укладывает в постель в соседней комнате. Шоу отправляется на ужин с Жоржем Азенби в отель «Мирамар», где к ним должен был позже присоединиться и Брюс. После ухода продюсера Бетти пытается разбудить Брюса, но безрезультатно. Тогда она по телефону вызывает Шоу, который, приехав, посылает за врачом. Брюс дышит прерывисто, пульс не прощупывается. После неудачных попыток привести его в чувство доктор везет Брюса в госпиталь «Куин Элизабет». Там врачи возобновляют попытки вывести его из состояния комы: кислородная маска, массаж

сердца... Бесполезно. В двадцать три тридцать Раймонд Шоу объявляет журналистам: «Он мертв».

Давая показания следственной комиссии, Линда, жена Брюса, сказала, что тот в день смерти принял каннабис, но вскрытие установило, что это не могло повлиять на организм. Профессор Теар, прилетевший из Лондона, заявил, что доза, принятая Брюсом, «имела эффект чашки чая или кофе».

Медицинская экспертиза установила, что Брюс Ли принимал регулярно два медикамента: успокаивающий долоксен, который ему прописали еще в 1968 году после травмы спины, и антиэпилептик дилактин, выписанный доктором Рэйсбордом после первого приступа. Таблетка же экажестика, которую Бетти Тин Пэй дала Брюсу в тот роковой вечер, была не чем иным, как смесью аспирина и мепробамата. Экажестик может быть опасным, если его употреблять с алкоголем, но Брюс не прикасался к нему. Тем не менее, доктор Лисетт из госпиталя «Куин Элизабет» заявил, что сверхчувствительность к экажесту и долоксену и вызвала очередной приступ. «Его мозг стал, как губка», — говорил профессор Теар, поддерживающий версию Лисетта.

Следственная комиссия констатировала смерть от несчастного случая, но далеко не всех удовлетворил такой вывод. Стали появляться и другие, чуть не фантастические версии. В книге «Легенда о Брюсе Ли» Бен Блок пишет: «Мы не знаем всех секретов китайских гиперборцев (сверхлюдей). У них есть лекарственные ядовитые травы. Я думаю, что у Брюса Ли среди них мог быть недоброжелатель...»

Есть и еще одна версия. Роковыми могли оказаться смертельные удары замедленного действия, которыми в наши дни владеют очень немногие мастера-сенсеи. Такие удары могут обозначаться легким, едва уловимым контактом, но на самом деле они, как снаряды кумулятивного действия, позже взрываются в организме противника сгустками энергии.

Очевидцы рассказывают такой случай. Однажды Брюс Ли в тренировочном зале отрабатывал удары на манекене «мук-джунге». В это время в зал сопровождается небольшой свитой вошел старец. Осанка выдавала в нем профессионального каратиста. Сопровождавшие, как оказалось, были его учениками. Они и предложили Брюсу померяться силами с их сенсеем, сказав при этом, что он овладел боевым искусством

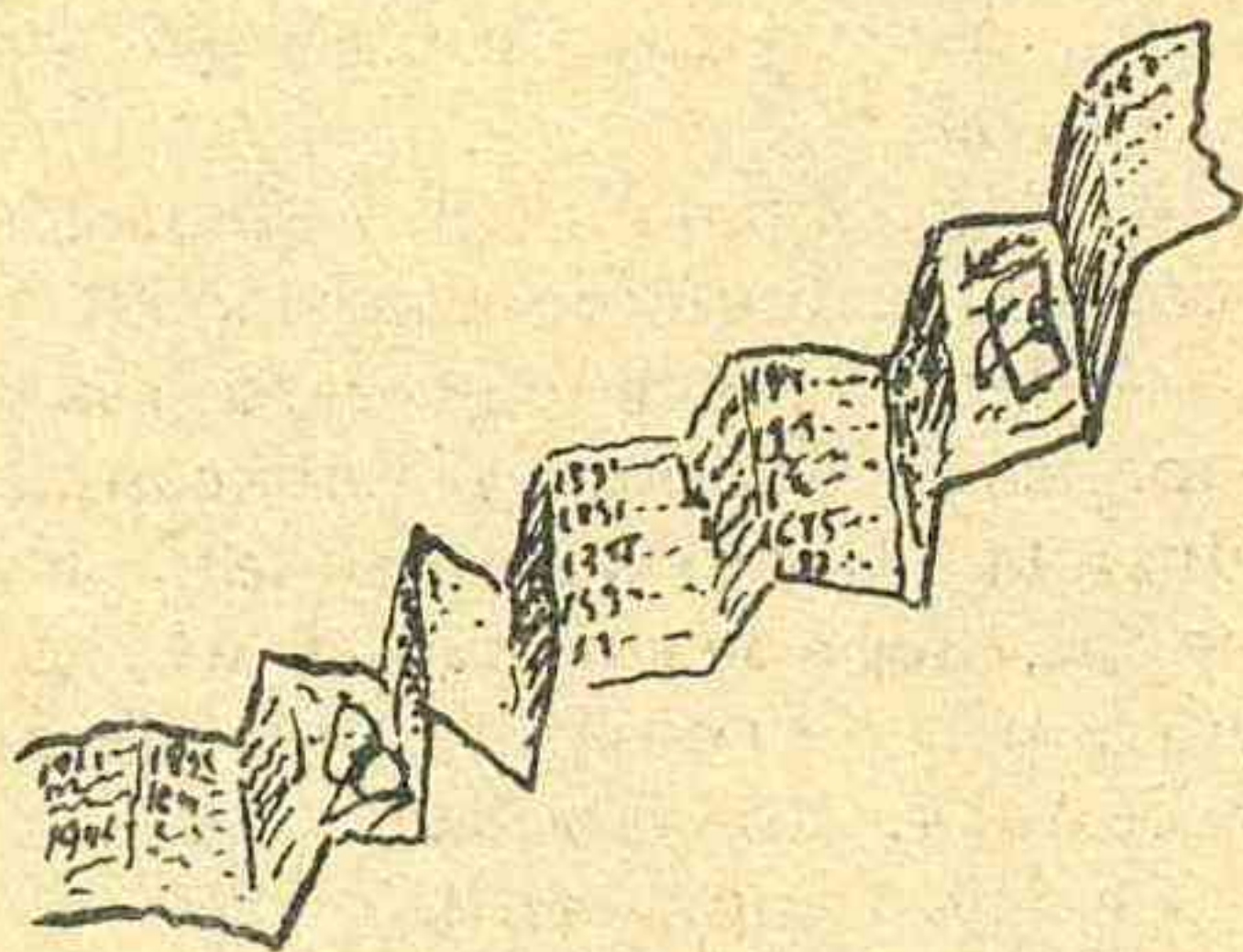
в монастыре, где прожил шестьдесят лет. «Монастырское каратэ» — это особый вид борьбы, и монахи тщательно скрывают его секреты. Брюс, естественно, обрадовался такой возможности и принял боевую стойку. Но старец и не думал сражаться. Он поклонился Брюсу, подошел к нему, едва уловимыми движениями прикоснулся к мощному торсу китайца и легко отпрыгнул назад. Сказав: «Ты великий боец», — с достоинством поклонился и вышел.

Вот этот эпизод многие и склонны считать ключом к разгадке таинственной смерти Брюса Ли. И такая версия имеет право на жизнь, ибо в восточных боевых искусствах еще много сверхъестественного и непонятного нам. Но раз уж мы затронули сверхъестественное, то нельзя обойти молчанием и такой эпизод.

В 1972 году Брюс Ли купил дом. Оказалось, что два его предыдущих владельца умерли, не дожив до преклонных лет. Едва семья Брюса переехала в него, как все домашние, не исключая собаки, стали болеть. Брюс был суеверен. Чтобы оградить себя и семью от воздействия злых духов, он установил на крыше зеркало. Но 18 июля тайфун сорвал его с крыши. Брюс Ли умер раньше, чем зеркало успели заменить...

Дмитрий РОЗАНЦЕВ
По материалам
зарубежных изданий

СУПЕРфиниш перед СУПЕРстартом...

Можно, конечно, дойти до ближайшего столба, но не нужно. Сервис в Москве не такой, правда, как в лучших домах Парижа, но лишь потому, что здесь он не «в», а «на». Завис в шлепанце на пороге родного подъезда — и беспрепятственно надергал из бородатых объявлений нужные телефонные номера.

В первых и вторых классах городских школ в связи с этим, говорят, разразилась эпидемия: дети не прыгают и не скачут на переменах, а делают «рекламу». Мой младший сын извел последний фломастер на такую: «Кооператив «Мир приключений» предлагает: писать фантастику, книги о приключениях, газеты, журналы, картинки, комиксы и так далее — лишь бы интересно!.. Вы можете прославиться — причем совершенно бесплатно! Наш «Мир приключений» — это ваш успех!»

Если не считать детского бесребреничества и «так далее» (написано как «тогдалие»), объявление ничем не отличается от тех, что украшают нынче город. Крошка лишь пожалел цветной листок из набора для труда. Наборы стали дефицитом: с ними упражняются взрослые дяди и тети, сулящие вам успех после окончания курсов скорочтения и вязания, игры на гитаре и работы с компьютерами, вождения автомобилей, машинописи, стенографии, изучения хороших манер, иностранных языков, Закона Божия. Некое ПО — кес ке сэ! производственное объединение, что ли! — гарантирует даже здоровье, красоту и счастье с оплатой хоть бы и по гарантийным письмам.

...Нам бы по-хорошему туда: к здоровью, красоте, счастью — к гармонии личности.

— Вот на компьютеры бы я походил! — говорит мой старший сын мечтательно и со вздо-

хом выдергивает клочок из совсем другой «бороды». Я тоже дергаю свой клочок. И тоже вздыхаю. Конечно, хотелось бы, пусть и за деньги, дать парню что-то в дополнение к школе. Пусть бы научился он, и правда, работать с компьютерами, освоил разговорный французский, послушал курс лекций по живописи или современной литературе, на машинке бы, в конце концов, научился печатать или читал бы страницу за пять секунд — все в его «копилку»! Но нет... Лотерейными билетиками разложены на кухонном столе красные, желтые, зеленые бумажки с телефонными номерами и рукотворными нашими надписями: «Чудо-абитуриент», «Абитуриент-91», «Эрудит», «Суперстарт», ну, и «тогдалие».

Мой старший сын — не абитуриент-91, он — абитуриент-92. Но мы решили подсуетиться, умудренные авитаминозными лицами нынешних одиннадцатиклассников, стонущих на всю школу: «Где мы были в прошлом году!!»

Они были в десятом. В десятом «А» или в десятом «Б» обычной советской школы. Не просто средней, а даже чуть выше среднего. В этой школе — математический уклон и шефы из какого-то НИИ, так и не собравшие, правда, класс информатики, но все же... В этой школе — два литературных класса и выхлопотанное директором шефство «Интуриста», оплачивающего уроки итальянского, уроки истории религии и истории мировой культуры — уроки, которые то и дело срываются, но все же, все же... Все же налицо желание педагогов научить и все же на лицах учеников не так уж редко встречается желание научиться.

— Мы через все прошли! Ну буквально через все: через кур-

сы в большой группе, через курсы в малой, через индивидуальные занятия по иностранному, русскому, литературе, истории, обществоведению. А вот поступим ли мы, трудно сказать!

Это говорили мне минувшим маем выпускницы другой школы, 232-й, тоже не просто средней — специальной, литературной, собранной из лучших детей других школ. Одна девушка ждала золотую медаль. Вторая не ждала, у нее была «четверка» по физкультуре.

— А без специальных занятий, вы считаете, нельзя поступить? Вы же по своим предметам круглые пятерочницы...

Девушки на меня посмотрели и как-то нехорошо засмеялись. И кому бы я потом ни задавала этот вопрос, слышался первым делом этот нехороший смешок.

— Ну, почему так?! Почему так?! — возмущается у меня в кухне соседка (ее сын — абитуриент-91 — выбрал экономический факультет МИСИ, от «Чудо-абитуриента», где просят полторы тысячи за предмет, они отказались, платят по шестьдесят рублей в месяц частным преподавателям литературы, математики, физики). — Почему к вузу не может подготовить школа? Ведь так никогда не было, чтоб всех нужно было пропускать через репетиторов! Почему так стало? Ну, почему?!

Я, конечно, толкую с соседкой. Но, думаю, для тех, кому поступать в этом году или в следующем, важнее мнения другие.

Сразу три телефончика на желтеньких бумажках («Эрудит», «Суперстарт», «Помощь школьникам») приводят меня на Октябрьское поле во Всесоюзный коммерческий центр «Эрудит». Ему в аренду отдано крыло обычной школы, и тесновато, надо сказать, под этим «крылом» — слишком много людей стоит здесь у информационных

стендов, сидит за длинным столом со своими договорными бумагами, продвигается в очереди к кассиру. Мамы, папы, бабушки, дедушки, ну, и, конечно, их любимые дети и внуки — к шести часам, то есть к началу работы, я насчитываю человек семьдесят.

Кто-то пришел сюда впервые. Но есть и опытные, те, что записываются уже «на третий предмет» или «на четвертый».

— А что делать? — говорит одна из таких мам, когда ей кто-то из новеньких замечает, что удовольствие выходит «дороговатенькое». — Просто так ведь не поступишь. Десять лет учили, а научили-то чему?! Я специально попросила преподавателя при мне проверить моего сына по химии. Стал задавать вопросы — в ответ: «Пы — мы, пы — мы». А «пятерка» у него стоит по химии, «пятерка»!..

— Но неужели даже отличник не в состоянии самостоятельно подготовиться к вступительным экзаменам и поступить?! — спрашиваю я у генерального директора «Эрудита» Бориса Владимировича Тандита.

— Ну, если очень талантливый ребенок...

— Очень талантливых мало, но очень способных много — вот я о них. Обязателен ли для таких ваш центр?

— Я считаю, что да, — твердо говорит Борис Владимирович. — Понимаете, много лет я принимал экзамены по физике у абитуриентов и очень редко мог сказать, что вот этот парень или эта девушка хоть что-то в физике понимают. Очень часто знают много вторичного, много всякой чепухи, а фундаментальное у них осталось как-то «за кадром».

— Но ведь школьный учитель поставил вашему абитуриенту «пятерку» в аттестате не просто так.

— Конечно. Пять баллов вышли как сумма ответов на уроках. У парня, к примеру, хорошая память, неплохо подвешен язык. Он прочел свой параграф, запомнил, когда родился Ньютон, вывел даже закон... К следующему уроку — следующий параграф, следующий закон... А из предыдущего помнится через месяц одно — когда родился Ньютон. Вот про это мне и рассказывают на вступительных. Не все, конечно, так просто. Но, тем не менее, берусь утверждать, что абитуриенты в основном физику как науку не понимают, все выученное в стройную, гармоничную систему не связывают. В школе вообще нет преемственности материала, возврата к пройденному с точки зрения

знаний, накопленных позже, нет времени на повторение, на систематизацию выученного...

— Борис Владимирович, вы — кандидат физико-математических наук... Но есть ведь еще история, литература, языки... Здесь самостоятельность и старание могут ведь принести какие-то плоды.

— Могут. Но опять же при условии, что перед нами — очень талантливый ребенок, ребенок, который сам в состоянии преодолеть разрыв школьного образования и требований вуза.

— Но в вузе не имеют права требовать что-то большее, чем обычная школьная программа!

— Там и не требуют. Просто школьная программа не освоена. Прочитаны Толстой, Достоевский, Тургенев... Пересказаны... Цитированы в сочинениях... Со слов учителя произведен анализ содержания — а далеко не все учителя способны к этому анализу сами...

— А вы уверены в тех педагогах, которых предлагаете абитуриентам в своем Центре?

— Во-первых, мы предлагаем педагогов не только абитуриентам. Одна из наших программ — помощь школьникам. Мы берем ребят, начиная с седьмого класса. У кого-то «двойки», а нужны хотя бы «тройки». У кого-то «четверки», а нужны «пятерки». У кого-то «пятерки», но мама чувствует, что это «пятерки» в слабом классе или у слабого педагога, или — ребенку намечен МГИМО, надо загодя его готовить... Что касается абитуриентов, то для них у нас есть следующий выбор: занятия в группах, которым читается курс лекций по тому или иному предмету, занятия в малых группах и индивидуальным темпом продвижения, индивидуальные занятия с педагогом — это наша новая программа «Суперстарт». Естественно, все занятия платные, мы ведь коммерческое объединение. А когда люди платят деньги, они хотят получить результат. Если нет результата, то есть если преподаватель не справляется со своими обязанностями, договоры о подготовке расторгаются.

Не из соображений контроля, а, скорее, просто из любопытства, я тоже решила сходить на пару лекций. Филиалы «Эрудита» разбросаны по всему городу. Я выбрала тот, что ближе к дому, — в 179-й школе.

Как это со мной бывает, на литературу, которую ведет кандидат наук из МГУ Александр Ильич Иваницкий, я опоздала. Но выскакивающих на крылечко

девчонок успела схватить за полы пальто. Девчонки протрещали в адрес Центра что-то вполне доброжелательное, а Таня Позднякова согласилась вернуться и поговорить со мной в директорской канцелярии.

— Что вы сегодня проходили? — спросила я.

— Мы Пушкина сегодня заканчивали...

— Не скучно было? В школе же на Пушкина столько часов!

— Нет, здесь какие-то такие нюансы!.. Вообще у Александра Ильича такое мышление!.. Ну, неординарное, понимаете?.. До того, что он говорит, никогда бы я сама не додумалась.

— Ну, например?..

— Да хоть десять примеров! Вот, смотрите: в школе мы «Дубровского» как проходили? Кто что сделал? Кто выстрелил там?.. И все такое... А здесь — и диалектика характера, и как плохие черты перерастают в хорошие!.. Или вот по «Евгению Онегину»: ну, прочитали мы его в школе, выучили письмо Татьяны наизусть... А Александр Ильич нас спрашивает: «Кто знает, почему медведь Татьяне приснился, а не другой зверь?» Я думаю: «Медведь — это же них, если по гаданьям»... Хорошо хоть вслух не сказала. Ведь в этом медведе — все главное! Посмотрите, сколько Пушкин слов посвятил, не в лоб, конечно, но все же вот чему: чужая культура проникает в Россию и заслоняет свою! А медведь ведь — самое русское животное! И когда он тянет Татьяну через ручей и говорит, что может ее перевести, — что это значит? Это значит, он предлагает ей «русский» выбор. Татьяна, с одной стороны, страшится, а с другой, понимает: не на что ей больше опереться! Но это я очень путанно, примитивно излагаю! Мы только сегодня это проходили, и я еще как следует все не обдумала. Вообще самое главное вот что: я поняла здесь, что писатели не пишут просто так, что все нагружено смыслом, каждая ремарка, каждая деталь — и надо думать, думать, чтоб понять: что ж человек хотел сказать тебе, когда все это писал.

— Научить думать, сделать так, чтоб люди думали самостоятельно, чтоб сам процесс размышления им нравился — вот это главная моя задача. — Полагаю, эта фраза вполне могла бы принадлежать и Таниному преподавателю Александру Ильичу. Но сказал ее в конце нашего разговора другой преподаватель, доктор исторических наук

Геннадий Александрович Санин. На его лекцию я успела.

В аудитории сидели человек пятнадцать. Все — из разных школ. Все — с «пятерками» по истории в дневниках. Кое-кто — еще и с опытом «непоступления» в прошлом году. Когда я спросила, доволен ли кто-то своими школьными преподавателями, трое подняли руки.

— Тогда зачем вы здесь? — спросила я этих троих.

— Мы не знаем историю, — ответил один, а двое согласно кивнули.

— Понимаете, — вмешался Геннадий Александрович. — Историю они начали проходить давно, это было детское восприятие очень сложных при всем при том исторических событий. Нельзя сбросить со счетов и то, что на многие из них поменялся взгляд, а на многие его еще предстоит поменять. Далеко не каждый педагог на это способен. Вот я был на совещании: преподаватели старших классов вздыхают о том лишь, как хорошо было раньше. Они знали, что говорить... Но многие и сейчас говорят то, что говорили раньше, а семьдесят два года ведь говорили-то не то, неправду...

— То есть вы считаете, что без какого-либо «Суперстарта» вам не стартовать? Это хорошо, что всякие такие курсы существуют?

— Да! — хором ответили в аудитории.

— Нет! — сказал доктор исторических наук Геннадий Александрович. — Появление всех этих «суперстартов» свидетельствует о суперфинише нашего образования. Свидетельствует о том, что нужны срочные, суперсрочные перемены в школе. Неоднократно я их предлагал. Специализацию образования с пятого класса. Приглашение в школу, начиная с восьмого, вузовских преподавателей. Аспиранты у нас не знают куда себя деть! Это молодые, горячие ребята — пусть их возьмут, пусть дадут им возможность в школе защитить диссертацию! Почему

в школе не может быть кандидата наук? Почему у нас в школе нет профессора?

— Вы думаете, пойдут в школы кандидаты наук и профессора?

— Если им дадут соответствующий статус и нормальную зарплату — почему же нет?!

— А вы бы пошли?

Глупый вопрос. Он уже пришел. Он уже сидит за облупленным школьным столом. И не только потому, что здесь ему платят. У Геннадия Александровича, узнала я, есть курс истории России из сорока лекций, который он читает экскурсоводам, — не ради денег, денег-то там почти никаких и нет, просто он хочет, чтобы люди знали историю и умели думать. В частности, и над самой современной — той, что делается сегодня. Да и вообще — он противник экзаменов в вузы. Считает, что экзамен — не показатель способности человека к анализу минувшего, пониманию сегодняшнего, проектированию будущего. Он бы отменил все экзамены, будь его воля, зачислял бы всех, но дал бы преподавателю возможность отобрать из студентов тех, кого не стыдно было бы назвать своими учениками, а не тех, у кого были родители, способные заплатить репетитору.

Но, увы, пока мы имеем то, что имеем: с одной стороны — «суперфиниш», с другой — «Суперстарт». Первый — совершенно бесплатно. Второй... В связи с инфляцией нашего родного рубля стоимость подготовки называть нет никакого смысла. А вот телефоны, сказали мне, вряд ли изменятся. **Запишите, кому надо: 944-45-80, 190-79-19.** Не исключено все же, что сегодня их «Суперстарт» — это ваш успешный финиш! По крайней мере, здесь вам не просто скажут, что нужно учиться, учиться и учиться, но и научат знать абсолютно четко то, что абсолютно четко нужно знать. «Если, конечно, человек не совсем

дурак и во время лекций не курит в туалете», — как сказал мне один парень.

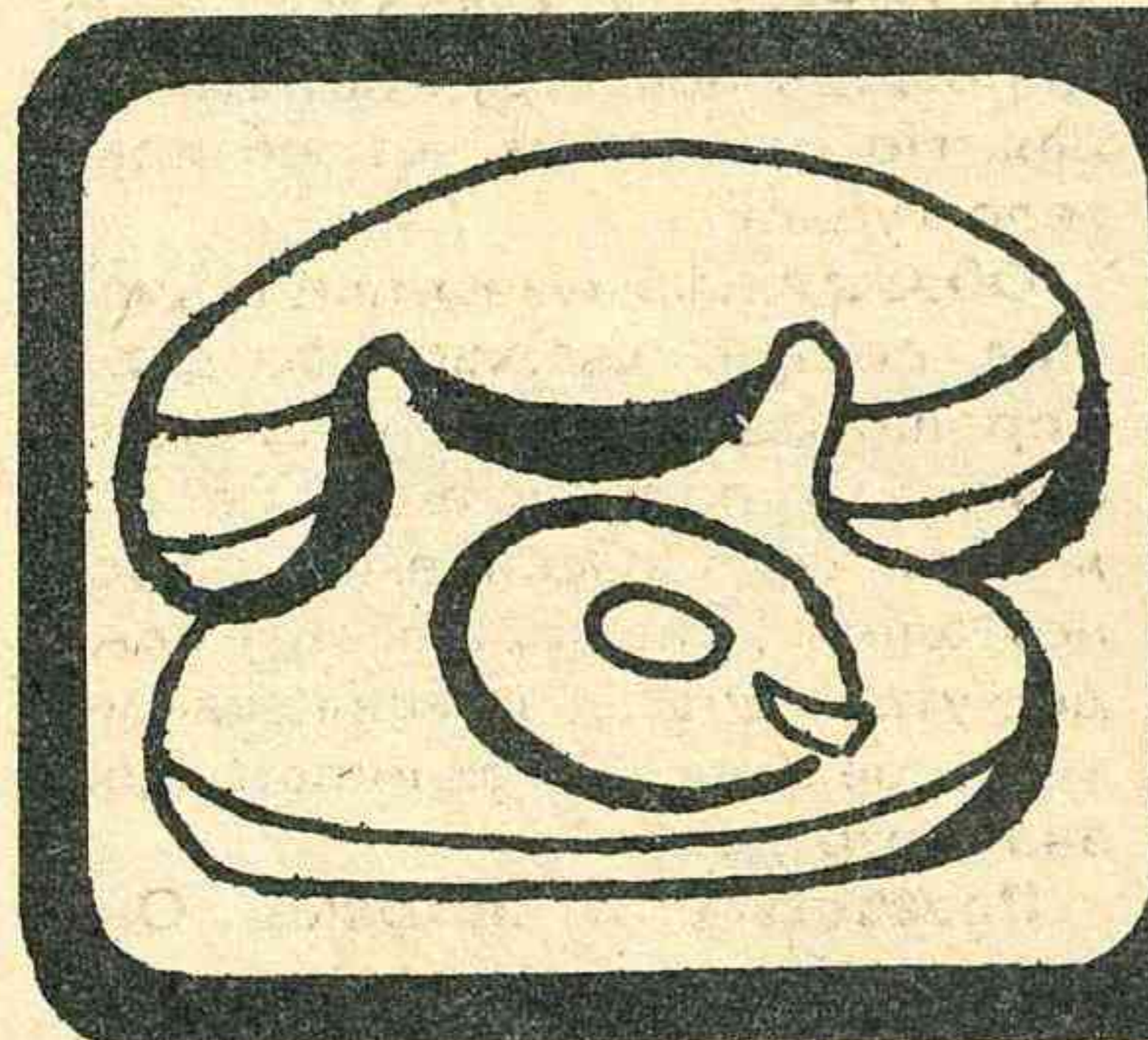
Быть может, правда, вступительные экзамены придется вам сдавать в разбитых кроссовках и неприлично потертых брюках. Быть может, ваша мама не должна сейчас покупать вам в приданое сервизик или что-то иное, пойманное в магазине. Быть может, что-то из купленного раньше некоторым придется и продать. Грустно писать об этом, но это так: образование в нашей стране стало платным, и сегодня, как в старые и не для всех добрые времена, мы должны выбирать или учебу, или хлеб с маслом. Утешимся хотя бы тем, что образование — как раз та ценность, которая не поддается никакой инфляции.

...Мы едем с сыном на Октябрьское поле. Он усаживается заполнять какие-то бумаги, где проставлены цифры с двумя нулями. Я становлюсь в кассу, сводя к нулю содержимое своего кошелька. Очень жаль цветной телевизор, ну просто очень!.. Но, в конце концов, и черно-белый пока сойдет — ближе к жизни. А там, дальше, когда мой младший подрастет, может, жизнь уже переменится! К лучшему. Может, хотя бы он сумеет стартовать без «Суперстарта»? Возможно, он и не очень талантлив, но, без сомнения, мальчик не без способностей. С «тогдашние» у него проблема возникла лишь потому, говорит мне его школьная учительница, что во втором классе по новой программе взяли и заменили урок русского языка на «конструктор». «Целый год, представляете, дети должны собирать и разбирать железки из одной коробочки!» — так говорит учительница.

И еще она спрашивает: ну о чем, о чем там думают, в этом Наробразе!

Эй! Там, наверху!.. О чем думаете!..

Ирина ПАВЛЮЧИК

«СУПЕРСТАРТ» — СТРАТЕГИЯ УСПЕХА!

Телефоны в Москве:

944-45-80

190-79-19

Сэлфи -92*

Мы предлагаем вам путешествие в Минск, мы предлагаем вам приятные подарки, мы предлагаем вам участие в показе моделей, мы предлагаем вам конкурс фотомоделей «Сэлфи-92»!

Но для начала мы предлагаем вам сделать из себя настоящую фотомоделю!

Если ты хочешь стать фотомоделю или манекенщицей, мало иметь симпатичное личико (оно совершенно естественно для юной девушки 13—18 лет). Надо иметь красивую фигуру, упругие мышцы, легкую походку, гибкий позвоночник, гладкую кожу, приятный цвет лица, хорошие волосы; надо уметь владеть своим телом, мило и искренне улыбаться. Добиться этого помогут тебе наши рекомендации, являющиеся одновременно и условиями конкурса «Сэлфи-92».

Начнем с лица. Оно должно иметь красивый цвет и гладкую кожу. Для этого прежде всего исключи портящие кожу продукты: алкоголь, жирное, копчености, булочки и торты, кофе, соленья, маринады. И (обязательно!) — сигареты, это медленно действующее средство дряхления. Если ты всерьез хочешь подготовиться для профессии манекенщицы или фотомодели, тебе необходима красота, а значит, здоровье. Впрочем, решай сама, мы не настаиваем на твоём участии в конкурсе.

Постарайся есть побольше овощей, фруктов, творога, пить соки. Обязательно «геркулес» — овсяные хлопья или крупа.

Предлагаем завтрак красавицы: 4 ст. ложки овсяных хлопьев замочить на ночь в кипяченой воде, утром добавить одну чайную ложку меда и 3 тертых грецких ореха, перемешать и съесть. Запить можно свежим, вкусным, но не очень крепким чаем либо вообще без сахара, либо с медом или вареньем. Если очень хочешь победить в нашем конкурсе, придется придерживаться диеты и раско-

* От англ. selfmade man — человек, сделавший сам себя.

Внимание! конкурс!

шелиться не на шмотки, а на хорошие продукты. А вдруг этот конкурс станет началом твоей интересной трудовой жизни где-нибудь там... или здесь... Но это — лирико-экономическое отступление, а теперь снова вернемся на кухню.

Будущим фотомоделям абсолютно не рекомендуется есть бутерброды с маслом и колбасой, достаточно только хлеб с небольшим количеством масла или совсем без масла. Хотя сало, если любишь, есть можно. В течение дня тебе придется еще много заниматься собой, а это потребует большого количества энергии. Сало же легко усваивается, высвобождая энергию, которую тебе придется тратить на гимнастику, до которой мы еще не дошли.

Итак, первое, что тебе необходимо сделать, — организовать рациональное питание. Заметь, мы не забыли, где мы живем и в какое время, но даже сегодня можно позволить себе варьировать между перловой, манной или пшенной крупой (сварить пару столовых ложек — и каша готова) и выбирать между свеклой, сырым луком, морковью и квашеной капустой. Ешь не

торопясь, это полезно. И красиво.

Не повредит визит к косметологу и стоматологу.

Теперь о волосах. Чтобы они блестели и не секлись, регулярно смазывай кожу головы кашицей из черного хлеба. Вместо шампуня употреблять можно яичный желток, если яйца не по талонам. Но даже если и по талонам, промывай голову желтком хотя бы раз в месяц.

Самым отчаянным можно порекомендовать втирать в корни волос сок лука или отвар из луковой шелухи. Средство для оздоровления волос очень хорошее, но запах долго не исчезает.

Утром и вечером не забывай про горячий и холодный душ. Хорошо, чтобы струя была сильная. Но если душа нет, обтирай тело губкой.

Обязательна ежедневная большая порция свежего воздуха. Хорошо терзать свое тело кроссами или пробежками. Ты помнишь, как в «Осеннем марафоне» финн (или норвежец?) каждое утро забегал к Басилашвили, и они бежали... Этот иностранец знал, что делал!

Позаботься о походке. Она должна быть естественной, шаг от бедра, живот втянут, ягодичи

напряжены, подбородок приподнят, спина выгнута, колени при шаге выпрямлены до отказа, предплечье не закреплено, кисть свободна и в кулак не зажата...

... Теперь на секунду оторвись от журнала, надень туфли на каблуке, освободи несколько метров для свободного перемещения и ходи под музыку (если нет магнитофона, пой сама). Ходи легко и непринужденно приблизительно час в день. (Только, пожалуйста, не перепутай, что должно быть напряжено, а что приподнято...).

И еще. Перед комплексом гимнастических упражнений, который приведет твои косточки, суставы и мышцы в гармонические отношения друг с другом, последнее, важное условие.

У фотомодели должно быть отличное внутреннее состояние, доброжелательный взгляд, улыбка, излучающая добро.

Люди вообще не должны быть злыми, не так ли? А участвующие в конкурсе — особенно. Постарайся жить по Библии, доброта и порядочность украшают любого, а уж фотомодель — обязательно.

Итак, гимнастика. Упражнения не сложны, но требуют времени и настойчивости. Если ты пропустишь хотя бы пару дней, то боль в неокрепших, нена тренированных мышцах станет для тебя уважительнейшей причиной, чтобы забросить этот гимнастический комплекс подальше. Но так, скорее всего, поступят те, у кого желание участвовать в нашем конкурсе не очень сильное. Ну что ж, если не очень хочется, то не очень получается.

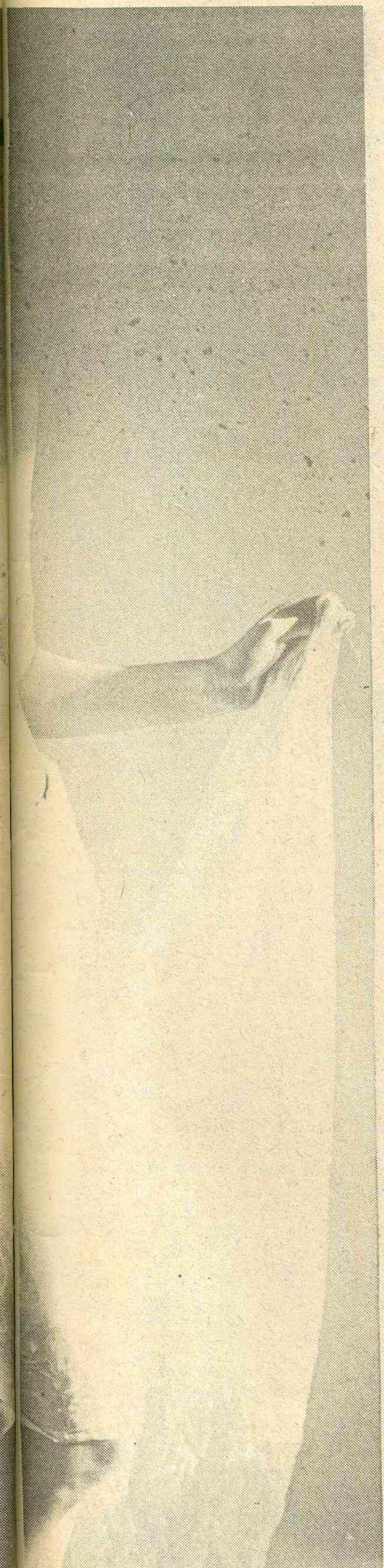
А теперь — выпрямись, подтяни живот, напряги ягодицы, плечи — назад и вниз, чтобы лопатки не выпирали, грудь — «в потолок», макушкой тянись вверх, чтобы мышцы шеи были растянуты, подбородок тоже вверх так, чтобы (в зеркале) под зрачком внизу глаза не было видно белка.

Научиться так держаться всегда — это очень трудно, пожалуй, самое трудное. Но за месяц можно освоить.

Особенное внимание обрати на ягодичные мышцы. Ты должна их держать постоянно в напряженном состоянии. Попробуй, например, даже стоя в автобусе заниматься таким упражнением: сжимать и разжимать мышцы ягодиц и живота. Это просто, незаметно со стороны и очень эффективно. У тебя будет очень красивый «тыл»...

А теперь, не забывая про осанку, приступай к упражнениям.

1. Поворот шеи налево-направо с акцентом, то есть с точно (на секунду) зафиксированным положением головы. И еще этот поворот можно назвать «со взглядом», то есть, повернув голову, например, направо, надо точно взглянуть вправо (уметь акцентировать взгляд — немаловажное достоинство манекенщицы).

2. Наклоны шеи вправо-влево медленно, чтобы шейная мышца успела сгруппироваться. То же вперед — назад.

3. Круговые движения шеи по четыре круга в разные стороны.

4. Вращение плечами 4 вперед — 4 назад — 4 вперед — 2 назад с максимальной амплитудой, т. е. максимально их проворачивать. Рекомендуются, как и предыдущие упражнения, выполнять медленно.

5. Ноги на ширине плеч, присогнутые в коленях. Держа это положение, повороты туловища направо-налево, с максимальной амплитудой. Следи, чтобы нижняя часть тела оставалась совсем неподвижной.

6. Подойди к зеркалу и стань к нему спиной. Ноги на ширине плеч. Поворот туловища с выбрасыванием рук вперед так, чтобы в фас увидеть себя в зеркале, нижняя часть тела при этом должна быть неподвижна.

7. Прямые руки разведены в стороны. Вращение сначала кистями при полной неподвижности всей руки, затем предплечьем. 4x4.

8. Наклоны вниз — в сторону (не забывай про прямую спину и держи мышцы ягодиц и живота).

9. Руки в замок. В полуприсяде (см. упр. 5) делаем круг руками перед собой (раз), наклон вправо (два), круг (три), наклон влево (четыре).

10. Пружинящие наклоны вперед, руками касаться пола за пятками. Чередовать с наклонами назад (руки на поясе).

11. Стоя на четвереньках (держим мышцы живота), 10—20 махов в сторону правой и левой ногой, 20 — назад. (Голова поднята, спина — прямая).

12. Лежа на спине (ноги, согнутые в коленях, стоят на полу) 30 раз поднять таз вверх (мышцы ягодиц не расслабляем).

13. Лежа на животе, выполни 20 махов вверх прямой ногой.

14. Лежа на спине, руки за голову, колени согнуть, затем ноги выпрямить под углом 90°, снова согнуть и положить на пол. Таз от пола не отрывать.

15. Не забудь про «ножницы», «велосипед», «березку», «лодочку», «кошечку».

16. Сидя на полу — наклоны к ногам, старайся достать грудью колени.

17. То же — ноги в стороны (но не сиди на копчике) по три наклона к правой ноге вперед, к левой ноге.

18. Сидя на полу, руки за головой, ходи на ягодицах вперед — назад на 8 счетов.

19. Бег на месте, прыжки под музыку — потанцуй!

Ну, правда же, упражнения не трудные? Главное — заниматься регулярно и терпеливо.

И вот, когда пройдут два месяца мучений и лишений, когда твои плечи развернутся, спина выпрямится, а живот исчезнет, когда не будет никаких проблем с лицом, а на каблуках ты будешь чувствовать себя, как в спортивных тапочках, приди в фотоателье и сделай два снимка: «портрет» и «в полный рост» (не забудь улыбнуться в объектив). Вложи фотографии в конверт и надпиши на нем хорошо знакомый тебе адрес «Паруса»: 220600, г. Минск, ул. Короля, 12, «Сэлфи-92». Не забудь указать в записочке жюри свое полное имя, возраст, домашний адрес и данные о росте, объемах груди, талии и бедер (современные стандарты: рост 175, о. г.— 88—92, о. т.— 60—64, о. б.— 90—96).

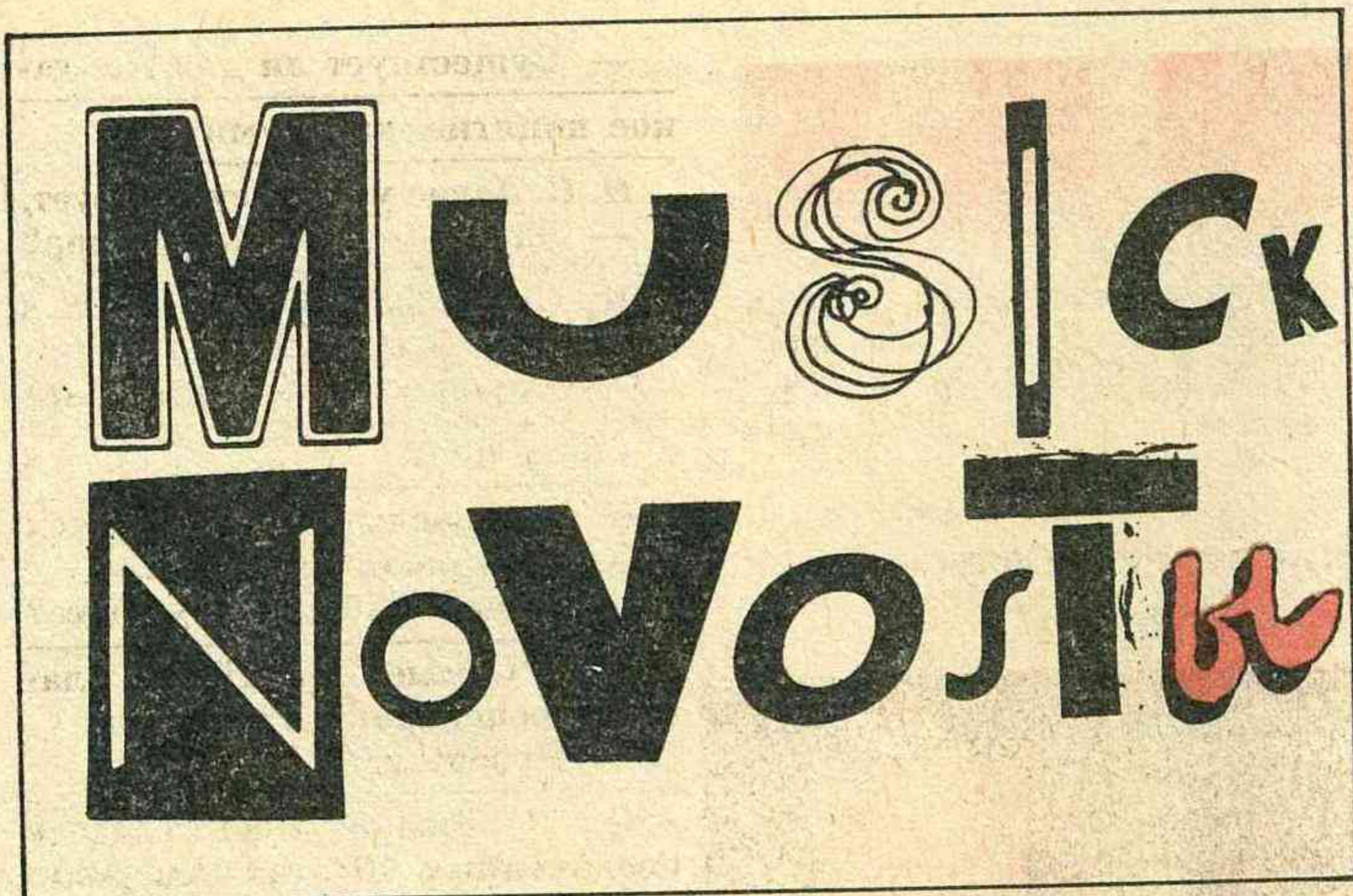
Наше редакционное жюри, в которое вошли руководитель школы манекенщиц Тамара Гончарова, фотохудожник Елена Адамчик и члены Большой и Малой редколлегий, определит победительниц конкурса «Сэлфи-92» и пригласит их в Минск.

Проезд в оба конца и гостиницу оплачивает редакция. Девушкам предоставляется возможность участвовать в показе моделей одежды весенне-летнего сезона в минском салоне «Практическая мода», а главным подарком будет то, что фотографии этих девушек будут украшать наш журнал в течение всего 1992 года! Мы желаем удачи жаждущим ее и ждем в гости победительниц конкурса!

Р. С. Не забудь, что главными условиями конкурса является организация тобой рационального здорового питания, регулярные занятия гимнастикой и внутренняя гармония. Твои фотографии ждем к ноябрю 1991 года.

Спешите принять участие в нашем конкурсе «Сэлфи-92», а заодно, может быть, и приобрести неплохую, но сложную профессию фотомодели или манекенщицы! Успехов всем!

Телефон для справок: 20-22-56.

— Каким вы видите себя через 50 лет?

И. С. Через 50 лет я вижу себя мертвым.

— Именно через 50?

И. С. Ну да, мне как раз «исполнится» 81 год.

— Представляете ли вы себя без «Бригады С»? Если да, то в каком виде?

И. С. Имеется в виду — в музыке?

— Вообще...

И. С. Вообще представляю, конечно. В каком виде — не знаю, но совершенно нормально, тем не менее, представляю себе себя вне «Бригады С».

— Иначе говоря, чем вы планируете заниматься вне «Бригады С»?

И. С. Пока группа существует, я не планирую заниматься чем-либо кроме музыки. Когда возникнет такой момент и «Бригада С» перестанет существовать, наверное, что-нибудь придумаю.

— Как вы думаете — когда и как это произойдет?

И. С. Не знаю, когда и тем более не знаю, как это произойдет. По всей вероятности, это знает только Господь Бог.

— Любите ли вы деньги? Если да, то в каком количестве?

И. С. По-моему, нет людей, которые не любят деньги, но любить их можно по-разному. Можно, скажем, как тот же Плюшкин, а можно не обращать на них никакого внимания. Без денег на данный момент обходиться нельзя, и поэтому все мы вынуждены сегодня любить деньги.

В каком количестве — не знаю... В достаточном, чтобы не умереть с голода.

— Когда вы впервые решили заняться музыкой?

И. С. В 14 лет.

— Что послужило толчком к этому?

И. С. Я научился играть на гитаре.

— Кого для себя вы можете включить в число своих учителей, ежели таковые имеются?

И. С. Владимира Высоцкого и Велимира Хлебникова.

— Хлебников — это поэзия или музыка?

И. С. Хлебников — это все.

— Чем для вас была «Бригада С» раньше, т. е. тогда, когда она зарождалась, и чем она является сейчас?

И. С. Раньше это была коммуна; теперь — это рок-группа, в которой меньше братства с одной стороны, но больше профессиональных отношений — с другой.

— А что было лучше?

И. С. Всему свое время. Я думаю — и первое, и второе неплохо.

— Представим себе: судьба дает вам шанс «вернуться к нулю» и начать все сначала. И, начав, в свою очередь, все сначала, стать первоклассным политиком, общий уровень которого был бы на порядок выше вашего уровня, как музыканта. Что бы вы предпочли — стать

первоклассным политиком или остаться Игорем Сукачевым, таким, какой он есть сейчас?

И. С. Остаться таким, какой он есть сейчас.

— Испытываете ли вы сексуальное удовлетворение от своих выступлений?

И. С. Я испытываю сексуальное удовлетворение от половой жизни. От музыки я испытываю несколько иные чувства.

— Расскажите немного о ваших родителях.

И. С. Мои родители — пенсионеры. Папа в прошлом — инженер, мама — повар.

— Какое влияние оказали они на вас в момент вашего становления как творческой личности?

И. С. Они не хотели моего становления как творческой личности.

— И всячески препятствовали этому?

И. С. И всячески препятствовали этому, за что я им и благодарен по гроб жизни.

— В чем состоит для вас смысл вашей жизни?

И. С. На этот вопрос мне трудно ответить.

— Расскажите вкратце о ваших школьных годах.

И. С. Учился я в 819-й школе Тушинского района города Москвы. Учился не очень хорошо, но и не очень плохо. Были двойки, были и пятерки. Были и замечания, были и педсоветы. И два дневника тоже были иногда. Как у всех, короче... Кроме всего прочего, у нас был очень дружный класс. Он и до сих пор остается таким.

— Драки были?

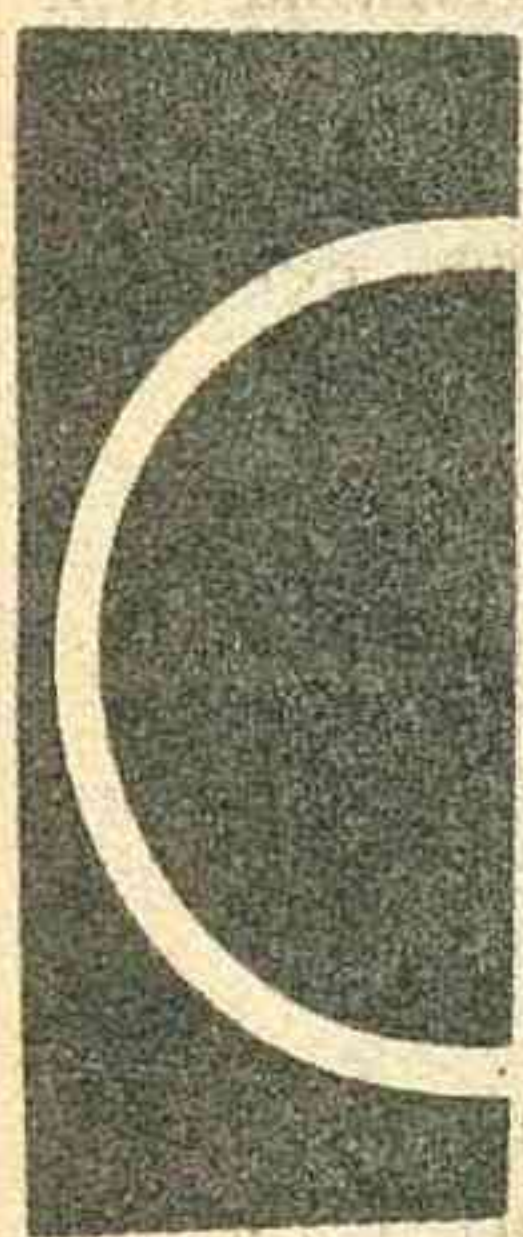
И. С. В школе — крайне редко. Драки были на катке и на танцах, в основном.

— К какому сословию вы себя сейчас относите?

И. С. Интеллигенция.

— Что вы вкладываете в это понятие?

И. С. Интеллигент — это нечто не зависящее ни от социума, ни от тех знаний, которые мы получаем в институте культуры. Интеллигентность, как мне кажется, — это некоторое внутреннее состояние...

ЧАСТЛИВЧИК

/Интервью с лидером «Бригады С»
Игорем Сукачевым/

— Существует ли для вас такое понятие, как кумир?

И. С. Давно уже не существует.

— Давно — это с каких пор?

И. С. С тех пор, как я стал взрослым человеком.

— Хорошо, а взрослым — это с каких пор?

И. С. Взрослым? Видимо с тех пор, как прошла юность...

— Ваши планы на будущее?

И. С. Самые ближайшие планы — репетировать и играть.

— Играть где?

И. С. Зимой 1991 года в Соединенных Штатах Америки.

— Хотели бы вы, чтобы вас называли по имени-отчеству?

И. С. Нет.

— Иначе говоря, вам хотелось бы на всю жизнь остаться просто Игорем?

И. С. Да. И мне очень приятно, когда дети, к примеру, называют меня по имени. Я очень рад этому...

— Хорошо, но это нормально до 30, ну, в крайнем случае до 40 лет. Но в конце концов вам ведь когда-нибудь будет и 60...

И. С. Я думаю, что и в 60 будет приятно. Пока что у меня не возникает особого желания становится «мэтром» или «бывалым человеком», обремененным какой-то там, я не знаю, славой, популярностью или призыванием.

— Насколько приятно ощущать себя кумиром?

И. С. Я ни разу не ощущал себя таковым, поэтому ничего на этот счет ответить не могу.

— Довольны ли вы своей жизнью в целом?

И. С. В целом — нет, конечно же. Ведь в целом и нельзя быть довольным... Именно это и заставляет в жизни нас что-нибудь делать. Довольствие — это состояние успокоенности, успокоенность — это полнейший штиль; это смерть...

— Скажем тогда проще — счастливы ли вы?

И. С. Да, я счастлив!
Все.

Василий МАВР

До недавнего времени основными достопримечательностями города М (от слова Минск, разумеется,— прим. Ю. М.) являлись Дом правительства и Центральный универмаг. Однако не далее, как в 1989 году, к ним присовокупилась еще одна, не менее, а может быть, и более достопримечательная достопримечательность; и имя ей было — «Ы.Ы.Ы.» и Вася Шугалей.

Что такое «Ы.Ы.Ы.»! Сам Вася объясняет это не иначе, как:

— Ы — это когда больно... Это название о страдании людском.

Добавлю немного от себя.

Творческая сущность группы заложена в небольшом, но достаточно выразительном стихотворении, ставшем в отдельных регионах нашей обширной Родины уже классикой (со слов Василия, разумеется...— прим. Ю. М.). Предоставляю его вашему вниманию:

Бу — Бу

Я бу — бу тебя в губу,
ты бу — бу меня в губу.

Я так больше не могу.

Я хочу бу — бу в бу — бу...

Без сомнения, приверженность группы к любовной тематике в нынешний век гласности и демократии делает ей несомненную честь.

Почти два года прошло со дня формирования состава группы, который в конце концов так и не смог сформироваться. Тем не менее, в результате массы перипетий образовался костяк в лице вышеозначенного Васи Шугалея (вокал) и Александра Лондинского (бубен), позволивший группе в течение незначительного количества времени обрести свое Ы...

Стиль группы именовался по-разному. В Белоруссии с легкой руки одного рок-критика это называют «клоун-роком», Артем же Троицкий определил это, как «пато-рок» (от слова патология — прим. А. Т.). Не берусь давать какие-либо комментарии по этому поводу, однако, без сомнения, и в том, и в другом случае никакого отношения ни ко Льву Лещенко, ни к Иосифу Кобзону воспроизводимая ими музыка не имеет.

Пластинок, в отличие от описанных мною в предыдущих номерах «Musick Novostы» «Ночного проспекта» и «Коллежского Ассессора», группа не имела и не имеет. Более того, отсутствует даже магнитоальбом коллектива, однако в ближайшее время планируется выпуск одного под названием «Полюби меня не так».

Кроме всего прочего, хотелось бы отметить и тот момент, что всего за два года своего существования группа дважды прекращала свое существование. Однако приверженность ее членов к любимому делу заставляла их вновь и вновь собираться вместе и «творить, творить, творить» (как завещал великий Вася,— прим. Ю. М.).

И в заключение несколько слов о концертной деятельности коллектива. За столь небольшой срок своего существования, если

не принимать в расчет периоды распада, музыкантам удалось устроить два грандиозных скандала на фестивале белорусского рока «Тры колеры» (1990 г.) и прошлогодней презентации пластинок хит-парада «Белорусская молодежная» (последний чуть было не закончился крупным штрафом,— прим. Ю. М.) и один маленький скандалчик на ЦТ (новогоднее шоу «Программы А»,— прим. Ю. М.).

Обо всем остальном в следующих номерах «Musick Novostы» и, как говорит Вася:

— Спокойной ночи...

Юлиан МАВР

P.S. Прошу не путать стихотворения Васи Шугалея, опубликованные в «Парусе» № 2 за 1991 г., с его сценическими стихами.

P.P.S. К «Musick Novostы» группа «Ы.Ы.Ы.» имеет ровно столько же отношения, сколько журнал «Rolling Stone» к группе «Rolling Stones».

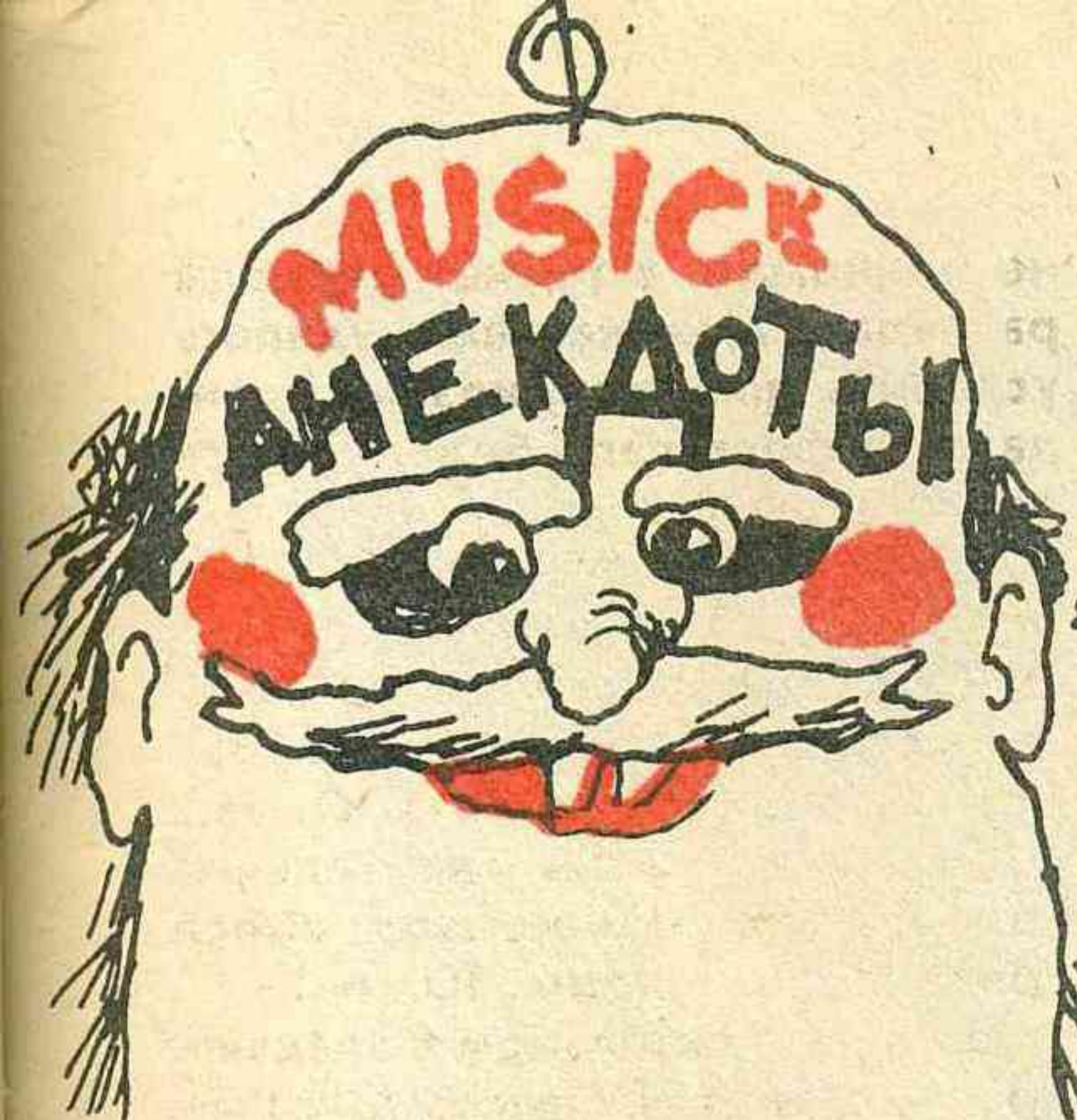
P.P.P.S. В настоящее время состав группы выглядит так: ШУГАЛЕЙ Василий (вокал), ЛОНДИНСКИЙ Саша (бубен), ГАПАНОВИЧ Артур (гитара), КОНДРАТЮК Александр (скрипка) и т. д. (всего 15 человек).

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

БУ.БУ

ЗАМЕТКИ О МИНСКОЙ
РОК-ГРУППЕ
"Ы.Ы.Ы."

Некий незадачливый композитор считал своим долгом выносить на суд Равеля каждый свой новый опус.

Однажды он явился к Равелю и, протягивая ему партитуру, произнес:

— Маэстро, вот мое последнее произведение.

— Ваше последнее произведение?! — воскликнул Равель. — В таком случае, я вас поздравляю!

* * *

Бернард Шоу сидел в ресторане и был раздражен шумной игрой ресторанного оркестра.

— Скажите, — спросил Шоу дирижера, — играет ли ваш оркестр по заявкам публики?

— Конечно, — с готовностью ответил дирижер.

— Превосходно! В таком случае попросите его сыграть в домино.

* * *

...П. И. Чайковский, горячо любя свою оперу «Евгений Онегин», через 10 лет после премьеры оперы писал брату Модесту: «Вчера сыграл чуть не всего «Онегина». Автор был и единственным слушателем. Слушатель до слез восхищался музыкой и наговорил автору тысячу любезностей».

* * *

Однажды Брамс аккомпанировал плохому виолончелисту. Брамс нарочно играл громко, чтобы заглушить скверное исполнение партнера. Это не понравилось виолончелисту. Он сказал раздраженно:

— Вы так играете, что я сам себя не слышу!

— Счастливец! — ответил ему Брамс.

Подборку подготовил
Жан ХАЗАН

MUSIC DREVNOST

Начиная с этого номера, редакция «Musick Novosti» предлагает вашему вниманию новую рубрику газеты «Musick drevnosti» в лице ее постоянного ведущего Жана Хазана. Приятных чтений вам и всего наилучшего.

МУЗЫКА ДЛЯ ТОЛСТЫХ

Советский Союз — знамя трудящихся, светлый маяк всех народов... Советским артистам уделяется особое внимание — ведь они представляют страну, где строят коммунизм, страну, в которой живет и которой руководит любимый Сталин.

«...Что же в области музыкального искусства делается в капиталистических странах? Даже в странах с богатой давней музыкальной культурой, как Италия, Франция, Германия, симфонические концерты звучат редко. Такое положение характерно для всех капиталистических стран, и происходит оно не потому, что в этих странах недостает музыкантов или не хватает слушателей.

Симфонические концерты терпят убыток, потому что народ буржуазных стран слишком беден, чтобы попасть в театры или на концерты. А буржуа не интересуется серьезной музыкой, которая передает настоящие глубокие переживания и осмысливает исторические события. Капиталист согласен слушать только музыку, которая способна его развлечь. Капиталист признает музыку кафе и ресторанов, а ее ни к чему играть симфоническому оркестру. Джазы различных составов, всевозможные sweet (сладкие), hot (горячие), свинг, буги-вуги, ре-боп и т. д. призваны создавать музыку современной буржуазии.

...Современный джаз уже ничего не сохранил от красоты негритянских песен и танцев. Великий писатель Горький в знаменитой своей статье «О музыке толстых» писал, характеризуя музыку джазового оркестра: «Вдруг в чуткую тишину

начинает сухо стучать какой-то идиотический молоточек — раз, два, три... десять... двадцать

ударов, и вслед за ними, точно кусок грязи в чистой прозрачную воду, падает дикий визг, грохот, вой, рев, треск; срываются нечеловеческие голоса, напоминая лошадиное ржание, раздаются хрюканье медной свиньи, вопли ослов, любовное кваканье огромной лягушки; весь этот оскорбительный хаос бешеных звуков подчиняется ритму едва уловимому, и, послушав эти вопли минуту, две, начинаешь невольно вообразить, что это играет оркестр безумных. Это радио утешает мир толстых людей, мир хищников, сообщая им по воздуху новый фокстрот в исполнении оркестра негров. Это — музыка для толстых».

Горький с гениальной чуткостью понял классовую сущность джазовой музыки. Извращенные вкусы империалистической буржуазии уже не воспринимают здоровую музыку. Только необычные какофонические сочетания звуков могут расшевелить тупых, разболтанных слушателей джаза.

Музыкальные инструменты джазового оркестра, в сущности, те же, что и в других оркестрах. Но, попадая в джазовый оркестр, инструмент как бы теряет свою привлекательность и перестает быть самим собой. Звучность джаза построена на неестественных звуках, насилующих природу этих инструментов, и уродливых способах игры на них. Инструменты джаза гогочут, скрежещут, взвизгивают, скрипят.

Такова музыка современного капиталистического мира, она калечит слушателя и исполнителя. Ее осудил советский народ, и это записано в Постановлении ЦК ВПК(б) от 10 февраля 1948 г. и в решениях I Всесоюзного съезда советских композиторов (1948 г.).

И. ОБРАЗЦОВА. «О музыке и музыкантах». М., «Молодая гвардия», 1952 г.

анналь

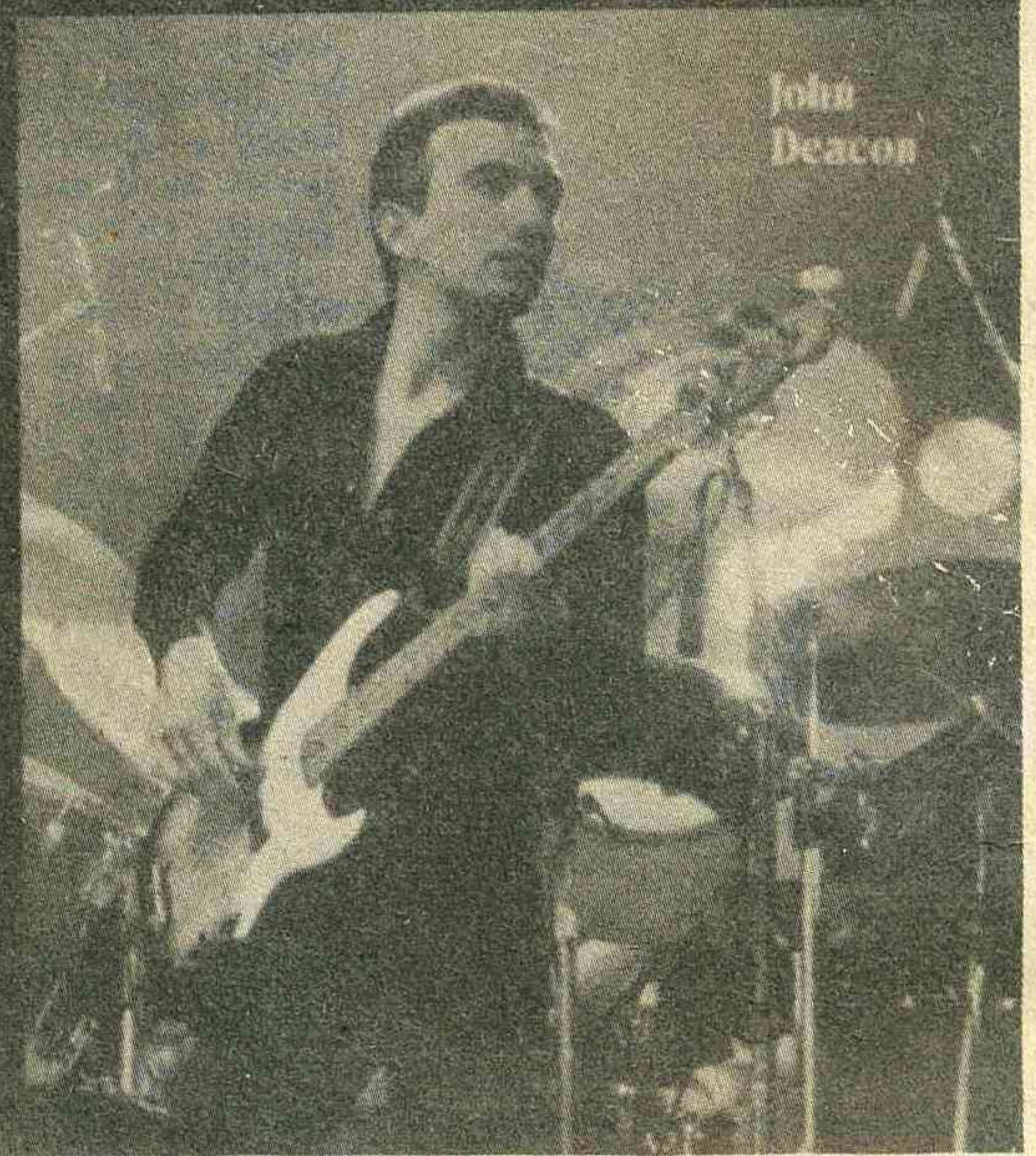

Roger Taylor

***** Queen *****

Brian May

John Deacon

FREDDIE MERKURY
ИЗ "КВИН"

© АРХИВ STEL

«Знаете, я страшно застенчив,— говорит Фредди Меркюри, вокалист и ведущая фигура группы «Куин».— Я люблю развлекаться и получаю огромное наслаждение от работы, хотя и отношусь к ней очень серьезно. А когда человек застенчив и хочет просто работать как следует, его начинают считать выскочкой». Двигателю «Куин» — наиболее зрелищной и экстравагантной группы, основанной почти 20 лет назад, когда английский рок переживал период своей блистательной зрелости,— Меркюри все еще удается оставаться загадкой. На сцене он непосредственен и забавен, дерзок и предприимчив, играя свою роль в лучших традициях английского театра. Но вдали от публики и студии звукозаписи Меркюри выглядит неброско, весьма сдержан в общении с незнакомыми людьми и не стремится быть в центре внимания.

Он может служить классическим примером певца-актера, умирающего и воскресающего на сцене, отдающего публике каждый раз частицу себя. И, несомненно, стабильная позиция «Куин» как одной из самых популярных групп подобного рода — в значительной степени заслуга их замечательного вокалиста.

Десятилетия достаточно устойчивой популярности, сравнимой, возможно, лишь с успехом «Пинк Флойд», создают впечатление, что «Куин» работает, как хорошо отлаженное предприятие, решающее с равным успехом как творческие, так и финансовые проблемы. Эта группа нередко провозглашается чрезвычайно удачным коммерческим делом. Но это лишь первое впечатление. Главное в «Куин» — не костюмы группы и сценография концертов, которыми занят Меркюри — дипломированный дизайнер, не работа с аппаратурой электронщика Джона Дикона и даже не гитарные чудеса Брайана Мэя. Самым важным было и остается одно — музыка, всегда неповторимая и всегда узнаваемая.

Во время большого турне по Южной Америке Фредди Меркюри согласился ответить на несколько вопросов корреспондента популярного журнала «МЕЛОДИ МЕЙКЕР».

Корр.: Когда группа была создана, многие считали, что у вас есть тщательно разработанная стратегия для достижения статуса самой знаменитой рок-группы или, по крайней мере, самой экстравагантной. Существовал ли на самом деле

такой план, и как вы делали свой репертуар — как дельцы или как музыканты?

М.: Я бы не сказал, что все было расписано до мелочей, но мы твердо решили пробиться. Мы сказали себе: ладно, попробуем силы в роке, но это должно стать нашей профессией, делом на каждый день. Все четверо уже имели хорошую работу и не думали «сбежать в рок», чтобы начать с нуля. Мы просто хотели пойти еще дальше. Только не поймите меня превратно. Мы и не мечтали о каком-то мировом господстве в музыке.

Корр.: Но таких групп, с желанием пробиться, в избытке. Что все-таки было решающим в вашем случае?

М.: Видимо, человеку нужно бесконечно поверить в себя и быть непоколебимым в своих решениях. И, естественно, иметь необходимые качества для занятий музыкой.

Корр.: Кто руководит группой? Вы?

М.: Нет...

Корр.: Как правило, в группе лидером становится певец...

М.: Да, было такое время, но это в прошлом. Сегодня такие люди, как я, охотнее называют себя фокусом группы. Другое дело, к примеру, Род Стюарт. Для него группа — только фон. Но бессмысленно говорить, что Фредди Меркюри — руководитель «Куин», а остальные только при нем. Посмотрите как следует, и вы поймете, что наша музыка невозможна без кого-то из четверых. Все вносят свои 25% в успех, и я — в том числе.

Корр.: Бывали ли у вас периоды сомнения в «Куин», в правильности избранного пути?

М.: Была полоса где-то через два-три года после создания группы, когда мы едва не бросили все. Было чувство, что все напрасно, что акулы рок-бизнеса слишком сильны, а мы слишком устали с ними сражаться. Но этот опыт, и горький, и сладкий, дал нам очень много. Трудности, с которыми мы сталкивались, особенно в финансовом плане, только добавляли нам энтузиазма. Но надо признаться, что уверенность в себе пришла только после четвертого альбома «Ночь в опере».

Корр.: Если «Куин» распадется, вы предпочтете начать все сначала, создать новую группу или присоединиться к какой-либо из существующих?

М.: Я никогда об этом не задумывался. Для этого будет достаточно времени, если мы

разойдемся. Но мне все же кажется, что мы не достигли предела возможностей совместной работы. И поэтому способны и обязаны продолжать.

Корр.: Каким бы вы хотели быть в глазах публики?

М.: Человеком хорошо поющим и более-менее прилично играющим. Мне хочется, чтобы на концерты «Куин» люди приходили с радостью в душе и развлекались от всего сердца. Все наши композиции — бегство от реальности, как хорошее кино, после которого человек может сказать: «Это было действительно здорово!» и вернуться к своим проблемам.

Корр.: Вы хотите сказать, что когда со временем «Куин» и вашу музыку будут оценивать как что-то завершенное, цельное, вы не будете настаивать на том, что ваш вклад в развитие рока подобен достижениям Пресли или Хендрикса?

М.: Нет, почему же! Я надеюсь на признание того, что кое-какие вещи нам удалось, что мы были хорошими музыкантами, сочинявшими хорошие песни.

Корр.: Как-никак, все вы люди с университетскими дипломами. Не слишком ли вы образованны для роли рок-музыкантов?

М.: Дипломы не имеют никакого отношения собственно к музыке. Но наши знания помогли «Куин» уцелеть, по крайней мере, с точки зрения финансов. А когда мы начинали, то, несмотря на дипломы, пришлось усвоить много нового. Ведь кроме таланта человеку нужны и пробивные способности. Талантов много, а успех достается единицам.

Корр.: Случалось ли вам испытывать чувство страха на сцене?

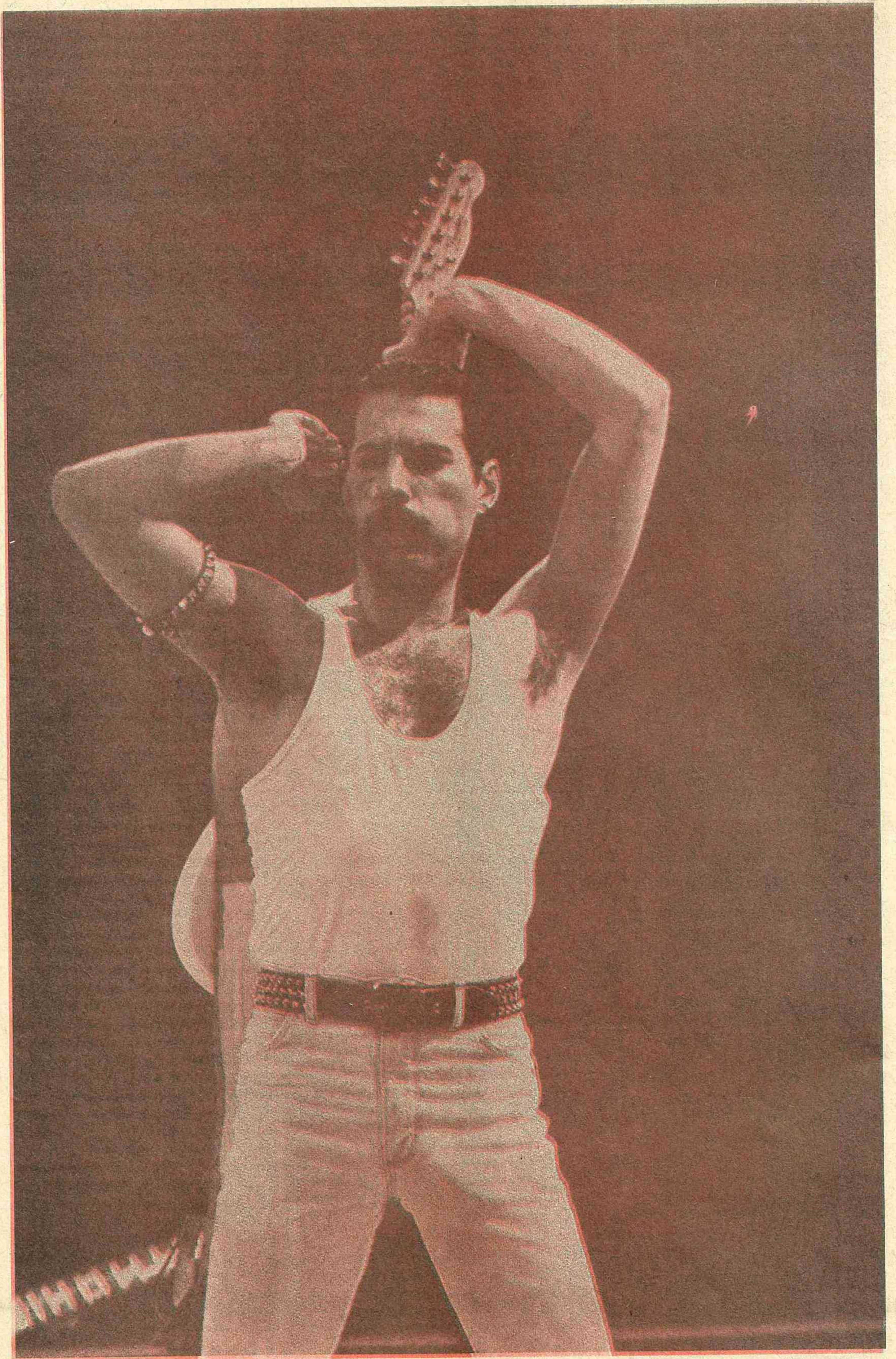
М.: Да, несколько раз... В Сан-Франциско, например, я сорвал голос и чувствовал себя ужасно. Мой вокальный регистр сузился до одного тона. Но я старался, как мог. Мой голос часто модулирует, и мы вынуждены учитывать это, планируя концерты.

Корр.: Но ваш голос звучит весьма мощно...

М.: Не знаю, поверите ли вы мне, но я постепенно теряю голос. Сегодня он не так силен, как раньше. Но как вокалист я стал более опытным и крепким — диапазон голоса, может быть, и стал поуже, но зато в этих границах я пою лучше.

Корр.: А как вы пишете песни?

М.: Нет никаких строгих правил. Что-то рождается мучительно долго, другое — очень

быстро и легко, как «Богемская рапсодия», например. Или «Маленькие глупости по имени любовь», написанная буквально за пять минут. Я сочинил ее с гитарой, хотя не очень хорошо владел этим инструментом. И, может быть, лишь потому, что я знал всего несколько аккордов, композиция получилась простой и естественной.

Корр.: А какую из своих песен вы считаете лучшей?

М.: Трудно сказать. Как ни странно это звучит, я быстро забываю собственные песни. Вот, скажем, «Любовь моей жизни»: я написал ее за роялем и после переложил для гитары. Теперь я уже совершенно не помню ее оригинального звучания и с большим трудом мог бы сыграть ее на клавишах, поэтому приходится иногда обращаться к нотной записи.

Корр.: Вы хорошо читаете ноты?

М.: Не очень. Но мне этого и не надо. С нотами пусть работают другие. Наша музыка ведь не Моцарт, не правда ли? Может, поэтому и друзей у меня побольше.

Перевел с английского
Максим ЖБАНКОВ

Все положительные отзывы о деятельности «Musick Novosty», равно, как и отрицательные, просим высылать на адрес редакции «Паруса» с пометкой «Musick Novosty».

Бр. МАВРЫ

Круг друзей, круг протянутых рук, круг добрых советов может стать «спасательным» для человека, который считает себя загнанным в угол. Ну, обстоятельства так сложились! Между тем, выход из «тупика» не так уж сложен. Хорошо бы нам с тобою, читатель, вовремя оказаться рядом. Подсказать! Если это почему-либо невозможно — поспешим написать письмо. Может, именно наши слова прозвучат наиболее убедительно...

В октябрьском «Парусе» минувший год девушка Таня писала с отчаяньем:

лучше себя понимать. Я, например, очень боялась поступать в институт — трудно приживаюсь на новом месте. Подружка, как только мы с ней пришли на занятия, стала подлизываться к сильной компании. Как там ее унижали и высмеивали, вспоминать не хочется. Я осталась тогда в полнейшем одиночестве, но училась, несмотря ни на что, хорошо. Ко мне многие стали обращаться за помощью. Постепенно со всеми наладились равные отношения. Вернулась и подружка, разобравшись во всем. Но понимания у своих одноклассников я и не пыталась найти — мы с ними разные люди. Переживаю это как очередной этап в жизни, который рано или поздно окончится (не вечно же мне ходить в этот институт!) Что дальше? Не буду загадывать. Знаю только одно: в одиночестве обостряется мозг. Нет, честно! Сейчас понимаю многое, что раньше, когда с общением было меньше проблем, казалось мне «темным лесом». Эту ясность мышления ни на что менять не хочу!

Женька,
г. Томск

спасательный круг

МММЯ СЕБЕ

«Наверное, где-нибудь далеко лежит большая книга, в которой записаны судьбы людей. Про меня там, конечно, сказано, что я навсегда останусь одна. В школе друзей не нашлось. И сейчас, в ПТУ, я всегда «третья лишняя». Наша группа разобщена. Две «команды» постоянно унижают друг друга, а такие, как я, мечутся между ними. Обидно, но даже имя мое в группе мало кто знает»...

Письма Тане идут и идут в редакцию. Мы, конечно же, отправим их по назначению. Впрочем, опыт, собранный читателями по крупицам, мог бы быть полезен всем, кому Тат-

янина ситуация знакома не понаслышке. Мы обещали сообщить лишь фамилии «консультантов», чьи письма окажутся полезными и интересными. Но важность темы убедила печатать сами письма.

Перед вами «круг» ответов читателей — спасательный круг.

Хорошо, что ты написала в редакцию, Таня! Ведь большинство из нас, оказавшись в безвыходном положении, ужасно замыкаются в себе. А так увидишь, сколько вокруг равнодушных людей...

Я по себе сужу: остаться одной не так уж и страшно. Через это обязательно надо пройти, чтобы

Тебе надо просто поверить в себя. Знай, что такой, как ты, в целом мире больше нет. Разве ты хуже всех в своей группе? Не думаю. В тебе есть своя «изюминка», своя «загадка». Может, ты любишь шить, вязать, рисовать? Может, пишешь стихи, хорошо танцуешь? А впрочем, при чем здесь шитье и танцы? Да я просто уверена, что у тебя есть что-то, чего нет у других. Совершенно нет! Может, ты улыбаешься лучше всех на свете, а может, у тебя самые милые веснушки? Таня, я понимаю, что тебе сейчас очень трудно. Но поверь, что каждый человек неповторим и

оттого по-своему прекрасен. Слышишь — каждый!

Ольга Таранчук,
г. Запорожье

Простой совет питерского студента: отвлекись от событий в группе, ведь у тебя наверняка найдутся друзья вне ее. Вокруг столько нормальных людей, которых ты не замечаешь или не хочешь замечать, полностью погружившись в свой кошмар. Вырывайся!

Владимир Ошковатиков,
г. Колпино

Если хочешь, чтоб тебя заметили, лучше всего научиться какому-нибудь интересному делу. К примеру, научись играть на гитаре, займись фотографией или каким-нибудь видом спорта. (Желательно сначала хорошо освоить то, что ты выберешь,

тебе по силам. Это очень важно — тихо уважать себя (и других тоже). Пишешь: «Две «команды» постоянно унижают друг друга...» Так стоит ли к ним примыкать? Попробуй «держать свою марку», т. е. не делай, как все, если это неправильно, и не давай унижать себя, ведь ты — человек! А люди... они не могут быть только плохими или только хорошими. Попробай разобраться в себе: какая ты, чего хочешь? Почему так вышло, что ты одна? Я уверена, ответы найдутся, а зная причины, их легче устранить. Быстрого рецепта нет, но все будет зависеть только от тебя одной. Заметь, стоит оказаться в обществе, где все между собой незнакомы, сразу же появляется интерес к каждому, завязываются знакомства. А как долго знакомству длиться — зависит от нас самих. Не ставь на себе крест, будь естественной. Все еще образуется.

С уважением —
Лена Лисейченко,
г. Новосибирск

Знаешь, я тоже когда-то была везде и кругом лишняя. Никто не хотел почему-то со мной общаться. Но о «Парусе» и о том, что он может помочь, я в то время и не подозревала, вот и стала думать сама. Прежде всего посмотрела как бы со стороны на свою внешность и ужаснулась. По крайней мере, одна причина отчуждения мне

из знакомых. Попробуй найти — она обязательно поможет тебе!

Светлана А.,
Пермская область

У меня два года назад была подобная ситуация: в школе страдала от непонимания, отчужденности, конфликтов, ощущения своей ничтожности. В своих глазах я была навязчивой, придумывала какие-то отношения с окружающими. Слово какая-то липкая масса мешала людям приблизиться ко мне. Мечтала быть в центре внимания, а сама в то же время подсознательно отталкивала всех от себя. Но в один прекрасный день я поняла, что гораздо приятней говорить всем только хорошее и улыбаться. Ключ нашего общения — улыбка. И я, вечно чем-то недовольная, открыла для себя правило: «Старайся во всем увидеть прежде всего хорошую сторону, она при желании всегда найдется. Избегай тупиков и острых углов». Первый шаг был сделан. Я перестала придумывать жизнь, взглянула в лицо реальности, и она не показалась мне такой уж ужасной. Потом пришло второе правило: «Не пытайся изменить окружающих и доказать им свою значимость». И тут же я открыла аксиому: «Найди себя и уважай себя такой, какая ты есть». Как только применила к себе все это, перестала навязываться, стала ходить домой одна, не «прилипая» к компании, я вдруг заметила, что

В

ВЕРНУТЬ

а потом, как бы между прочим, проявить себя). Это поможет тебе оставаться независимой и одновременно привлечет внимание обеих «команд». А еще понаблюдай характеры сверстников и не бойся общаться с «командами» на равных — ты ведь не хуже их! Но вот только для тебя, мне кажется, не должно быть разделения одноклассников на «команды» — общайся со всеми одинаково. Только так можно победить расслоение в группе.

Маргарита Спирина,
Приморский край.

Танечка! Прежде всего вытяни себя из третьего сорта — это

стала ясна. Срочно привела себя в порядок и... меня стали замечать. Затем я критически оценила свое поведение и поняла, что надо что-то менять, а вот что и как — я не знала. Но мне повезло! Как раз в эти дни сестра принесла домой знаменитую книгу Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей». Она написана очень доступным и убедительным языком, увлекательная и очень-очень любопытная. С ее помощью я стала совершенно другим человеком. Таня, ты, наверное, могла бы взять эту книгу в библиотеке или у кого-нибудь

на меня посмотрели уже с интересом. Я стала проще и одновременно сложнее. Стала читать хорошие книги и слушать хорошую музыку, погрузилась в занятия театральной студии. Уяснила еще одну истину: «Займись тем, что тебе интересно. Когда «с головой» уйдешь в свое дело, остальные проблемы решатся сами собой».

Как раз тогда, когда мне стало все равно, как ко мне относятся в классе, я стала замечать, что притягиваю к себе одноклассников, как магнит. Знаешь, теперь я ощущаю себя личностью.

Т. И.,
г. Волгодонск

ЛЮБОВЬ ЕЩЕ БЫТЬ МОЖЕТ

Мы молоды или были молоды, кажется, так недавно. И когда мы видим молодую пару, то кажется, что мы знаем о ней все. А может быть, то, как мы оцениваем наших молодых близких, говорит также о том, какие мы сами?

Попробуем, внимательно посмотрев шесть снимков, представляющих некую молодую пару, ответить на следующие пять вопросов:

1. На каких рисунках молодые одинаково влюблены друг в друга?

2. На каких рисунках ясно видно, что один из них добивается симпатии другого?

3. На скольких рисунках видно, что один из молодых людей имеет явное преимущество перед другим и что он намеревается это преимущество использовать в будущем?

4. На скольких рисунках видно, что никто из них не собирается поддаваться, подчиняться, что оба хотят выполнения своих желаний, несмотря на то, что другой, возможно, будет страдать?

5. На скольких рисунках видно, что один из них склонен подчиняться воле другого даже тогда, когда это не соответствует его взглядам и мнению?

А теперь подсчитаем очки.

За каждую выбранную фотографию

Ответ: 0—8 очков.

Вопрос 1.—10 очков

Вопрос 2.—8 очков

Вопрос 3.—0,5 очка

Вопрос 5.—5 очков

Всегда, когда тебе случается подчиниться, несмотря на то, что по какому-то вопросу у тебя другое мнение, ты считаешь себя трусом и чувствуешь угрызения совести. Тебе кажется, что следует всегда последовательно защищать свою точ-

ку зрения, даже тогда, когда ты вредишь себе этим. То, что ты неохотно подчиняешься другим, вытекает из твоих скрытых комплексов неполноценности — ты просто не выносишь, чтобы другие, а не ты, были правы.

9—21 очков.

В каждой ситуации ты защищаешь свою точку зрения, не любишь компромиссов. Ты очень уверен(а) в себе, и только тот, кто заранее будет считать, что ты прав, имеет шансы в разговоре с тобой. Однако ты любишь дискуссии и даже весьма острые словесные стычки, поскольку само переубеждение окружающих доставляет тебе огромное удовольствие. Ты упрям(а) даже тогда, когда ты не прав(а), ты редко и весьма неохотно подчиняешься.

22—38 очков.

Ты — деловой человек: в дискуссии стараешься победить, но всегда используя правдивые аргументы, никогда ничего не приукрашиваешь, но и ничего слишком не принимаешь. Оценивая дела или людей, стараешься быть объективным и справедливым. У тебя есть определенные дипломатические способности, умеешь пойти на компромисс, если тебе это кажется выгодным для твоего дела, но можешь также быть твердым и неумолимым — если считаешь, что в этой ситуации тебе нельзя поддаться!

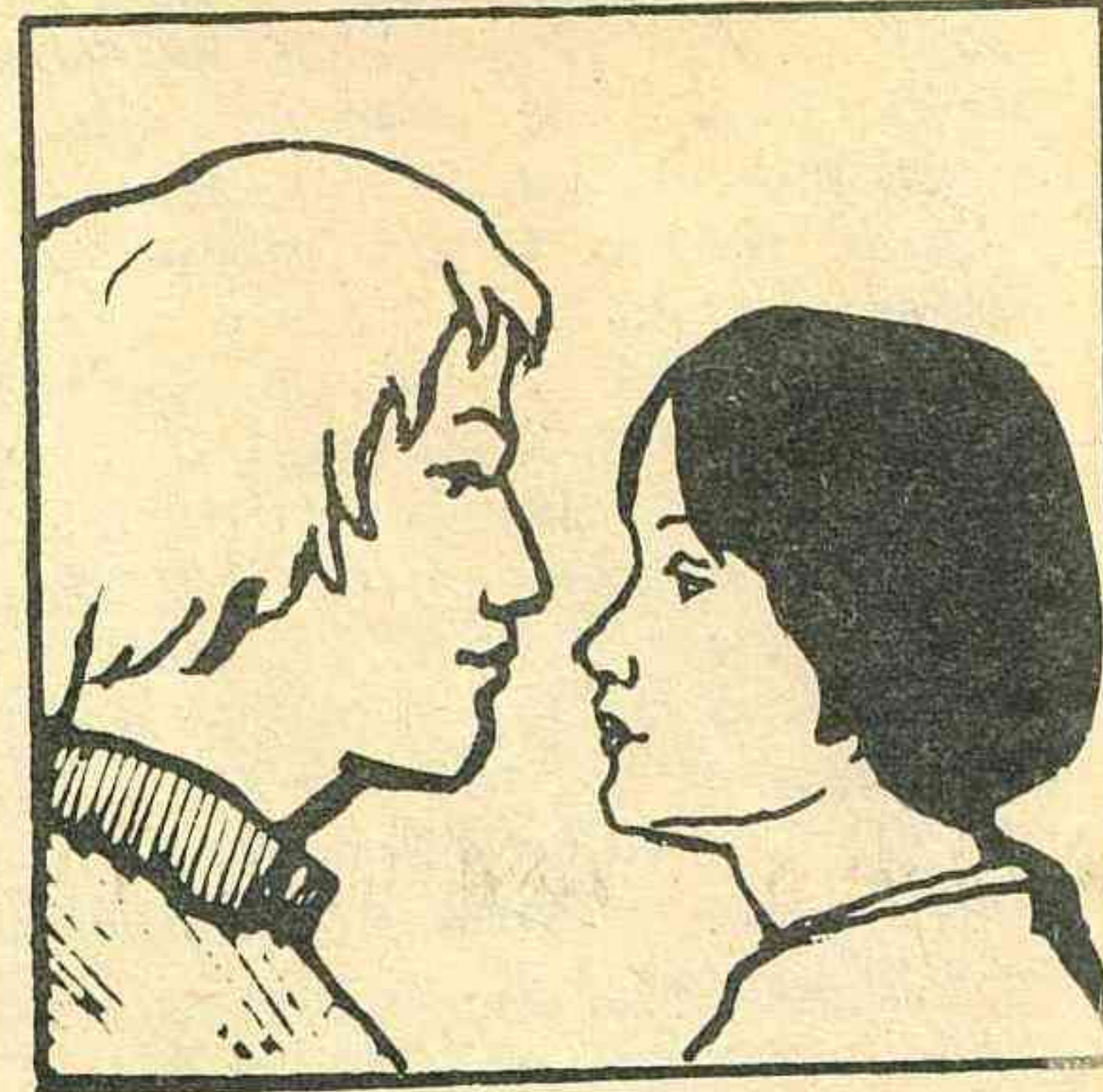
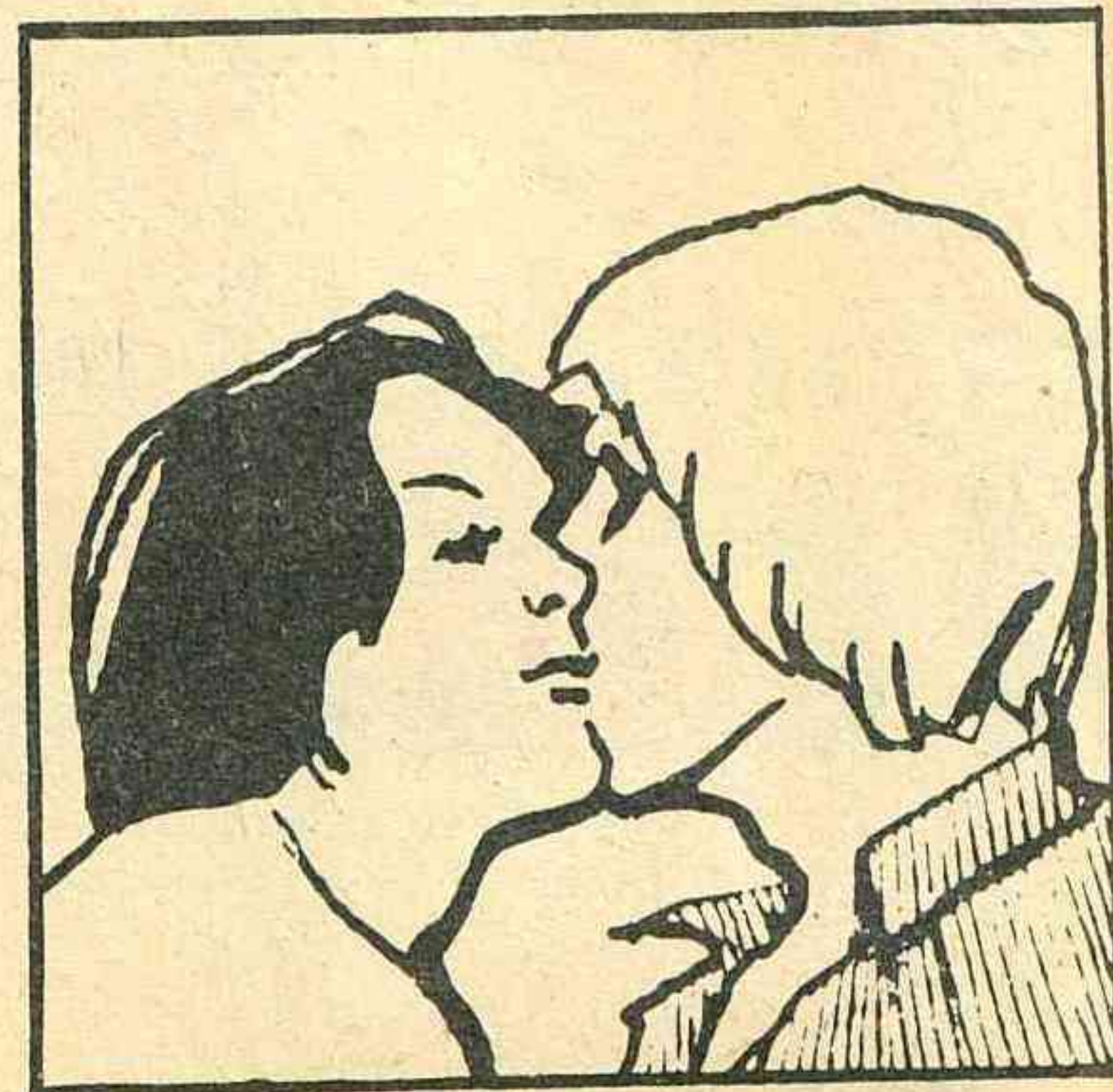
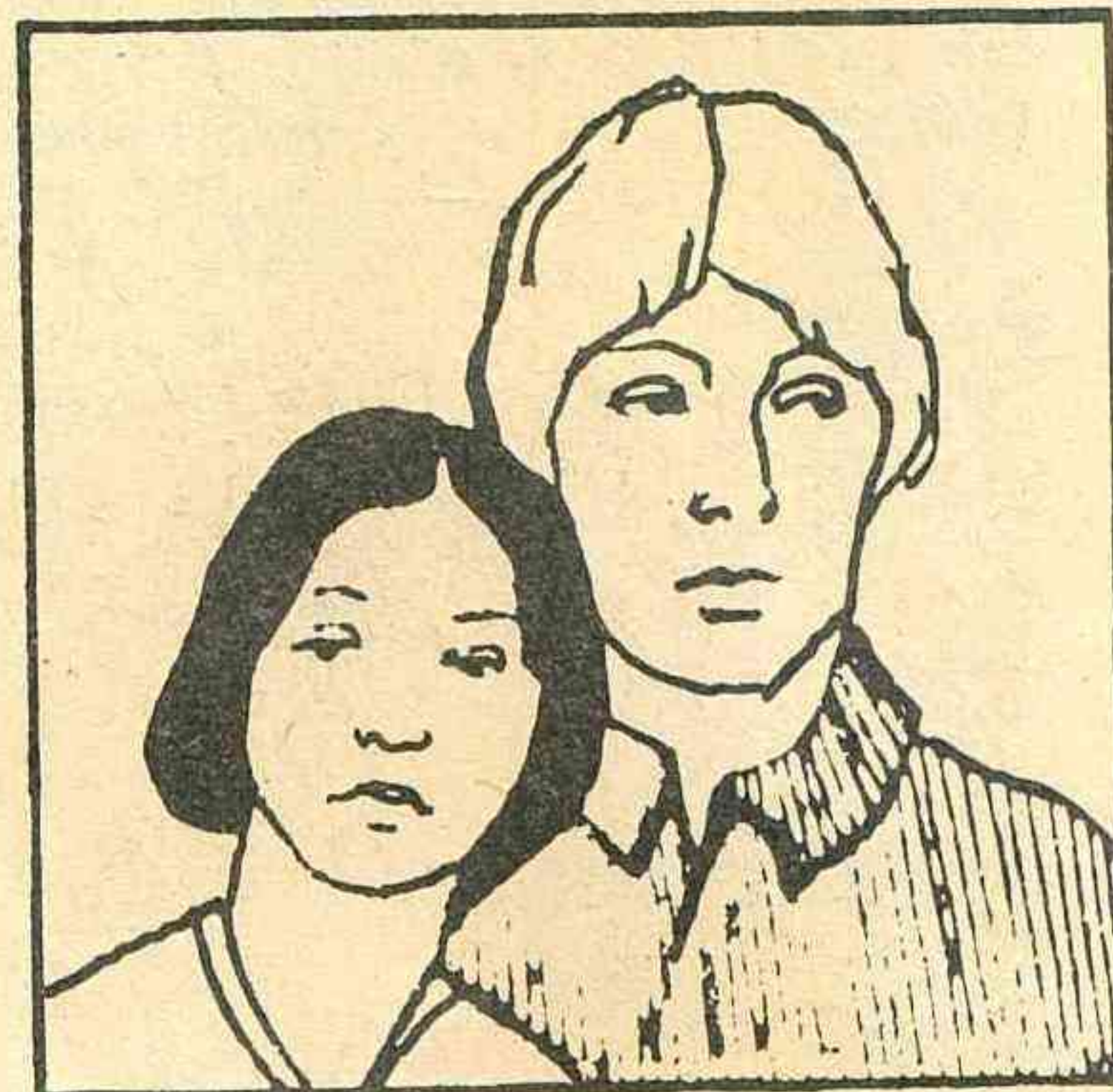
39—51 очков.

Ты являешься очень гибкой натурой: считаешь, что любое дело можно решить компромиссно, ты охотно играешь роль арбитра и посредника. Ты не любишь борьбы, считаешь, что лучше отказаться от своего мнения, по крайней мере наполовину, чем довести до острого конфликта. Однако бывают си-

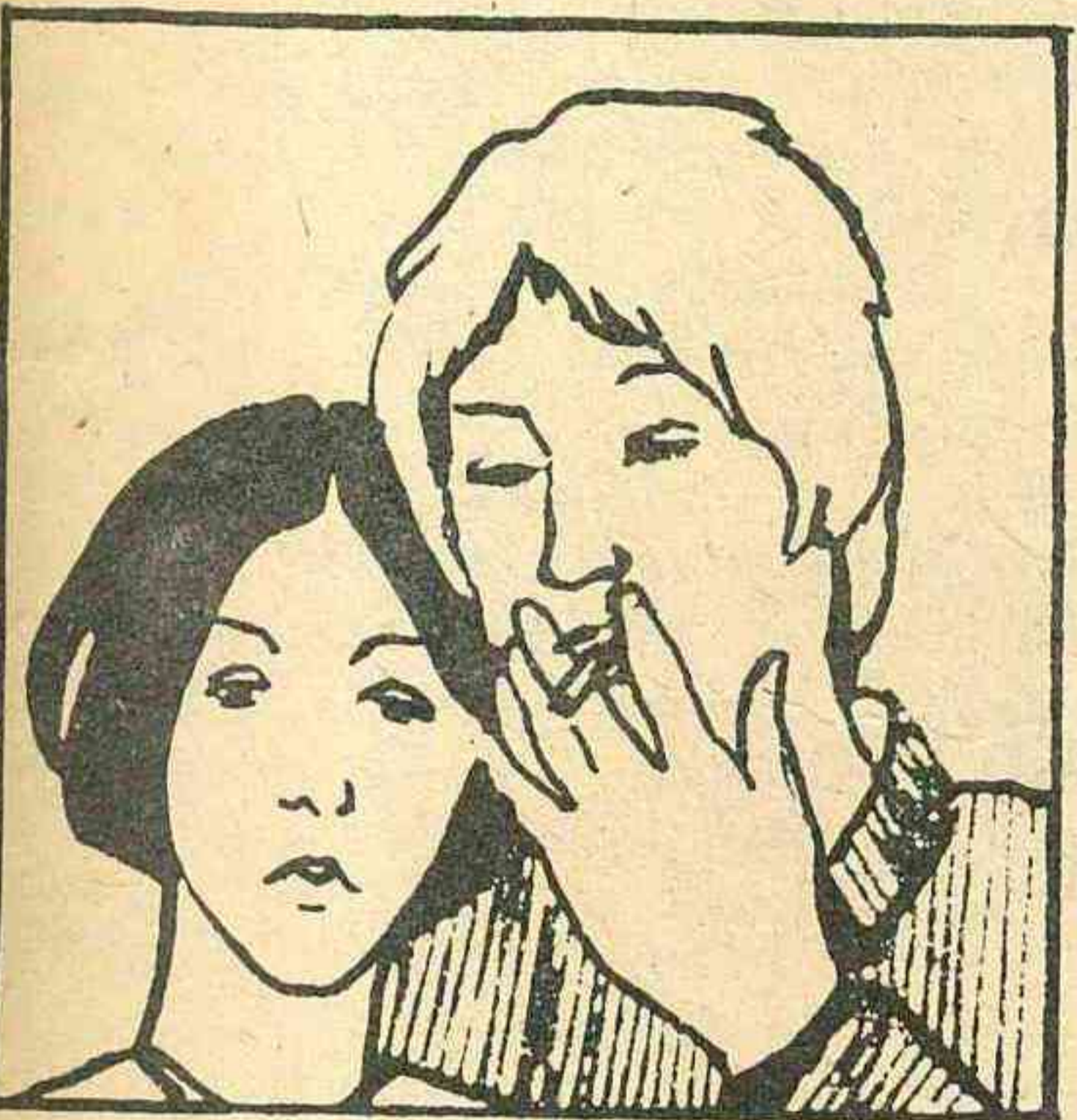
туации — особенно когда речь идет о делах, касающихся тебя непосредственно — что ты не поддаешься ни за какую цену. Просто у тебя есть определенные, может быть, немногочисленные, но неоспоримые принципы.

52 и более очков.

Гармония и так называемый «покой» — самое важное для тебя! Ты не умеешь и не любишь дискутировать, не можешь защищаться. Практически для любого противника ты лег-

кая жертва: случается, что люди пользуются твоей мягкостью и склонностью подчиняться их воле или их мнению. Это совсем не означает, что у тебя нет своего мнения и своих принципов, просто ты не можешь их ясно представить, ты никогда не уверен полностью в своей правоте. Иногда ты делаешь то, что считаешь необходимым, поступая против позиции окружающих — однако скрывая свои действия.

Шпаргалка

Известный русский историк В. О. Ключевский (1841—1911), автор хрестоматийного «Курса русской истории», оказывается, баловался еще и тем, что на досуге записывал в блокнот свои сентенции и афоризмы о политике, нравах и... женщинах. Право слово, довольно интересные мысли!

1. Можно иметь большой ум и не быть умным, как можно иметь большой нос и быть лишены обоняния.

2. Мужчина любит женщину чаще всего за то, что она его любит; женщина любит мужчину чаще всего за то, что он ею любит.

3. Есть женщины, в которых никто не влюбляется, но которых все любят. Есть женщины, в которых все влюбляется, но которых никто не любит. Счастлива только та женщина, которую все любят, но в которую влюблен лишь один.

4. Женщина плачет, потеряв то, чем долго наслаждалась; мужчина плачет, не достигнув того, чего долго добивался. Для первой слезы — вознаграждение за потерю, для второго — награда за неудачные усилия и для обоих — утешение в несчастье.

5. Мужчина любит обыкновенно женщин, которых уважает; женщина обыкновенно уважает только мужчин, которых любит. Потому что мужчина часто любит женщин, которых не стоит любить, а женщина часто уважает мужчин, которых не стоит уважать.

6. Хорошая женщина, выходя замуж, обещает счастье, дурная — ждет его.

7. Порядочная женщина до замужества может любить только жениха, а после замужества только мужа. Но жениха она не любит вполне, потому что он еще не муж, а мужа — потому что он уже перестал быть женихом, так что порядочная женщина никогда не любит ни одного мужчины так, как женщина должна любить мужчину, т. е. вполне.

8. Каждый женский возраст приносит свою жертву любви: у девочки это губы, у девушки еще и сердце, у молодой женщины еще и тело, у пожилой еще и здравый рассудок, так что жизнь женщины есть геометрическая прогрессия самопожертвования на алтарь любви; перед смертью у ней не остается ничего.

9. Красивыми мужчинами женщины любят, умных обожают, в добрых влюбляются, но выходят замуж охотно только за сильных.

10. Мужчина слушает ушами, женщина глазами, первый — чтобы понять, что ему говорят, вторая — чтобы понравиться тому, кто с ней говорит.

11. Вернейшее средство исправить женщину — показать ей идеал и сказать, что это ее портрет. Из ревности ей захочется стать его оригиналом и непременно удастся сделаться его сносной копией.

12. Всего хуже сознавать себя дополнением собственной мебели.

Литобъявление

Эй, молодые таланты! У товарищества молодых литераторов «Вавилон» из Москвы есть идея!

Всем, кому 15—18—20 лет, кто пишет стихи, не рифмуя в них «ботинки» с «полуботинками», кто хочет познакомиться с другими такими же «странниками» /от слова «странный»/, а заодно выяснить, что думают о его творчестве весьма взрослые поэты, — предлагаем большой-пребольшой конкурс!

Все сугубо неформально: тексты присылаются нам /по возможности быстро/, мы отдаем их Левитанскому, Кушнеру, Аронову и др., получаем их отзывы и приглашаем всех лучших в Москву на Фестиваль молодой поэзии. Спешите принять участие в нашем конкурсе до окончания 1991 года! В следующем, 1992 году «Парус» предоставляет свои страницы победителям конкурса молодых поэтов.

Ждем ваших писем со стихами по адресу: 119034, г. Москва, Малый Левшинский переулок, 14/9, подъезд 8, ВГФ им. Пушкина, товарищество молодых литераторов «Вавилон».

10

УРОКОВ БОЛЬШОГО ТЕННИСА

Ведет мастер спорта Борис СЫТКОВ

Урок 4. Варианты ударов

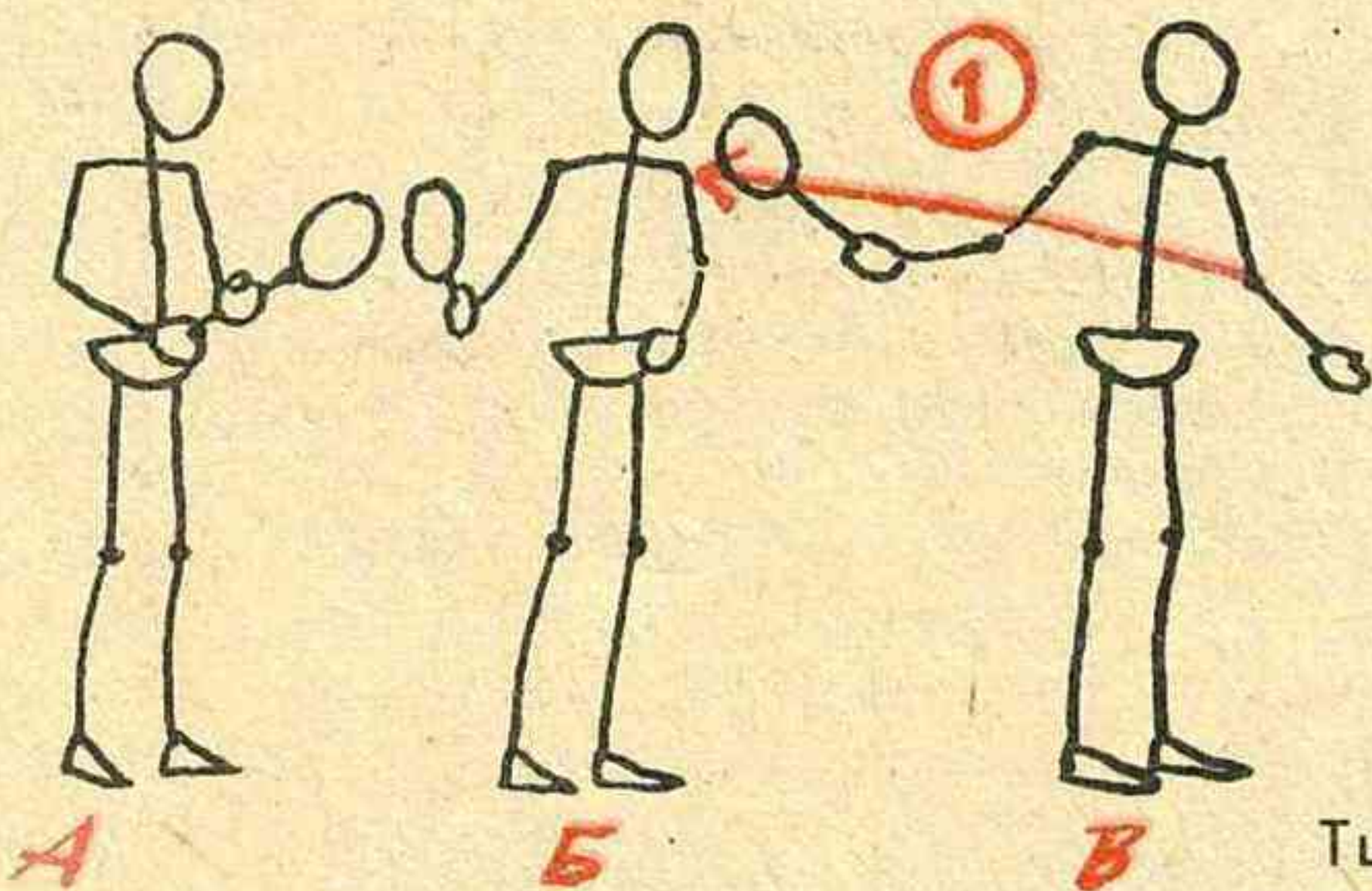
Удар справа. Этот чрезвычайно эффективный удар можно освоить очень быстро. Но не обманывайтесь его кажущейся легкостью.

Для начала нами может быть рекомендован слегка крученный удар /или, по крайней мере, «прикрытый»/, что достигается в том случае, когда ракетка, которая движется в направлении вперед-вверх, атакует верхнюю полусферу мяча и легонько «причесывает» его.

Заняв исходное положение, игрок начинает готовиться к удару:

а/ плечи постепенно разворачиваются перпендикулярно к сетке;

б/ ракетка, струны которой расположены перпендикулярно земле, отводится назад согнутой рукой и описывает выпуклую кривую, находящуюся на уровне между бедром и плечами. /рис. 1, а, б, в./

Удар производится следующим образом:

а/ движение начинается наклонением тела вперед;

б/ рука опускается, и головка ракетки постепенно перемещается чуть ниже уровня будущего соприкосновения с мячом;

в/ ракетка встречает мяч на воображаемой линии, проходящей вертикально через левое плечо /рис. 2/;

2

г/ плечи, развернутые в конце подготовки к удару перпендикулярно к сетке, во время удара постепенно поворачиваются к ней примерно на 45°;

д/ во время подготовки к удару, самого удара и сопровождения левая рука играет очень важную роль.

В начале подготовки левая рука сопровождает ракетку назад и облегчает разворот плеч. Затем она оставляет ракетку и движется, «прицеливаясь», в направлении мяча к концу замаха и во время удара.

Несколько дополнительных советов. Как правило, удар по мячу наносится в высшей точке отскока. Игроки высокого класса во многих случаях наносят удар даже чуть раньше. Начинаям рекомендуется бить по мячу в высшей точке отскока. Дайте опуститься до уровня талии тем мячам, высшая точка отскока которых находится на уровне ваших плеч. Не забывайте, что траектория медленного мяча после отскока маленькая, и такие мячи требуют, чтобы вы шли им навстречу, выдвигаясь вперед.

Наоборот, траектория быстрых мячей после отскока достаточно большая, и такие мячи не требуют, чтобы вы шли им навстречу.

Тщательно сопровождайте мяч: точность полета мяча к задней, боковым линиям или вверх в значительной степени зависит от этого.

Удар слева. Этот удар — самый неудобный для начинающего, но отнюдь не самый трудный.

В принципе, ударом слева — и этого требует тактика игры — отражают большинство атак соперника, во время которых он или выходит к сетке или остается на задней линии. Эти атакующие удары — подача, удары справа и слева — в 75 случаях из 100 направляются вам под левую руку.

Удар получит агрессивную направленность, если научиться бить слева, слегка подкручивая мяч.

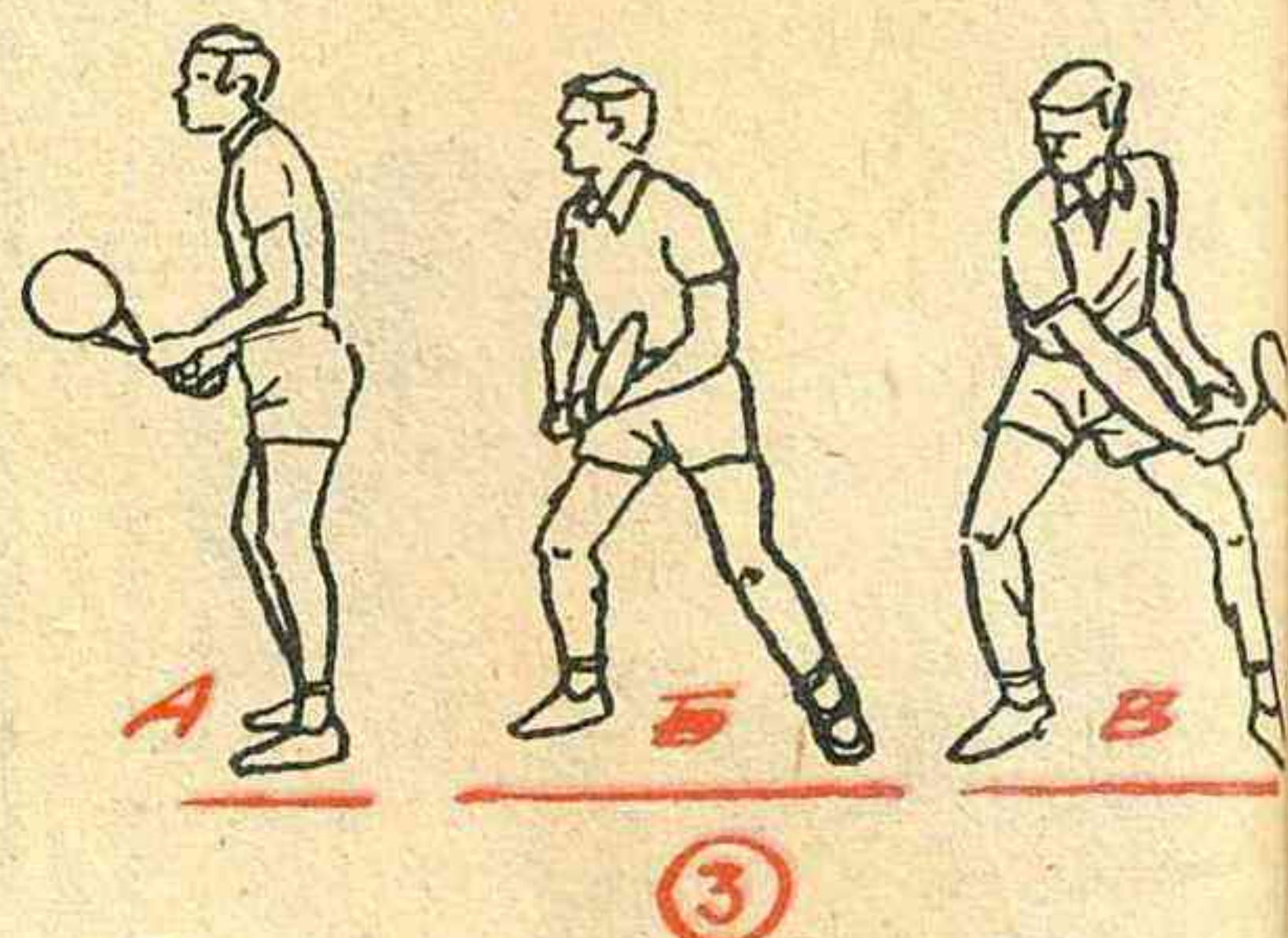
Из исходного положения

подготовка к удару осуществляется следующим образом:

а/ туловище повернуто боком к сетке;

б/ следите за тем, чтобы линия плеч опережала этот перпендикуляр к концу подготовки. В зависимости от скорости и направления, придаваемого мячу, спина игрока поворачивается на четверть или наполовину к сетке;

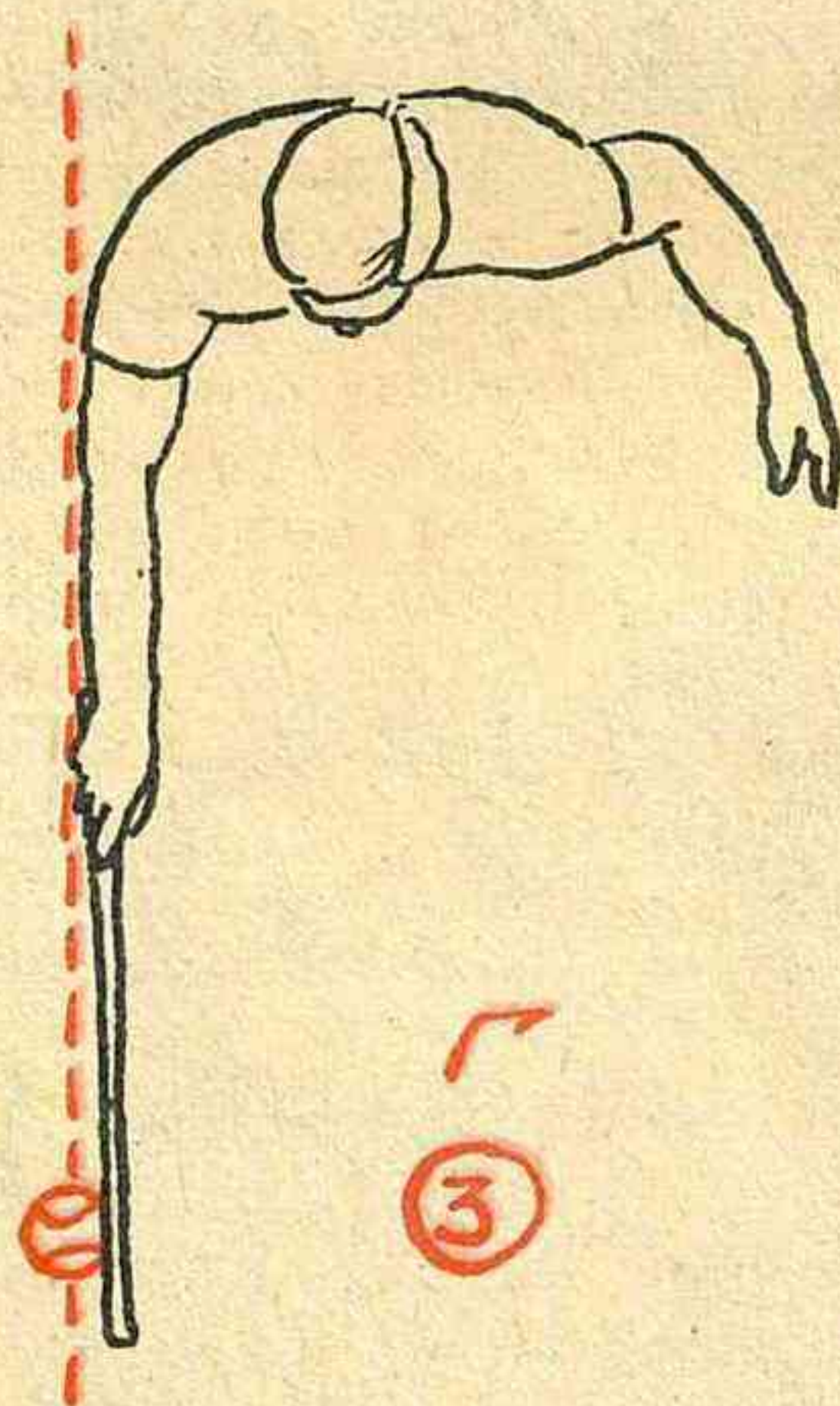
в/ одновременно с поворотом туловища ракетка отводится правой рукой назад, при этом рука согнута, локоть и предплечье находятся возле туловища. Левая рука поддерживает ракетку, помогая отводить ее назад. Струнная поверхность слегка «открыта» в начале подготовки, сторона, которая будет касаться мяча, обращена к потолку. Ракетка описывает изогнутую, слегка выпуклую траекторию /рис. 3 а, б, в/.

Движение, которое должно привести ракетку из положения замаха к соприкосновению с мячом, выполняется за счет изменения положения туловища, которое разворачивается и слегка наклоняется вперед.

Это движение начинается постановкой правой ноги вперед и в сторону:

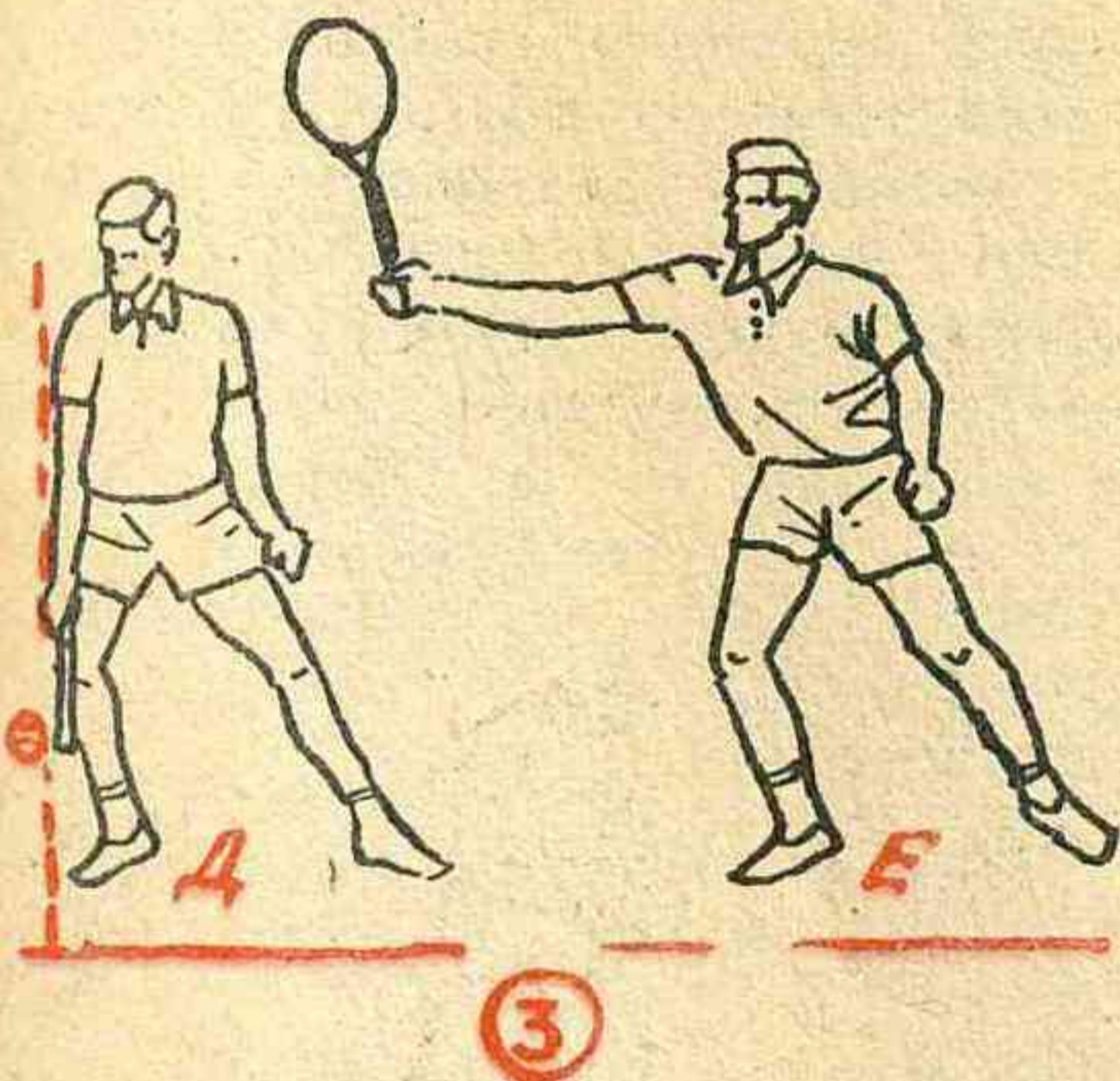
а/ рука опускается, и головка ракетки не спеша перемещается немного ниже высоты точки будущей встречи с мячом. В момент соприкосновения с мячом рука вытянута /рис. 3 г/;

б/ место встречи с мячом находится впереди /примерно на 10—15 см/ вертикальной линии, проведенной через правое плечо.

Во время удара и сопровождения рука остается около туловища, чтобы удержать равновесие и воспрепятствовать вращению. Если плечи из положения в момент подготовки удара переместятся в положение, характерное для момента соприкосновения с мячом, то такое движение будет правильным, особенно для начинающих /рис. 3 д, е/.

Несколько подробнее о **сопровождении**. Это — фаза движения, уточняющая направление, которое придается мячу.

На деле оно начинается с момента соприкосновения ракетки с мячом. Плечи, в этот момент еще развернутые на 45 градусов по отношению к сетке, следуют за движением руки, выбрасываемой под контролем вперед, и к окончанию сопровождения оказываются параллельными сетке.

Головка ракетки, струны которой остаются перпендикулярными по отношению к земле в начале сопровождения, заканчивает движение в точке слева от игрока и выше его головы. Струны могут быть несколько наклонены к земле.

Игроки высокого класса настолько контролируют положения туловища и все согласуемые движения, что в момент соприкосновения ракетки с мячом их плечи часто развернуты на сетку. Этому не следует подражать, ибо их мышечная сила значительно превосходит вашу, а сами ошибки носят эпизодический характер.

Этот урок, в целом, сложный, поэтому продолжим его в следующем номере.

ГДЕ-ТО ТАМ ЖИВЕТ СОРОКА

На одной из улиц дачного поселка только 5 домов. Они окрашены в разные цвета, и занимают их семьи поэта, писателя, критика, журналиста и редактора. В доме каждой семьи живет любимая птичка. Глава семьи получает на завтрак любимый им напиток, после чего отправляется в город, пользуясь любимым способом передвижения.

Поэт едет на велосипеде.

Редактор живет в красном доме.

Критик живет в крайнем доме слева, рядом расположен голубой дом.

Тот, кто ездит на мотоцикле, живет в среднем доме.

Тот, кто живет в зеленом доме, расположенном рядом с белым, справа от него, всегда отправляется в город пешком.

В доме, где живет снегирь, на завтрак всегда бывает молоко.

Тот, кто на завтрак получает какао, живет в доме, соседнем с тем домом, где живет синица.

В желтом доме на завтрак подают чай.

Живущий рядом с любителем канареек утром пьет чай.

Писатель пьет только кофе.

Тот, кто ездит на своем автомобиле, любит пить яблочный сок.

В доме журналиста живет попугайчик.

У кого живет сорока?

Теперь давайте размышлять. Для проведения грамотного логического анализа советуем составить таблицу, куда выпишем все по порядку — цвета домов, кто в каком из них живет и т. д.

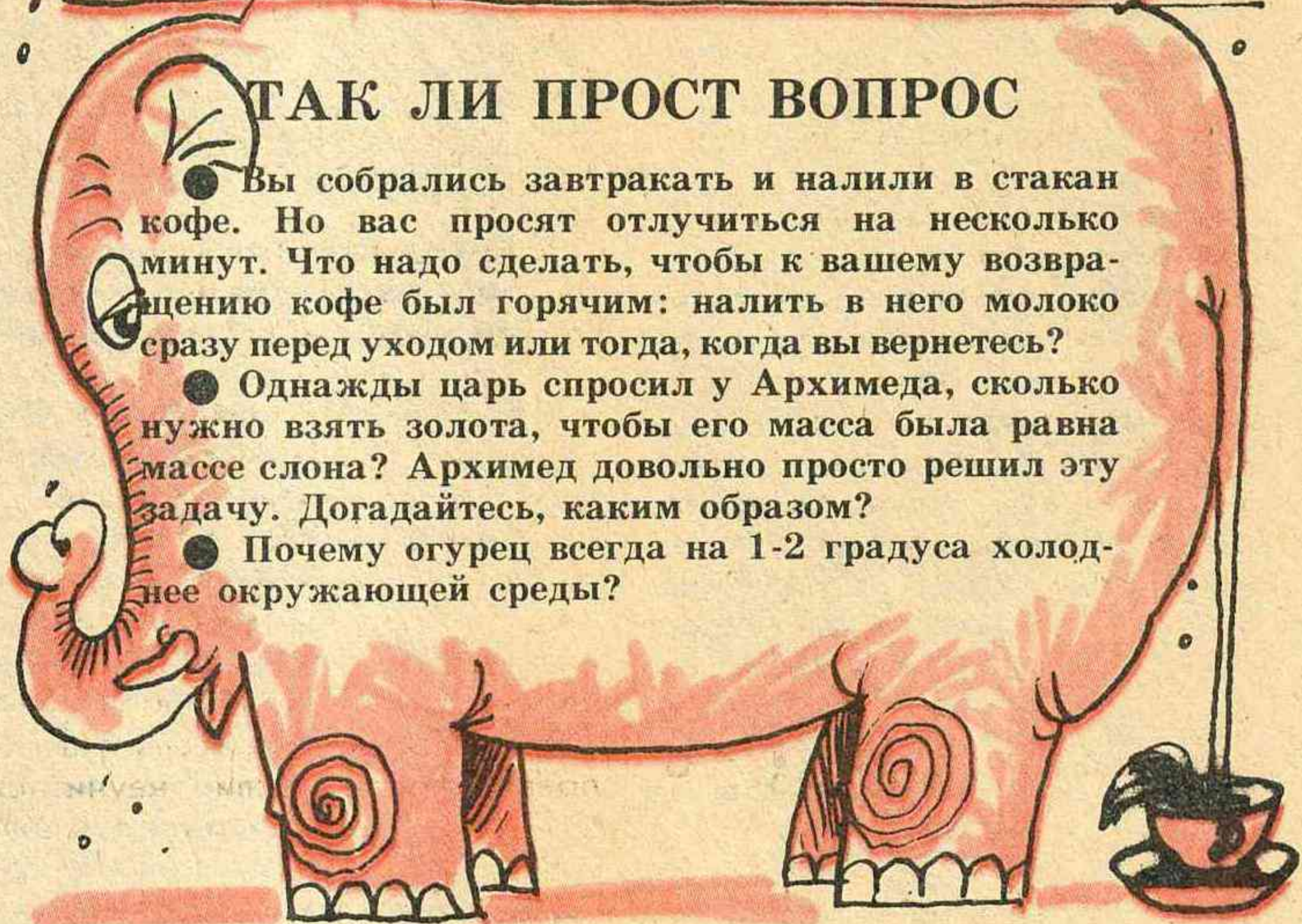
Результат своего анализа мы сообщим в следующих номерах. Следите за «Игротекой» и... предлагайте свои игры.

ТАК ЛИ ПРОСТ ВОПРОС

● Вы собрались завтракать и налили в стакан кофе. Но вас просят отлучиться на несколько минут. Что надо сделать, чтобы к вашему возвращению кофе был горячим: налить в него молоко сразу перед уходом или тогда, когда вы вернетесь?

● Однажды царь спросил у Архимеда, сколько нужно взять золота, чтобы его масса была равна массе слона? Архимед довольно просто решил эту задачу. Догадайтесь, каким образом?

● Почему огурец всегда на 1-2 градуса холоднее окружающей среды?

АВГУСТОВСКОЕ ЯБЛОКО

Второй «зеленый» «Парус» обозвать зеленым можно только в поддержку традиции. Созрела идея. Словно августовское яблоко сорвалось с ветки прямо к тебе в ладонь. Вкусно хрустя им, слегка досадуешь на мелкие технические неувязки, просочившиеся в набор вопреки стараниям авторов. Обидно, но что поделаешь: время текло отпусковое. Ноябрьский номер в производство сдается в августе...

Читатель, тем не менее, был суров к проколам, но справедлив в оценках:

- 1 место — Девочки, на бордаж! или Кадры решают все — 8.83
- 2 место — **С. КОЛБАНОВ**. Глаза — 8.80
- 3 место — **ЛАРИСА**. Помню свой путь — 8.61
- 4 место — **К. АМБАРЦУМЯН**. Я не нашел свою вторую половину — 8.19
- 5 место — **К. АМБАРЦУМЯН**. Я не нашел свою вторую половину — 8.19
- 6 место — **А. ДОРОШКО**. Монолог «белого завистника» — 8.10
- 7 место — Фрэнк Каупервуд-1990 — 8.08
- 8 место — Дневник дружбы Наташи С. с Юрой Шатуновым — 7.64
- 9 место — **В. ЧЕРНЫЙ**. Чайная бессонница... — 7.52
- 10 место — **И. НЕВСКИЙ**. Кто-то отвык от такой поэзии — 7.50
- 11 место — **К. ВАСИН**. Русский рок на костях — 7.44
- 12 место — **Е. ОКУЛИЧ**. Про Диму, Бога и небесно-голубой цвет — 7.36

- 13 место — **Т. ВОСТРЯКОВА**. Шинель № 5 — 7.35
- 14 место — **В. БРЮЛЛО, Г. ЛЕВИТАН**. На чердаке у Васина — 7.10
- 15 место — **РОКСИ**. Запах вчерашних роз — 7.06
- 16 место — **И. СТАСЕВИЧ**. Сказочка, рожденная временем — 6.82
- 17 место — **А. ОВЧИННИКОВ**. Если зря... — 6.52
- 18 место — «Но я люблю — за что, не знаю сам...» — 6.46
- 19 место — **ДЖЕРРИ РУБИН**. Doit! — 6.22
- 20 место — **А. БАТУРИН**. Он и Анна — 6.20

Основной лейтмотив оборотной стороны анкет ультимативен: «Даешь «зеленый» «Парус» навсегда, не то перестану его выписывать...» — пишут «левые демократы». В нашей почте, заметим, раскладка сил словно в дебатах на всех вместе взятых съездах по телевизору. Мы, естественно, за плюрализм мнений и жаждем продолжения обсуждения. В то же время предлагаем каждому (если есть повод и желание высказаться) поучаствовать в продолжении эксперимента. «Парус» № 11 за нынешний год готов с вашей легкой руки еще раз «позеленеть». Принимаем не только готовые произведения, просто заметки, вопли о наболевшем, стихи, рисунки, фотонаблюдения, плоды ночных раздумий и уличных споров и т. д., и т. п.,

но и предложения, темы, подсказки, рецепты и пожелания. Будем рады поддержке в любой доступной вам форме.

Беремся за дело? Теперь хочется обмолвиться о новогоднем номере. Волей «бумажного» неумолимого рока он вышел в свет только весной. Факт, что эта обидная участь постигла нас в «приличной» компании с «Новым миром» и другими взрослыми и сильными изданиями, не радует, — угнетает. Спасибо поэтому тем, кто, понимая ситуацию, старается нас поддержать, высылая анкеты с оценками. Первые десятки откликов на двенадцатый номер мы успели уже просчитать. Думаем, что они достаточно реалистично отражают оценки за публикации:

- 1 место — **ГУДРУН ПАУЗЕВАНГ**. Последние дети Шевенборна — 8.65
- 2 место — Недежурный разговор — 8.43
- 3 место — Кое-что из умения обольщать — 8.40

А теперь всем, кто нас любит, — домашнее поручение: составьте с учетом баллов за все предыдущие номера рейтинг популярности публикаций «Паруса». Нам интересно знать десятку лучших, по вашему мнению, материалов в минувшем году. И еще: какой из двенадцати номеров вы бы оценили высшим баллом? За что?

Ваши оценки помогут нам не отстать от жизни.

ЗВОНИТЕ:

- 20-31-27,
  - 20-24-00 — отдел писем и изучения общественного мнения
  - 20-27-08 — отдел социально-политических проблем и международной жизни
  - 20-22-56 — отдел молодежных социальных инициатив; Свободная территория; отдел культуры
  - 20-28-54 — отдел прозы, секретариат
- ПИШИТЕ: 220600, г. Минск, ул. Короля, 12

Главный редактор Василий ДРАГОВЕЦ

Редакционная коллегия:

Геннадий БОЧАРОВ, Алесь ГАВРОН (ответственный секретарь), Эдуард ДНЕПРОВ, Алексей ДУДАРЕВ, Виктор КОВАЛЕВ, Игорь КОН, Алексей КРИВДЕНКО, Нина КУРЗАНОВА, Олег МАНАЕВ, Валерий ПЛЮСКОВ (зам. главного редактора), Александр ХАНДОГИН, Владимир ХАЧИРАШВИЛИ, Анатолий ЯРОСЬ

Художественный редактор Александр КОРШАКЕВИЧ

Технический редактор Валентина ЖГУНЦОВА

Корректор Любовь ЛОБОЙКО

Издатель: Издательство «Полымя» Госкомитета БССР по печати. Сдано в набор 28.03.91. Подписано к печати 13.06.91. Формат 70×108¹/₁₆. Офсетная печать. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 15. Уч.-изд. л. 12,5. Заказ 122. Бумага книжно-журнальная. Цена 1 р. 60 к. Тираж 440 114 (1 завод: 1—200 000 экз.).

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства «Белорусский Дом печати». Адрес: 220041, Минск, Ленинский проспект, 79.

Присланный в редакцию текстовой и графический материал не возвращается.

Рукописи более 4 авторских листов (96 машинописных страниц) не рецензируются и не рассматриваются.

(2 завод: 300 001—600 000 экз.).

А

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

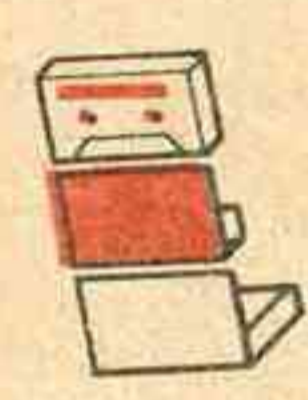
Parus**А****Б**

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

Б

В 1963 году на прилавках американских магазинов появилась пластинка с названием «Little Stevie Wonder the 12 Year Genius. Recorded Live («Маленький чудо-Стиви — 12-летний гений. Концертная запись»).

Стиви Уандер родился 13 мая 1950 года в небольшом городке Сэгиноу в штате Мичиган. Его настоящее имя Стивен Джадкинс. Слепой от рождения, он уже в пять лет довольно сносно пел и играл на пианино и губной гармошке.

В 1963 году при содействии Ронна Уайта (участника группы «Мираклз») Стивену было организовано прослушивание в звукозаписывающей фирме «Тамла-Мотаун», увенчавшееся подписанием контракта. А десять лет спустя, когда Стивену едва исполнилось 22 года, в продаже появляется «Inhervisions» («Внутренние видения», 1973) — пластинка, ставшая воистину эпохальным событием в истории поп-музыки.

Правду говорят, что если ты гений, так это на всю жизнь. Много лет прошло со дня первого выхода Стиви на сцену. Много поменялось с тех пор. Осталось только чудо. Одно лишь чудо. И это есть не что иное, как он и его музыка.

А

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

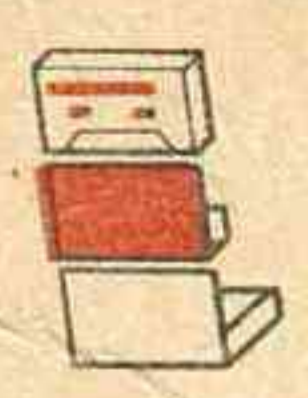
Parus**А****Б**

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

Б

Джон Роберт Кокер (родился 20 мая 1944 г. в Шеффилде, Англия), с первой же записанной на пластинку песней взлетел на самую вершину национального британского хит-парада. Это было в 1969-м году, песня была из репертуара «битлз» и называлась «С маленькой помощью моих друзей». Так молодой певец моментально очутился в компании самых крупных рок-звезд страны. Кокер стал практически единственным, кто полноценно продолжил традицию исполнения белого блюза после погибшей в 1970 году Дженис Джоплин. Его невероятно хриплый голос, необузданный темперамент и пристрастие к наркотикам — все напоминало о великой Дженис. Но непрерывные скандалы с полицией и таможней из-за «травки», серия творческих неудач, незавершенные гастроли из-за этого же, — и Кокер исчез со сцены. Казалось, навсегда. Кокер вынырнул из небытия в 1984 году, когда о нем, казалось, уже прочно забыли. Полысевший и располневший, остепенившийся, и даже можно было бы сказать, уважаемый — если б не знакомые драные джинсы, но ничуть не утративший своего умения исполнять блюзы. Теперь Джо посещает наиболее престижные рок-фестивали на правах «звезды».

USA

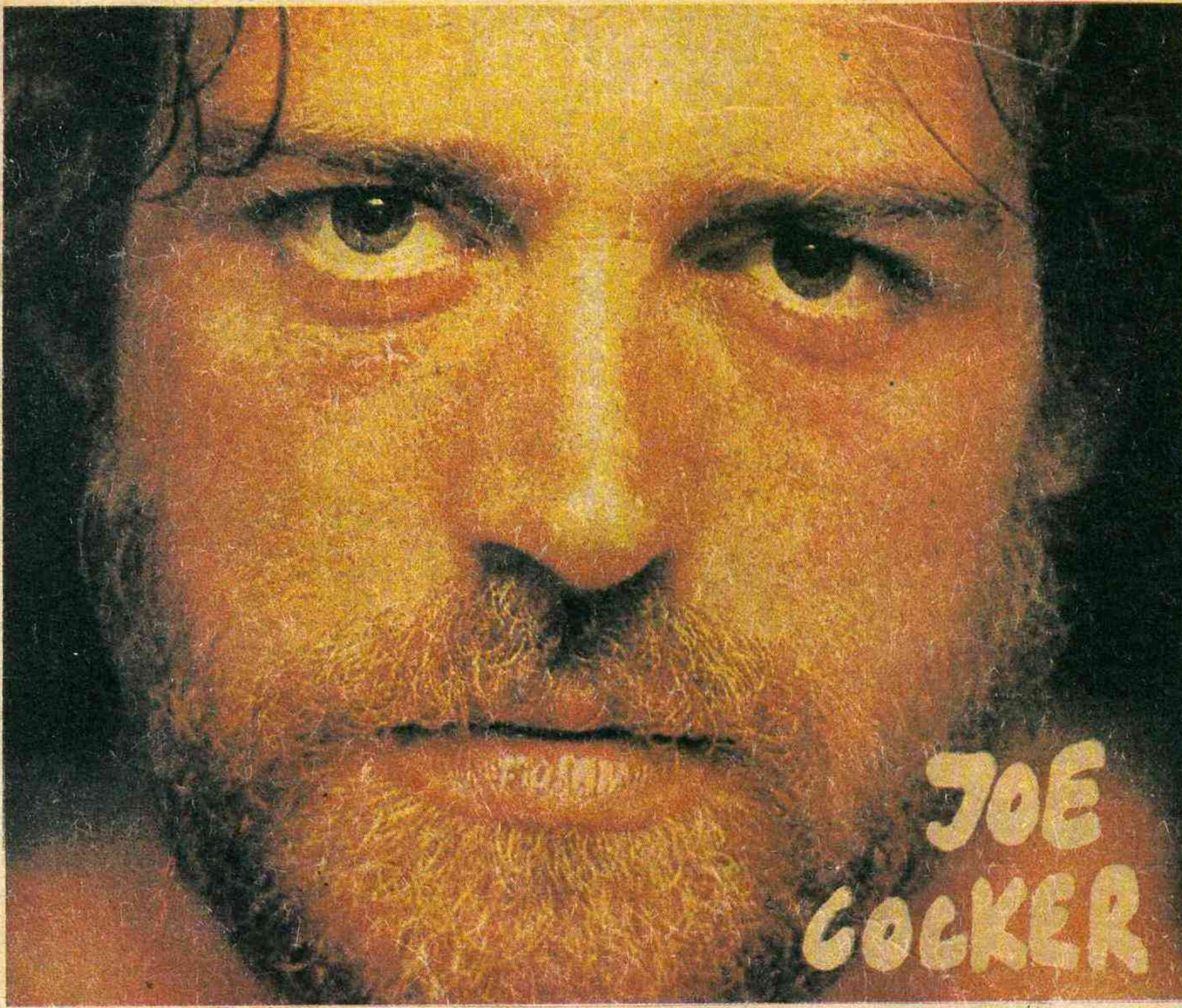

Парус

Индекс 70795 «Парус», 1991, № 5-6, 1—96. Цена 1 р.

А

Б

Парус

А

Б